

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 1
САКАВІК

ПРАВА

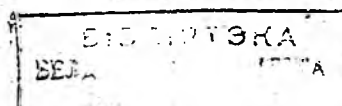
Фундаментальная библиотека

БГУ

01152678

МІНСК • ВЫДАВЕЦТВА БДУ імя У. І. ЛЕНІНА • 1982

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (галоўны рэдактар),
П. М. БАРАНОЎСКІ (адказы сакратар), В. С. ГРЫГОР'ЕЎ.
І. І. ЖБАНКОВА, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (нам. галоў-
нага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН, І. Р.
ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (адказы рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (адказы сакратар), Г. П. ДАВІДЗЮК.
П. П. ДРОНЬ, Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ (нам. адказнага рэдак-
тара), М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯЎЧЭНЯ, А. А. КРУГЛОЎ,
М. І. КРУКОЎСКІ, Г. М. ЛІЎШЫЦ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ.
У. М. СІКОРСКІ], В. С. СЦЕПІН, В. Ф. ЧЫГІР, М. Р. ЮР-
КЕВІЧ, С. Я. ЯНЧАНКА

Гісторыя

Н. К. ЦЕЦЕРУКОЎ

ДЗЕЙНАСЦЬ КАМПАРТЫІ БЕЛАРУСІ ПА ПАВЫШЭННЮ РОЛІ ЛЕКЦЫЙНАЙ ПРАПАГАНДЫ ў ІДЭЙНА-ПАЛІТЫЧНЫМ ВЫХАВАННІ РАБОЧЫХ ПРАМЫСЛОВАСЦІ (1966 — 1970)

Ідэйна-палітычнае выхаванне ўяўляе сабой састаўную частку працэсу будаўніцтва камунізма. Неабходнасць і важнасць павышэння палітычнай сталасці рабочага класа ўзрастае па меры таго, як расшыраюцца маштабы задач камуністычнага будаўніцтва, якія патрабуюць ад кожнага чалавека свядомага, добрасумленнага і адукаванага дзяржаўнага падыходу да іх вырашэння. Значэнне павышэння ўзроўню і дзейнасці ідэйна-палітычнага выхавання рабочых «...асабліва вялікае цяпер, — падкрэсліў тав. Л. І. Брэжнеў, — калі паміж сацыялізмам і капіталізмам ідзе вострая ідэалагічная барацьба»¹. У пастанове ЦК КПСС «Аб далейшым паляпшэнні ідэалагічнай, палітыка-выхаваўчай работы» (красавік 1979) падкрэсліваецца, што яна «павінна быць узнята на больш высокі якасны ўзровень, які адпавядае патрабаванням развітога сацыялізма, новым задачам камуністычнага будаўніцтва»². Ідэйна-палітычнае выхаванне прамысловых рабочых немагчыма без эфектыўнай лекцыйнай прапаганды. Яе роля і значэнне былі высока ацэнены пастановай ЦК КПСС «Аб стане і мерах паляпшэння лекцыйнай прапаганды» (сакавік 1978). Лекцыйнай прапаганда «...трывала ўвайшла ў духоўнае жыццё краіны, ператварылася ў дзейсны фактар фарміравання навуковага светапогляду, актыўнай жыццёвай пазіцыі, высокіх ідэйна-палітычных і маральных якасцей савецкіх людзей, адыгрывае важную ролю ў павышэнні эфектыўнасці вытворчасці і якасці работы»³.

Партыя заўсёды разглядала лектараў як свой баявы актыў, які нясе жывое слова ў масы, дапамагае ажыццяўляць ідэалагічныя, сацыяльныя і эканамічныя задачы. У гады восьмай пяцігодкі адбыліся якасныя змены ў лекцыйнай прапагандзе рэспублікі і, ў прыватнасці, на прамысловых прадпрыемствах. Асноўнымі звеннямі, якія ажыццяўлялі лекцыйную прапаганду ў прамысловасці былі групы дакладчыкаў і лектараў партыйных камітэтаў. У 1966 годзе ў партыйных арганізацыях Беларусі налічвалася 8470 дакладчыкаў, 146 штатных і 2778 няштатных лектараў⁴. Але самы шматлікі атрад лектараў мела таварыства «Веды». На прадпрыемствах прамысловасці, транспарту і будоўляў у канцы 1966 года дзейнічала 634 пярвічныя арганізацыі таварыства. Да канца 1970 года іх колькасць павялічылася больш, чым у два разы⁵.

Павышаючы якасць і дзейнасць лекцыйнай работы, партыйныя камітэты, пярвічныя партыйныя арганізацыі кіраваліся ўказаннямі У. І. Леніна аб тым, што ідэйна-палітычны напрамак лекцый вызначаецца саставам лектараў. На лекцыйную работу накіроўваліся тэарэтычна і палітычна адукаваныя людзі, здольныя данесці палітыку партыі да шырокіх мас. Так, напрыклад, у 1966 годзе вышэйшую і незакончаную вышэйшую адукацыю мелі 5985 (або 70,6 %) дакладчыкаў і 2832 (або 96,6 %) лектараў партыйных камітэтаў, адпаведна 3529 (або 41,6 %) і 1396 (або 44,9 %) з іх складалі партыйныя, савецкія, прафсаюзныя і камсамольскія работнікі, а астатнія — гаспадарчыя кіраўнікі, ІТР і спецыялісты народнай гаспадаркі, навуковыя работнікі⁶. У ліку 74 062 членаў таварыства «Веды» было 2195 вучоных, 4479 партыйных, савецкіх, прафсаюзных і кам-

самольскіх работнікаў, 5785 навуковых работнікаў, выкладчыкаў ВНУ і сярэдніх навучальных устаноў, 38933 настаўніка, больш 14 тыс. спецыялістаў народнай гаспадаркі⁷. На прамысловых прадпрыемствах членамі таварыства «Веды» былі кіраўнікі прадпрыемстваў, галоўныя спецыялісты і ІТР. Надаючы важнае значэнне падбору лектараў, партыйныя камітэты павышалі ўзровень іх вучобы. Гэтаму служылі пастаянна дзеючыя семінары і школы лектараў.

У восьмай пяцігодцы значна палепшылася структура і тэматычная накіраванасць лекцый. Пераважаючай у іх з'яўлялася грамадска-палітычная тэматыка. Так, напрыклад, калі ў 1966 годзе на прадпрыемствах прамысловасці, будаўніцтва і транспарту па грамадска-палітычнай тэматыцы было прачытана 85 тыс. лекцый (або 62,4 % агульнай колькасці), то ўжо ў 1969—124 тыс. (або 77,5 %) ⁸. Гэтыя лекцыі ахоплівалі важнейшыя бакі жыцця і выступалі магутным фактарам фарміравання светапогляду, перакананняў, дзеянняў працоўных.

Пасля адбыўшыхся XXIII з'езда КПСС і XXVI з'езда КПБ партыйныя арганізацыі накіроўвалі ўвагу лектараў на прапаганду іх рашэнняў і матэрыялаў. На працягу 1966 года на прадпрыемствах рэспублікі па матэрыялах з'ездаў партыі было прачытана 20 тыс. лекцый і дакладаў, на якіх прысутнічала больш мільёна чалавек. Лектары імкнуліся ўлічваць спецыфіку прадпрыемстваў, палітычны ўзровень слухачоў. Лекцыі і даклады цесна ўвязваліся з задачамі, пастаўленымі перад працоўнымі калектывамі партыйнымі з'ездамі ⁹.

Вялікае ўздзеянне на актывізацыю ўсёй лекцыйнай прапаганды аказала падрыхтоўка да 50-годдзя Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. Рыхтуючыся да гэтай гістарычнай даты, ЦК КПБ, абкомы, гаркомы і райкомы партыі прааналізавалі стан лекцыйнай прапаганды. Так, у ліпені 1966 года прэзідыум ЦК КПБ разгледзеў пытанне «Аб стане лекцыйнай прапаганды ў Гродзенскай вобласці». У пастанове прэзідыум адзначыў дадатныя бакі арганізацыі лекцыйнай прапаганды ў працоўных калектывах і па месцу жыхарства, у той жа час былі ўскрыты і істотныя недахопы. На прадпрыемствах было мала арганізавана цыклаў лекцый, лекторыяў і кіналекторыяў, мелі месца недахопы ў вучобе лектараў ¹⁰. Выконваючы пастанову, партыйныя арганізацыі сталі больш увагі ўдзяляць якасці і дзейнасці лекцыйнай прапаганды, вучобе лектараў, ўлічвалі запытанні рабочых у расшырэнні іх ведаў. Ужо да 10 лютага 1967 года было створана па юбілейнай тэматыцы 3790 цыклаў лекцый і лекторыяў ¹¹. За 1967 год на прадпрыемствах прамысловасці, транспарту і будоўляў было прачытана 129.727 лекцый, прычым большасць па юбілейнай тэматыцы ¹².

Лекцыйная прапаганда ўзбагачалася новымі формамі работы ў масах. Адною з такіх форм з'явіліся кастрычніцкія чытанні. З лекцыямі і дакладамі на іх выступалі партыйныя, савецкія работнікі, кіраўнікі прадпрыемстваў, вучоныя, ветэраны партыі, удзельнікі рэвалюцыі, грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, ветэраны працы. За кароткі час кастрычніцкія чытанні атрымалі шырокае распаўсюджванне. Напрыклад, у Маладзечна такія чытанні праходзілі на 25 прадпрыемствах прамысловасці, у Мінскай вобласці на 1168, у Гродзенскай было арганізавана 425 кастрычніцкіх чытанняў ¹³.

Вялікая лекцыйная работа была разгорнута партыйнымі камітэтамі пры падрыхтоўцы і святкаванні 50-годдзя БССР і КПБ. На прадпрыемствах арганізаваліся спецыяльныя цыклы лекцый, кіналекторыі, праводзіліся тэматычныя вечары. Напрыклад, толькі на Мінскім абутковым аб'яднанні «Прамень» было арганізавана 15 цыклаў. Усяго ў Мінску дзейнічала 388 цыклаў, на прадпрыемствах Маргілёва і вобласці—662, Віцебска—582 ¹⁴. Партыйныя арганізацыі завастралі ўвагу на якасці чытаемых лекцый, іх дзейнасці.

У 1966—1970 гады на прадпрыемствах рэспублікі значна павялічылася колькасць лекцый, якія выкрываюць буржуазную і рэвізіянісцкую ідэалогію. Красавіцкі (1968) Пленум ЦК КПСС падкрэсліў, што «непрымірымая барацьба з варожай ідэалогіяй, рашучае выкрыццё падкопаў імперыялізму, камуністычнае выхаванне членаў КПСС і ўсіх працоўных, узмацненне ўсёй ідэалагічнай дзейнасці партыі набывае асаблівае значэнне» ¹⁵. На гэтых пытаннях завастралася ўвага і пры чытанні лекцый па іншых напрамках, асабліва па міжнароднай тэматыцы, якая заўсёды цікавіла рабочых і займала на прадпрыемствах важнае месца. Так, напрыклад, калі ў 1966 годзе лектарамі таварыства «Веды» на прадпрыемствах

прамысловасці, будоўляў і таварыства «Веды» на прадпрыемствах прамысловасці, будоўляў і транспарту было прачытана па міжнароднаму становішчу 43 973 лекцыі, то ў 1970 годзе — 52 266¹⁶.

У чэрвені 1968 года пленум ЦК КПБ разгледзеў пытанне «Аб стане і мерах паляпшэння масава-палітычнай работы ў рэспубліцы». У пастанове адзначалася неабходнасць паляпшэння ідэйнага выхавання працоўных, для чаго важна было шырэй выкарыстоўваць лекцыйную прапаганду, рэгулярна праводзіць тэарэтычныя канферэнцыі, ленынскія і кастрычніцкія чытанні і іншыя формы лекцыйнай работы¹⁷. Выконваючы даную пастанову, партыйныя арганізацыі актывізавалі лекцыйную прапаганду, павысілі яе ролю ў ідэйным выхаванні рабочых.

Асаблівае месца ў лекцыйнай прапагандзе на працягу ўсёй пяцігодкі займала ленынская тэматыка. Пасля апублікавання ў ліпені 1968 года Пастановы ЦК КПСС «Аб падрыхтоўцы да 100-годдзя з дня нараджэння У. І. Лёніна» ЦК КПБ выпрацаваў мерапрыемствы, якімі вызначыў асноўныя напрамкі дзейнасці партыйных арганізацый у справе выканання данай пастановы. У партыйных арганізацыях рэспублікі былі створаны і зацверджаны спецыяльныя групы лектараў і дакладчыкаў. У іх састаў увайшлі 48 тыс. найбольш падрыхтаваных і кваліфікаваных лектараў. Кіруючыся спецыяльнай тэматыкай, распрацаванай аддзелам прапаганды і агітацыі ЦК КПБ, партыйныя арганізацыі сумесна з таварыствам «Веды» арганізавалі чытанне цыклавых лекцый, дакладаў, праводзілі тэматычныя вечары і тэарэтычныя канферэнцыі.

На многіх прадпрыемствах праводзіліся вечары, прысвечаныя саратнікам У. І. Лёніна, а таксама было арганізавана чытанне лекцый па працах У. І. Лёніна «Што рабіць?», «Дзяржава і рэвалюцыя», «Дзіцячая хвароба «левізны» у камунізме». Шырокае распаўсюджванне атрымалі ленынскія чытанні. У аснову іх арганізацыі быў пакладзены вопыт правядзення кастрычніцкіх чытанняў. У прапагандзе жыцця і дзейнасці У. І. Лёніна, яго тэарэтычнай спадчыны партыйныя арганізацыі ўмела выкарыстоўвалі і такія формы лекцыйнай прапаганды, як ленынскія, тэарэтычныя канферэнцыі, сустрэчы з ветэранамі ленынскай гвардыі, кіналекторыі.

Вялікая лекцыйная работа праводзілася на прадпрыемствах рэспублікі па прапагандзе матэрыялаў Міжнароднай Нарады камуністычных і рабочых партый (1969), снежанскага (1969) Пленума ЦК КПСС, па падрыхтоўцы да XXIV з'езда КПСС і святкавання 25-й гадавіны перамогі над фашысцкай Германіяй і мілітарысцкай Японіяй.

Такім чынам, Кампартыя Беларусі ў гады восьмай пяцігодкі накіпіла пэўны вопыт ідэйна-палітычнага выхавання прамысловых рабочых. За гэты час павысіўся навуковы ўзровень лекцыйнай прапаганды, умацавалася сувязь з жыццём, яна ўзбагацілася новым зместам і новымі формамі, стала палітычна вострапейшай і больш наступальнай. Узрасла роля лекцыйнай прапаганды ў ідэйным выхаванні рабочых, павышэнні іх свядомасці і камуністычнай перакананасці, што адбівалася на актывізацыі барацьбы за паспяховае выкананне заданняў восьмай пяцігодкі.

¹ Брежнев Л. И. Дело Ленина живет и побеждает.— М., 1970, с. 75.

² Гл.: Коммунист, 1979, № 7, с. 10—20.

³ Гл.: Правда, 1978, 5 марта.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, воп. 71, спр. 292, арк. 33, 34.

⁵ ЦГАОР БССР, ф. 1030, воп. 2, спр. 307, арк. 4, 5.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, воп. 71, спр. 291, арк. 51; спр. 279, арк. 33, 34.

⁷ ЦГАОР БССР, ф. 1030, воп. 2, спр. 307, арк. 5.

⁸ Текущий архив Правления общества «Знание» Белорусской ССР: Обзор лекционной деятельности за 1966—1970 гг.— Минск, 1972, с. 2, 7.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, воп. 71, спр. 297, арк. 26.

¹⁰ Там жа, арк. 27; воп. 81, спр. 2041, арк. 5—11.

¹¹ Там жа, воп. 71, спр. 231, арк. 55.

¹² ЦГАОР БССР, ф. 1030, воп. 2, спр. 337, арк. 1.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, воп. 71, спр. 229, арк. 14, 89, 90.

¹⁴ Там жа, ф. 4, воп. 71, спр. 302, арк. 206; спр. 321, арк. 25; спр. 302, арк. 206.

¹⁵ Гл.: Вопросы идеологической работы КПСС: Сборник важнейших решений КПСС (1965—1972 гг.).— М., 1972, с. 86.

¹⁶ ЦГАОР БССР, ф. 1030, воп. 2, спр. 307, арк. 11.

¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, воп. 20, спр. 461, арк. 12—14.

¹⁸ Там жа, воп. 81, спр. 2165, арк. 13, 55—61; воп. 71, спр. 321, арк. 34.

ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ — ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ УКРЕПЛЕНИЯ СОЮЗА РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА (1971—1975)

Одним из важнейших положений стратегии и тактики КПСС является вопрос о постоянном упрочении союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса. Экономической основой укрепления этого союза является неуклонный подъем производительных сил как промышленности, так и сельского хозяйства, опирающийся на новейшие достижения науки и техники, последовательную и всестороннюю индустриализацию сельскохозяйственного производства. Все это содействует сближению труда крестьянина и труда рабочего, благоустройству быта деревни, повышению культуры сельской жизни, гармонизации коренных интересов и дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Эти социальные изменения не реализуются автоматически. Они требуют пристального научного изучения и управления ими со стороны социалистического государства, общественных организаций и прежде всего Коммунистической партии.

В годы девятой пятилетки (1971—1975) Компартия Белоруссии большое внимание уделяла решению различных социальных проблем села и главным образом — повышению культурно-технического уровня и трудовой активности колхозного крестьянства.

Рост культурно-технического уровня сельского населения путем повышения его общеобразовательной подготовки — главное условие ликвидации культурных различий между городом и деревней. В этом деле большая роль отводится сельской школе. Партийные организации проделали большую работу по укреплению материально-технической базы сельской школы. В целом за пятилетку в республике было построено 509 сельских школ¹. Много внимания уделялось повышению профессионального уровня сельских учителей, пополнению школ специалистами с высшим образованием. Общее количество сельских учителей с высшим образованием в 1974/1975 учебном году составило 54,5 % по сравнению с 28,9 в 1964/1965².

В. И. Ленин писал, что «...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»³. Значительную роль в повышении культурно-технического уровня сельских тружеников играет работа школы по профориентации учащихся и подготовке их к конкретному виду трудовой деятельности. Партийные организации провели большую работу по политехнизации сельской школы, добиваясь укрепления связи между школой и жизнью, теорией и практикой, образованием и производительным трудом. Только в 1973 году сельская школа подготовила 13 тыс. механизаторов⁴.

О росте культурно-технического уровня сельского населения убедительно говорит увеличение числа людей с высшим и средним специальным образованием. Если в 1965 году в сельском хозяйстве республики было занято 27,4 тыс. специалистов высшей и средней квалификации, то в 1974 — свыше 60 тыс., т. е. в два с лишним раза больше⁵.

За годы пятилетки в республике произошли коренные изменения в подготовке специалистов средней квалификации. Партийные организации провели большую работу по повышению их роли в сельскохозяйственном производстве, созданию для них необходимых условий труда и отдыха. Все это позволило увеличить число специалистов данной категории с 11 752 в 1970 году до 23 934 человек в 1975 году⁶.

Внедрение научно-технического прогресса в сельское хозяйство выдвинуло задачу обучения сельского населения техническим профессиям и прежде всего подготовки высококвалифицированных механизаторских кадров.

В республике в годы пятилетки увеличился набор в профессионально-технические училища. Кроме этого, партийные комитеты осуществили ряд мер по расширению подготовки механизаторов через филиалы сельских профессионально-технических училищ, организованных непосредственно в

хозяйствах, а также на курсах при объединениях «Белсельхозтехники». Так, уже в 1971 году — первом году девятой пятилетки — в филиалах сельских профессионально-технических училищ обучалось 6,6 тыс. человек⁷. А в организациях и предприятиях системы «Белсельхозтехники» было подготовлено 6142 рабочих при плане 5210; кроме того, 11 170 механизаторов повысили квалификацию при районных объединениях и отделениях «Белсельхозтехники»⁸.

Большое значение для закрепления механизаторских кадров на селе имело постановление ЦК КПБ от 22 июня 1971 года «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве». Исходя из этого постановления, областные комитеты партии разработали перспективные планы подготовки механизаторов на пятилетку с учетом реальных возможностей и требований производства, а также приняли меры по их закреплению. Механизаторам в первую очередь предоставлялись квартиры, выделялись средства и строительные материалы на постройку и ремонт личных домов. Они получали преимущественное право на покупку легковых автомобилей, мотоциклов, других предметов культурно-бытового назначения. Так, например, в колхозе «Красный ударник» Осиповичского района по инициативе партийной организации многим семьям механизаторов были предоставлены квартиры с обстановкой за счет колхоза. Вступившим в брак, кроме того, еще на протяжении трех лет выдавались надбавки к зарплате в размере 25 %⁹.

В целом за пятилетку численность механизаторов в колхозном производстве возросла на 27,5 тыс. человек и составила на конец 1975 года 119 тыс.¹⁰ Удельный вес механизаторов в общем количестве занятых в производстве повысился с 5,5 % в 1970 году до 9,5 в 1975.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в деревне все активнее разворачивается процесс коренного изменения характера сельскохозяйственного труда, его интеллектуализации и практического превращения в разновидность труда индустриального.

Важным фактором роста культурно-технического уровня сельского населения в годы пятилетки являлась стройная система политического и экономического образования. Только в одной Гродненской области в 1975 году в этой системе занималось более 20 тыс. сельских тружеников, более 15 тыс. училось в агроокружках и университетах сельскохозяйственных знаний¹¹.

В стирании различий между городом и деревней, в дальнейшем сближении рабочего класса и колхозного крестьянства большую роль играют учреждения культуры и искусства. Многие хозяйства за пятилетку при помощи государства построили дома культуры, которые по своей планировке и архитектурному решению ничем не уступают городским. Благодаря заботе партийных организаций об укреплении материально-технической базы культурно-просветительных учреждений в целом за пятилетие построено на селе клубов и домов культуры на 92 тыс. мест¹². В рассматриваемый период большое внимание уделялось и обеспечению культурно-просветительных учреждений кадрами, способными активно содействовать формированию духовных интересов сельских тружеников.

Культурно-просветительные учреждения стали активными помощниками партийных и хозяйственных органов в пропаганде сельскохозяйственных знаний и передового опыта, в развитии художественной самодеятельности.

Партийные организации республики большое внимание уделяли развитию культурного шефства города над деревней. Так, например, бюро Брестского горкома КПБ разработало на пятилетку план культурного шефства трудовых коллективов и учреждений культуры города над колхозами и совхозами трех районов области. На село посылались лекторы, докладчики, коллективы художественной самодеятельности. Только во время весенних полевых работ в 1974 году в подшефных хозяйствах было дано 78 концертов¹³.

Рост культуры села находит свое выражение и в растущем интересе к книге — художественной, политической, технической. По сравнению с 1970 годом выпуск книг для села в 1975 году возрос более чем на 9 млн. экз. На каждую сельскую семью в среднем приходилось 4 газеты и журнала¹⁴. Характерной чертой культурной жизни села стало широкое внедрение в его быт радио и телевидения, являющихся эффективным средством усиления контактов между городом и деревней, их взаимного влияния.

Проводя целенаправленную работу по повышению культурно-технического уровня сельского населения в годы пятилетки, партийная организация республики добивалась повышения его трудовой и общественной активности. Это нашло свое выражение в массовой инициативе и новаторстве, в широком развитии социалистического соревнования. В годы пятилетки более 40 работникам сельского хозяйства присвоено звание Героя Социалистического Труда, около 28 тыс. за трудовые успехи отмечены правительственными наградами.

Огромная работа партии по повышению культурно-технического уровня колхозного крестьянства в годы девятой пятилетки явилась действенным фактором повышения эффективности сельскохозяйственного производства и формирования гармонично развитой личности сельского труженика, труженика-коллективиста, усвоившего идеологию рабочего класса, его коммунистические идеалы. Все это способствовало дальнейшему сближению рабочего класса и колхозного крестьянства, укреплению их союза, имеющего решающее политическое и социально-экономическое значение для строительства коммунизма в СССР.

¹ См.: Аграрная политика КПСС: опыт и актуальные проблемы.— М., 1977, с. 103.

² См.: Коммунист Белоруссии, 1975, № 12, с. 35.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 485.

⁴ См.: Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе.— М., 1975, т. 1, с. 52.

⁵ Там же, с. 50.

⁶ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР: Статистический сборник.— Минск, 1976, с. 108.

⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, 0.46, д. 871, л. 113.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, 0.46, д. 876, л. 16.

⁹ Там же, л. 38—39.

¹⁰ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР, с. 112.

¹¹ См.: Коммунист Белоруссии, 1975, № 7, с. 46.

¹² См.: Аграрная политика КПСС: опыт и актуальные проблемы, с. 103.

¹³ ПА Брестского ок КПБ, ф. 2, 0.82, д. 33, л. 95.

¹⁴ См.: Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе, с. 43.

И. В. ФРОЛОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КПБ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕЛА К ИДЕЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Высокий образовательный уровень и общественное положение сельской интеллигенции выдвигают ее на передний рубеж воспитательной работы. Поэтому вполне естественным является повышенное внимание КПСС к участию сельской интеллигенции в идейно-политическом воспитании работников полей и ферм. Так, июльский (1971) Пленум ЦК КПБ уделил большое внимание вовлечению в активную идеологическую работу руководителей и специалистов народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Пленум определил основные формы участия интеллигенции в массово-политической работе. Это—выступления с докладами и лекциями, отчеты о своей деятельности перед трудящимися, прессконференции, вечера вопросов и ответов, участие в информационно-пропагандистских группах и т. д.¹

Партийная организация Белоруссии, руководствуясь указаниями пленума и постановлениями ЦК КПСС «Об участии руководящих инженерно-технических работников Череповецкого металлургического завода в идейно-политическом воспитании членов коллектива» (декабрь 1971), «О работе Алтайского крайкома КПСС по повышению роли специалистов в развитии колхозного и совхозного производства (июль 1972), провела значительную работу по повышению общественно-политической активности сельской интеллигенции, более полному использованию ее знаний и опыта в решении задач коммунистического воспитания сельских тружеников.

В годы девятой пятилетки постоянный контроль за деятельностью местных партийных организаций по усилению общественно-политической активности сельской интеллигенции осуществляли областные и районные

комитеты партии. Вопросы идеологической работы интеллигенции обсуждались на пленумах, бюро обкомов и райкомов КПБ. Обсуждение подобного рода вопросов способствовало распространению передового опыта работы партийных организаций по привлечению интеллигенции к коммунистическому воспитанию трудящихся. Так, широкое распространение в Свислочском районе получила инициатива парторганизаций племзавода «Новый двор» и Новодворской средней школы. Первая из них оказывала помощь школе в профориентации учащихся, а вторая организовала в совхозе чтение лекций и докладов, проведение полигинформаций.

Гродненский обком КПБ 16 июня 1971 года провел областное собрание представителей сельской интеллигенции по обсуждению проблем и опыта воспитательной работы. Значительное место в выступлениях занимали вопросы повышения общественно-политической активности сельской интеллигенции, ее участия в коммунистическом воспитании тружеников деревни ².

Важное место в идейном воспитании сельских тружеников занимает политическое просвещение. Его эффективность зависит прежде всего от состава пропагандистских кадров. Основная часть пропагандистов, лекторов на селе — это агрономы, зоотехники, учителя, врачи. Вот почему в годы девятой пятилетки партийные организации КПБ ставили задачи подготовить каждого специалиста сельского хозяйства, сельскую интеллигенцию к пропагандистско-лекционной работе. С этой целью райкомы партии включили в учебные планы школ партийно-хозяйственного актива, университетов марксизма-ленинизма и других форм политического просвещения, где занимались руководители и специалисты сельского хозяйства, вопросы методики пропагандистской работы. Эти вопросы изучались и слушателями институтов усовершенствования учителей.

Широко привлекалась сельская интеллигенция и к лекционной работе. Лучшие ее представители являлись лекторами райкомов КПБ. Большое внимание вовлечению сельской интеллигенции в лекционно-пропагандистскую деятельность уделялось в Вороновском, Осиповичском, Брагинском, Горецком, Ляховичском, Наровлянском, Столинском районах. В Осиповичском районе, например, в 1974 году в составе пропагандистов системы политпросвещения было примерно 47 % руководителей и специалистов сельского хозяйства. Каждый третий специалист являлся лектором, докладчиком, пропагандистом ³. Более двух тысяч представителей сельской интеллигенции вели пропагандистскую работу в Брагинском районе ⁴.

В массово-политической работе на селе партийные организации КПБ также опирались на лучших представителей сельской интеллигенции. Вопросы участия руководителей и специалистов сельского хозяйства, других представителей интеллигенции села в массово-политической работе, пропаганды передового опыта идеологической работы постоянно освещались на страницах республиканских, областных и районных газет, в передачах телевидения и радио.

Успех идейно-воспитательной работы среди сельского населения в значительной степени зависит от плановости и слаженности в работе агитколлективов. Действенность этой работы в годы девятой пятилетки обеспечивалась тем, что агитаторы проводили беседы непосредственно в производственных бригадах, на животноводческих фермах, участвовали в проведении Дней бригады, животноводов, механизаторов, оказывали помощь в оформлении наглядной агитации и стенной печати. Партийные комитеты колхозов и совхозов направляли работу агитколлективов. Действенное руководство работой агитбригад осуществляли партийные организации колхозов «Рассвет» им. К. П. Орловского Кировского района, «Чырвоны баяц» Наровлянского района, им. Красной Армии Витебского района, им. Калинина Свислочского района и др. Так, в агитколлективе колхоза им. М. И. Калинина работало 35 человек. В их числе 18 специалистов сельского хозяйства и 17 учителей. Агитаторы разъясняли колхозникам политику партии, информировали их о ходе выполнения социалистических обязательств. Партийный комитет регулярно, раз в месяц, проводил семинары и совещания агитаторов. Перед ними выступали председатель колхоза и секретарь парторганизации ⁵.

Велико значение политического информирования тружеников села. Оно призвано удовлетворить запросы всех категорий населения. Группы политинформаторов формировались парткоммами из хорошо подготовленных людей с высшим и средним специальным образованием. Прежде все-

то это были главные специалисты колхозов и совхозов, учителя средних школ. Вводилась специализация политинформаторов: одни из них выступали по вопросам внутриполитической, другие — международной, третьи — экономической жизни. Ежемесячно с ними проводились семинары. Наглядным примером ответственного отношения парткома к работе политинформаторов может служить совхоз им. Ю. Смирнова Дубровинского района. В состав группы политинформаторов здесь входили основные специалисты хозяйства. Тематика политинформаций разрабатывалась парткомом заранее и утверждалась на каждый месяц. Политинформаторы закреплялись за всеми бригадами. Партком строго следил за соблюдением сроков и качеством проведения политинформаций. В совхозе была создана группа по сбору и обработке политической информации, которую возглавил старший экономист Э. Б. Потапов. Много внимания партком уделял учебе политинформаторов⁶.

Важную роль в политическом воспитании тружеников белорусской деревни в годы девятой пятилетки играли информационно-пропагандистские группы. В их работе активно участвовали представители всех отрядов сельской интеллигенции. Райкомы КПБ определяли темы, которые надо было разъяснять широким массам населения, организовывали выступления руководителей и специалистов сельского хозяйства, врачей, учителей не только на центральных усадьбах, но и в отдаленных бригадах. Все это позволило глубже вникнуть в жизнь сельских тружеников, решить на месте многие вопросы, аргументированно разъяснять постановления партии и правительства, мобилизовать массы на их выполнение. Работа в пропагандистских группах помогала интеллигенции, особенно производственной, получать богатую информацию снизу, необходимую для планирования и организации политико-воспитательной работы.

Широкое распространение информационно-пропагандистские группы получили в Ляховичском районе. Кроме группы райкома партии, они были созданы еще при четырех крупных партийных организациях. Райком и сельские парторганизации составляли годовой рабочий план групп, предусматривавший направленность каждого выступления. Группы первичных организаций выступали в бригадах ежеквартально, а то и чаще⁷.

Деятельность колхозных и совхозных парторганизаций КПБ по политическому воспитанию тружеников деревни не достигла бы цели без привлечения к этой работе учителей — самого многочисленного отряда сельской интеллигенции. Общественную работу учителей направляли школьные партийные организации. Вопросам совершенствования их деятельности был посвящен XVII Пленум ЦК КПБ (1975). Пленуму предшествовало изучение работы партийных организаций школ республики. Оно показало, что вопросы идейного воспитания коллективов учителей и их максимального привлечения к пропагандистской и агитационно-массовой работе находились в центре внимания подавляющего большинства школьных парторганизаций. Совместно с парткомами совхозов и колхозов они планировали участие учителей в системе политпросвещения, во всех других воспитательных мероприятиях, проводимых на селе. Большую работу в этом направлении проводили партийные организации школ Могилевского, Наровлянского, Крупского, Логойского и других районов. Так, в Могилевском районе на начало 1975/1976 учебного года из 832 учителей 73 являлись пропагандистами в системе партийного и комсомольского просвещения, свыше 600 — лекторами, политинформаторами и агитаторами. Учителя работали в шести университетах педагогических знаний и в 35 лекториях всеобуча, действовавших в районе⁸.

Таким образом, годы девятой пятилетки характерны тем, что партийные организации КПБ вовлекли значительную часть сельской интеллигенции в идейно-политическую работу среди населения. Усиление общественной активности сельской интеллигенции положительно сказалось на различных сторонах жизни колхозов и совхозов, содействовало выполнению ими производственных задач.

¹ Сельская газета, 1971, 15 июня.

² Гродненская правда, 1971, 22 июня.

³ ПА Могилевского ок КПБ, ф. 9, оп. 153, д. 317, л. 57.

⁴ ПА Гомельского ок КПБ, ф. 144, оп. 137, д. 2, л. 56.

⁵ ПА Гродненского ок КПБ, ф. 5, оп. 41, д. 10, л. 154.

⁶ ПА Витебского ок КПБ, ф. 7, оп. 35, д. 2, л. 14.

⁷ Политинформатор и агитатор, 1975, № 4, с. 21.

⁸ ЦПА при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 73, д. 326, л. 52.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ И РОСТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР (1944—1945)

После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории западных областей перед КП(б) Белоруссии встали задачи по мобилизации трудящихся на оказание всемерной помощи наступавшей Советской Армии, ликвидации хозяйственной разрухи, по организации экономического и культурного строительства и политическому воспитанию масс.

В конце 1944 года по решению директивных органов началось восстановление профсоюзных организаций республики¹. На основе этих решений к началу 1946 года были образованы Центральный, 29 республиканских, 49 областных комитетов профсоюзов, 2 бассейновых речных комитета². Несмотря на отсутствие руководящих кадров, слабость материальной базы, нехватку денежных средств восстановление профсоюзов проходило в обстановке высокой политической активности трудящихся.

В короткий срок после освобождения западных областей Белоруссии на руководящую советско-хозяйственную работу было выдвинуто свыше 18 тыс. рабочих³. Их нужно было ускоренно обучить специфике профсоюзной работы. Основной формой подготовки профактива в то время были 5—10-дневные семинары для председателей и членов ФЗМК, членов комиссий и профгруппоргов. За 1945 и первое полугодие 1946 года было подготовлено 1400 профсоюзных активистов⁴. Подготовку кадров в те годы затрудняла нехватка преподавателей и лекторов по профдвижению. Деятельность республиканских комитетов профсоюзов в первые годы после освобождения осложнялась также обособленностью отдельных организаций и отсутствием обмена опытом работы между ними. Недостаточно внимания уделялось гласности трудовой и политической активности рабочего класса.

Профсоюзы промышленности, транспорта западных областей Белоруссии направляли усилия широких масс трудящихся на оказание помощи Советской Армии, восстановление народного хозяйства, укрепление трудовой дисциплины, повышение производительности труда и организацию социалистического соревнования.

Победоносное наступление Советской Армии вдохновляло западнобелорусских трудящихся на трудовые подвиги. Это помогало профсоюзам повышать общественно-политическую активность рабочих. Только политической сознательностью и энтузиазмом рабочего класса можно объяснить тот факт, что в условиях разрухи к июлю 1945 года из 110 промышленных предприятий союзно-республиканского подчинения Гродненской области было восстановлено и пущено в эксплуатацию 86. Рабочие самоотверженно трудились над возрождением из руин родных городов. Только рабочие Пинска за 7 месяцев после освобождения отработали на воскресниках по восстановлению города 25 тыс. человеко-дней⁵.

Энтузиазм трудящихся в восстановлении народного хозяйства приближал победу Советской Армии, ибо наращивание размеров и действенности помощи западнобелорусских рабочих фронту находилось в прямой зависимости от укрепления экономики. Помощь фронту выражалась прежде всего в налаживании коммуникаций для наступавшей армии, строительстве аэродромов, госпиталей, расчистке снежных заносов на дорогах в зимний период. В короткий срок в республике было построено 2950 мостов, причем высоководные мосты через Неман, Березину и другие реки были восстановлены на месяц раньше установленного ГКО срока⁶.

Стремление трудящихся западнобелорусских городов приблизить сроки окончательной победы над фашизмом выразилось и в сборе средств в фонд обороны. Начало массовому движению положили рабочие городов Барановичской области, которые взяли практические обязательства по усилению помощи Советской Армии. Почин сразу был подхвачен во всех городах западных областей. В обстановке высокого патриотического подъема осуществлялся сбор средств на строительство танков и самолетов. В этом благородном движении особенно отличались трудящиеся Барановичской области и Брест-Литовской железной дороги, на средства которых были построены танковые колонны.

Широкий размах приобрело движение рабочего класса западных об-

ластей БССР по оказанию помощи раненым советским воинам, установлению шефства над госпиталями. В честь 27-й годовщины Советской Армии трудящиеся Пинской области отправили раненым бойцам свыше 2 тыс. индивидуальных посылок, рабочие делегации областного центра носили подшефные госпитали и вручили раненым подарки. Рабочие Слонимской мебельной фабрики во внеурочное время изготовляли для госпиталей мебель, рабочие кирпичного завода ремонтировали помещения ⁷.

Главным политическим лозунгом развернувшегося в западных областях республики социалистического соревнования было: «Все для фронта, все для победы». Массово-политическая работа профсоюзов была направлена на всемерное развешивание соревнования за перевыполнение планов восстановления. Призыв работников Минского радиозавода развернуть всебелорусское социалистическое соревнование за быстрое восстановление предприятий и изыскание местного сырья для улучшения снабжения армии первыми подхватили предприятия местной промышленности Гродненской области. Уже в ноябре 1944 года они выполнили производственный план на 130 %. У рабочих западных областей рождались и собственные почины. Так, коллектив Волковысского цементного завода призывал всех работников промышленности стройматериалов БССР весной 1945 года «добиться образцовой работы каждого восстановленного завода, цеха». Инициаторами безостановочного ремонта паровозов стали лунинецкие железнодорожники ⁸.

Политический подъем трудящихся масс западных областей республики, вызванный победой в войне, усилил трудовую активность. На стахановскую вахту Победы стали рабочие коллективы предприятий Баранович, Пинска, Бреста, Гродно, Молодечно ⁹. Молодые рабочие Волковыска, Слонима, Гродно, Лиды подхватили призыв шахтеров Кизеловского угольного бассейна и комбината Ростовуголь развернуть соревнование в честь Победы за досрочное выполнение годовых планов ¹⁰.

Сразу же после освобождения перед профсоюзными организациями западных областей БССР встала задача широко развернуть политическую работу среди трудящихся, подчинив ее задачам дальнейшего укрепления Советской власти, обеспечения нужд фронта, восстановления народного хозяйства, воспитания у рабочего класса социалистического отношения к труду и строжайшего соблюдения государственной дисциплины. На это указывало постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» ¹¹. В первые месяцы после освобождения политическое руководство деятельностью профсоюзов в западных областях республики было несколько ослаблено. Особого усиления массово-политической работы в регионе требовало и то обстоятельство, что население западных областей не прошло в предвоенные годы школы социалистического строительства, на протяжении длительного времени его сознание отравлялось ненавистью к СССР сначала националистической пропагандой буржуазно-помещичьей Польши, а затем фашистскими оккупантами.

В этих условиях профсоюзы могли поднять общественно-политическую активность масс трудящихся и направить ее на решение задач социалистического преобразования областей только путем вовлечения актива рабочих в идейно-политическую и культурно-массовую работу. При фабриках многих предприятий создавались комиссии по культурно-массовой работе. Такие комиссии занимались созданием наглядной агитации, приобретением необходимой литературы, воссозданием профсоюзной киносети. По предложению Президиума ВЦСПС началось восстановление красных уголков, которые становились центром массово-политической работы, проводимой профсоюзным активом.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны и начало восстановления народного хозяйства явились мощным толчком для подъема массово-политической работы. В мае 1945 года на предприятиях Брестской области число рабочих-агитаторов увеличилось в 2,5 раза; профсоюзные агитаторы Гродненской области провели в мае 2055 бесед, было оборудовано 50 красных уголков ¹².

Массово-политическая работа профсоюзов западных областей БССР содействовала подъему общественно-политической активности рабочего класса, вытеснению тлетворного влияния буржуазной идеологии, формированию социалистического сознания. Совершенствование работы проф-

союзов вело к дальнейшему повышению их роли в политической, экономической и культурной жизни западных областей республики.

¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, ед. хр. 217, л. 349; ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 5, ед. хр. 3, л. 1.

² Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах.— Мінск, 1975, т. 4, с. 547.

³ ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 30, л. 280.

⁴ Там же, ф. 265, оп. 5, ед. хр. 3, л. 22, 29.

⁵ См.: Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905—1969).— Минск, 1970, с. 282; Советская Белоруссия, 1944, 22 ноября; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, ед. хр. 217, л. 176, 177; ед. хр. 220, л. 265; ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 22, л. 129.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, ед. хр. 217, л. 10, 284, 297, 354.

⁷ Там же, ф. 4, оп. 47, ед. хр. 15, л. 33, 34; ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 33, л. 51, 52.

⁸ См.: Советская Белоруссия, 1944, 6 декабря; ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 30, л. 176; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 47, ед. хр. 15, л. 4, 9.

⁹ ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 30, л. 190.

¹⁰ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 320, л. 43.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК,— М., 1971, т. 6, с. 108.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, ед. хр. 220, л. 267, 272; Савецкі селянін, 1945, 2 февраля; ЦГАОР БССР, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 31, л. 141.

И. Ф. КАРАСЮК

БОРЬБА НЕМЕЦКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРОТИВ ФАШИЗМА В АНТИФАШИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ГРУППАХ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1933—1945)

С приходом фашистов к власти многие интеллигенты покинули Германию. В условиях жестокого террора Союз пролетарских революционных писателей Германии перешел на нелегальное положение. В берлинских подпольных группах Союза действовали Ян Петерсен, Курт Штефен, Берта Ватерштадт, Эльфрида Брюнинг, Труде Рихтер. Самыми последовательными борцами против фашизма были коммунисты. В тесном контакте с ними работали различные антифашистские группы писателей и художников. Они выпускали газеты, распространяли листовки.

До осени 1933 года продолжался выпуск нелегального журнала «Дас бунте Блат», с 1 августа стала выходить газета «Штих унд Хиб» (объем 12 с., тираж—300—400 экз.)—политический и литературный орган антифашистов. Во втором номере газета опубликовала наброски к роману Яна Петерсена «Моя улица», одному из лучших подпольных антифашистских произведений.

В 1935 году многие члены берлинской группы были арестованы. Но антифашистская борьба продолжалась. Одной из самых мощных групп Сопротивления была организация Шульце-Бойзена/Харнака. Деятельность этой организации интересна тем, что она олицетворяла собой политику единого фронта, проводимую КПГ. Группа состояла из представителей самых разных слоев населения, главным образом творческой интеллигенции. Руководил организацией поэт Шульце-Бойзен. В группу входили писатель и журналист Гейнц Штрелов, журналистка Ильзе Штёбе, актер Вильгельм Шюрман-Хорстер, скульптор и танцовщица Ода Шотмюллер, писатели Адам Кукхоф и Гюнтер Вайзенборн, скульпторы Курт и Элизабет Шумахер¹. В 1942—1943 годах группа была разгромлена: 49 человек приговорены к смертной казни, другие к тюремному заключению или отправлены в концентрационные лагеря.

В Дрездене действовала группа Сопротивления, в которой работали художники Фриц и Ева Шульце. В средне-немецкой группе в Лейпциге работал Альфред Франк—«художник со звездой». Этой группой руководил Вольфганг Хайне, членами группы были в основном представители интеллигенции. В Мюнхене—экспрессионист Йозеф Шарль. В одной из дрезденских групп успешно работали Ганс и Леа Грундиг. Трудности борьбы, узость базы Сопротивления накладывали отпечаток на произведения немецких писателей и художников. Сомнения, тревога, внутренний разлад были присущи многим, но убежденность в правоте целей борьбы побеждала.

Представители немецкой интеллигенции за границей находились в бо-

лее благоприятных условиях. Они создавали центры и организации немецких антифашистских писателей и художников. Самым крупным объединением стал Союз немецких писателей. Он существовал с 1908 года. После прихода Гитлера к власти 200 немецких писателей, 90 % членов Союза, покинули страну². Летом 1933 года в Париже писатели-эмигранты объединились в профессиональную организацию и решили оставить старое название. Инициатором объединения были члены берлинской группы Союза: Анна Зегерс, Альфред Канторович, Густав Реглер, Рудольф Леонард. Задачи, которые был призван решить этот Союз, состояли в объединении всех антифашистских писателей и защите их материальных интересов, в представительстве немецкой литературы за границей и охране культурного наследия немецкого народа.

В Англии среди членов Союза были Э. Толлер, Б. Франк, Р. Ольден, Р. Нейман, М. Гейман-Нейсе. В Чехословакии — Ф. Ц. Вайскопф, В. Херцфельде, К. Крестен, М. Георг, О. М. Граф, А. Штебе, П. Никль, Г. Будзиславский. В центре группы в Дании стоял Б. Брехт. Группы, поддерживающие Союз, находились в Голландии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге, Южной Америке, США, Мексике. Особенно тесные связи установились среди немецких писателей, эмигрировавших в СССР. В эту группу входили Т. Пливе, А. Шарер, Ф. Вольф, И. Р. Бехер и другие.

На I международном конгрессе в защиту культуры, который проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935 года, члены Союза немецких писателей в эмиграции по праву представляли немецкую национальную культуру и литературу. В 1935 году члены Союза распространили брошюру «Немецкий язык для немцев», в которой были напечатаны произведения И. Бехера, В. Бределя, Б. Брехта, Э. Киша. Лозунг «Лицом к Германии» стал для членов Союза законом. Одновременно они вели огромную интернациональную работу.

Одна из самых значительных страниц борьбы с фашизмом — участие немецких антифашистов в гражданской войне в Испании. Борьба против испанского фашизма стала делом чести для патриотов многих стран мира. Среди 35 тыс. добровольцев в Испании 5 тыс. составляли немцы, 3 тыс. из них пали смертью героев на полях сражений³.

Первое объединение немецких антифашистов в Испании — центурия «Эрнст Тельман». Позже образовались батальоны «Эдгар Андре» и «Эрнст Тельман». А под Мадридом была создана XI бригада «Эрнст Тельман». Начальником штаба этой бригады был писатель Людвиг Ренн, а членом военного совета — поэт Эрих Вайнерт. В Испании боролись А. Зегерс, Э. Толлер, Э. Буш, Г. Эйслер, К. Манн, В. Бредель, П. Каст, Г. Мархвица, Б. Узе, Э. Э. Киш и другие представители немецкой творческой интеллигенции. В освободительной борьбе испанского народа участвовало 23 немецких писателя: 11 были бойцами и офицерами, 5 — связаны с армией, но не участвовали в военных действиях, 7 работали корреспондентами республиканской печати.

В 1937 году 90 прогрессивных писателей съехались на II международный конгресс писателей, проходивший в Барселоне и Валенсии. Сам конгресс в Испании был вызовом, который бросили антифашистские писатели мира фашизму. Э. Вайнерт вспоминал: «Под овации на трибуну поднимались писатели в униформе. Интернациональные батальоны со своими знаменами приветствовали делегатов. Писатели с конгресса уходили на фронт...»⁴. От имени немецкой делегации конгресс приветствовал Людвиг Ренн, свои письма прислали Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт, Вилли Бредель, выступая на конгрессе, заявил: «Мы — свободные немецкие писатели в эмиграции — держим в своих руках великое культурное наследие нашего народа»⁵.

До начала второй мировой войны крупнейшим центром немецкой эмиграции оставалась Франция. Здесь в составе Союза немецких писателей действовало бюро по подготовке к созданию народного фронта. Его возглавляли В. Пик, В. Ульбрихт, Г. Манн, И. Р. Бехер. В 1936 году здесь был создан Союз немецких деятелей искусств, который в 1938 году организовал выставку «Пять лет Гитлера», прошедшую с большим успехом. Она разъясняла истоки фашизма, его сущность и цели. Франция стала также крупнейшим центром издания книг на немецком языке.

О борьбе немецкой творческой интеллигенции против фашизма в антифашистских организациях и группах известно немного, но уже сейчас можно говорить о том, что самыми крупными центрами борьбы были За-

падная Европа, особенно Франция, а после начала войны — Великобритания и Америка, особенно Мексика. Но «История немецкого рабочего движения» отмечает, что «...в период антифашистской эмиграции важнейшую роль играл московский центр, к которому принадлежали И. Бехер, В. Бредель, А. Курелла, А. Шарер, Э. Вайнерт, Ф. Вольф»⁶.

Блистательные победы Красной Армии создали перелом не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в движении Сопротивления, в том числе и немецком. Уже во время битвы на Волге ЦК КПГ направил своих представителей во главе с В. Ульбрихтом на фронт, где они вели разъяснительную работу среди немецких солдат, печатали листовки, выступали по радио. Одним из активнейших участников этой работы был писатель-коммунист Эрих Вайнерт. Начатую под Сталинградом работу немецкие коммунисты продолжили в лагерях военнопленных. В июле 1943 года был образован Национальный Комитет «Свободная Германия»⁷, в состав которого вошли солдаты и офицеры, руководители КПГ, представители немецкой интеллигенции. Президентом комитета был избран Э. Вайнерт. В развитии этого движения принимали участие писатели-коммунисты: И. Бехер, В. Бредель, Ф. Вольф — в СССР, Л. Ренн, А. Зегерс — в Мексике, к ним примкнули буржуазно-гуманистические писатели — Л. Фейхтвангер, О. Граф, Генрих и Томас Манны и другие.

Свои задачи Национальный Комитет изложил в манифесте, который отвечал на самый важный вопрос — о создании свободной Германии. Образование Национального Комитета «Свободная Германия» нашло широкую поддержку во всех странах, где работали немецкие эмигранты. Центры движения «Свободная Германия» были созданы в Мексике, США, Дании, Франции, Англии, Югославии, Швеции, Швейцарии. В Англии в 1943 году создается инициативный комитет за единство действий немецких эмигрантов. В его создании принимали участие члены Союза немецкой культуры, Свободной немецкой молодежи, Свободной немецкой высшей школы и других антифашистских организаций. Инициативный комитет призвал к созданию движения «Свободная Германия». В Англии движение «Свободная Германия» возглавил ученый и писатель профессор Рене Кучинский. В комитете успешно работали художники Оскар Кокошка и Джон Хартфилд. Летом 1943 года они писали: «Мы счастливы, что представители различных социальных слоев объединяют свои усилия в борьбе за Свободную Германию, на которую мы надеемся и за которую будем бороться до последнего»⁸.

Комитетом «Свободная Германия» в Париже руководил немецкий коммунист Отто Нибергаль. Эта организация объединяла более двух тысяч немецких антифашистов.

Центром всех антифашистских организаций немецких эмигрантов в Латинской Америке стала Мексика. В феврале 1943 года движение свободных немцев в этой стране было преобразовано в Латиноамериканский комитет свободных немцев, а с июля 1943 года вошло в состав движения «Свободная Германия», созданного в Москве. Национальный Комитет «Свободная Германия» в Мексике выпускал газету немецких эмигрантов «Фрайес Дойчланд». В этой работе участвовали Людвиг Ренн, Анна Зегерс, Генрих Манн.

¹ См.: Бирнат К. Г., Краусхаар Л. Организация Шульце-Бойзена/Харнака в антифашистской борьбе. — М., 1974.

² См.: Канторович А. Пять лет борьбы Союза немецких писателей в эмиграции. — Иностранная литература, 1938, № 11.

³ См.: Interbrigadisten: Der Kampf deutscher Kommunisten und anderer Antifaschisten im national-revolutionären Krieg des spanischen Volkes. 1933—1939. — Berlin, 1966, S. 7.

⁴ Weinert E. Camarados. — Berlin, 1966, S. 11.

⁵ Die Fahne der Solidarität. — Berlin, 1954, S. 254.

⁶ Samarin R. M. Antifaschistische deutsche Schriftsteller in der Sowjetunion. — In: Begegnung und Bündnis. — Berlin, 1972, S. 333—335.

⁷ См.: Бланк А., Левель Б. Наша цель — Свободная Германия. — М., 1969.

⁸ Jahnke K. H. Gedanken zum 20. Jahrestag des Nationalkomitee «Freies Deutschland». — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität-Greifswald. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1965, № 2—3, S. 341.

ЧЕШСКИЙ ПРОЕКТ СЛАВЯНСКОГО КОНГРЕССА В ПЕРЕГОВОРАХ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИИ В 1871 ГОДУ

Победа Пруссии над Францией и образование Германской империи стали предпосылкой осложнения славянской проблемы в Австро-Венгрии. Антиславянская политика австрийских немцев получила новую опору в лице Германской империи, стремившейся под флагом пангерманизма оказывать давление на внутренние дела Австрии. Актуализировалась угроза аншлюса. Были подорваны надежды, которые в некоторых славянских кругах возлагались на Францию, и в этой связи наметился больший крен в сторону России. В сентябре 1870 года лидер хорватских либералов Штросмайер, встретившись с русским послом в Вене Новиковым, доказывал ему необходимость славянской солидарности перед лицом германской угрозы. Подобного рода тенденция проявилась и в среде поляков. Автор опубликованной в начале 1871 года брошюры, приписываемой перу Зигмунта Велипольского, утверждал, что Германия планирует использовать русско-польскую рознь в интересах захвата балтийских владений России. Только урегулировав отношения с поляками и примирившись с Царством польским, Россия может противостоять Германии вплоть до риска войны с ней. Автор рисовал перспективу спасного для России союза между Германией и Австро-Венгрией, связанных друг с другом существенными интересами, и эфемерность расчетов на сближение России и Германии, между которыми существуют лишь династические связи¹. У более левого крыла славянского движения руссофильство окрашивалось в критические тона, сопровождаясь оговоркой, что, лишь освободившись от деспотизма, Россия обретет способность оказывать помощь другим народам.

Однако германская угроза ощущалась в неодинаковой степени в разных славянских землях габсбургской монархии. В Галиции на первый план выступали украинско-польские противоречия. Австрийские правящие круги из внешнеполитических (создать опору в пограничной с Россией полосе) и внутрисполитических (раскол славянского лагеря) соображений шли на значительные уступки польским помещикам, вербуя из них апологетов режима угнетения основной украинской части населения Галиции. Поэтому австрийские пангерманисты избегали острой постановки вопроса о германизации Галиции и польская шляхта, хотя и опасаясь укрепления Германской империи, в большей степени боялась так называемого русского панславизма.

В Хорватии же, как и в других славянских владениях Венгрии, над славяно-германскими превалировали славяно-мадьярские противоречия. К тому же размах движения ряда славянских народов сковывался их социально-экономической отсталостью. Из славян габсбургской империи наиболее активно восприняли перемены, вызванные франко-прусской войной, чехи. Русский посол Новиков писал из Вены, что вопрос о Богемии это «гвоздь современной ситуации» в Австрии². Уже в адресе, который богемский сейм направил 8 декабря 1870 года Францу-Иосифу, настаивая на поддержке Франции, наряду с профранцузскими выражались и прорусские симпатии, хотя во время войны Россия занимала объективно неблагоприятную для Франции позицию. Чешский адрес приветствовал декларацию Горчакова от 30 октября о ликвидации черноморских ограничений для России³.

В славянских кругах полагали, что Россия использует свой нейтралитет в войне, выгодный Пруссии, чтобы добиться с ее помощью пересмотра Парижского трактата 1856 года и постановки восточного вопроса, что соответствовало бы интересам всех славян, угнетаемых Турцией и Габсбургами. Нота Горчакова подогрела эти надежды. Чешская газета *Narodni Listy*, приветствуя решение России, подчеркнула, что южные славяне рассматривают восточный вопрос как «чисто славянский», от которого зависят «судьбы всего южнославянского мира»⁴.

В русской печати чешский адрес вызвал положительные отклики, но официальные круги Петербурга, не желая осложнять свои отношения с Австро-Венгрией, предпочли не реагировать на него. Это разочаровало чехов. В еще большей степени они были разочарованы фактом обмена Александра II и Вильгельма I дружественными заверениями по окончании войны: рушились их надежды на конфликт между германизмом и

панславизмом, который вынудил бы Россию активизировать свою помощь чехам. Наметилось желание компенсировать несбывшиеся надежды на Россию «привлечением поляков к общеславянскому делу», что предполагало предварительное примирение их с Россией⁵.

После дуалистической реформы 1867 года конфликт чехов с правящими кругами Австрии приобрел новую остроту. Чехи отказались признать конституцию 1867 года, настаивая на признании своих исторических государственных прав. Когда австрийское правительство прибегло к репрессиям, чехи ответили бойкотом парламента и других центральных австрийских учреждений. Формирование в феврале 1871 года в Австрии правительства Хоэнварта, обещавшего вступить в переговоры с чехами, актуализировало в глазах последних задачу изыскания дополнительных средств давления на правительство, чтобы достичь успеха в ходе переговоров.

7 марта 1871 года один из влиятельнейших старочешских лидеров Франтишек Ригер нанес визит Новикову. Он сообщил послу, что приехал в Вену по вызову правительства для участия в совещании о мерах по восстановлению внутреннего мира в Австрии путем предоставления автономии славянским народам и ограничения немецкой гегемонии⁶. Ригер заявил, что всегда желал серьезного согласия между Россией и Австро-Венгрией, видя в этом необходимую предпосылку осуществления национальных чаяний славянства. Создание правительства Хоэнварта, «благожелательного славянам», как ему кажется, благоприятствует этому. Но чехи обеспокоены сближением России с Германией. Новиков стал уверять собеседника, что продемонстрированная обменом телеграммами монархов интимность русско-пруских отношений, наоборот, благоприятна для чехов, поскольку она обязывает кайзера воздерживаться от всего, что может ущемить чувства и интересы России и, следовательно, от всякой мечты о расширении германской империи за счет чехов.

Ригер согласился со справедливостью этого соображения, но настаивал, однако, что сама сила вещей заставит Германию рано или поздно завершить свое объединение и попытаться поглотить Цислейтанию. Поэтому Богемия, «которая испытает первый удар германской агрессии, должна подготовиться заранее». Усилия чехов в этом случае, продолжал Ригер, будут обречены на неудачу, если поляки окажутся их врагами, ибо Германия постарается тогда привлечь их на свою сторону. Он предупреждал при этом неизбежность вовлечения России в войну, поскольку она «не сможет допустить уничтожения Богемии, аванпоста славянства, без ущерба для своей высокой миссии покровительницы славянского мира». Кроме того, ее побудит к вмешательству «революция в Польше, подогреваемая германизмом». Следовательно, необходимо заранее нейтрализовать и разоружить поляков с помощью уступок. Нынешний момент, когда прусские победы сорвали расчеты определенных польских кругов «на восстановление Польши под французским покровительством», благоприятствует подобному соглашению. В Познани, развивал свою мысль Ригер, поляки начинают поворачиваться в сторону России, ища в ней спасение от разрушительной силы германского давления. В Галиции постепенно складывается партия, стремящаяся к примирению с Россией, в ее рядах князь Леон Сапега, порвавший с настроениями 1863 года. Опираясь на все сказанное, Ригер предложил созвать в Праге или в другом месте конгресс славянского примирения, в котором приняли бы участие польские и русские делегаты, а чехи играли бы роль посредников.

Попутно Ригер сформулировал и свое представление о конечной цели славянского движения, сказав, что его программа сводится к объединению славянского мира на федеративной основе, которое трансформирует также Россию. Что касается Австрии, то ее дни сочтены. «Но это предвидения довольно отдаленного будущего, — оговорился чешский деятель, — а в настоящий момент важно быстрое примирение поляков и русских для неизбежной войны с германизмом»⁷. В этой схеме сказывалась идея слияния Польши с Чехией.

Новиков испытывал определенные колебания, его тревожило, что не получив поддержки России, чехи, в поисках других средств против германской угрозы, пойдут на создание обособленной славянской конфедерации во главе с габсбургами. В то же время, соприкасаясь тесно лишь с буржуазно-аристократическими элементами чешского движения, посол считал маловероятными республиканские тенденции среди чехов. «Если в Австрии имеются республиканцы и социалисты, — писал он Горчако-

ву, — их нужно искать скорее среди немцев... Не в натуре, не в традициях славян быть республиканцами»⁸.

Александр II и Горчаков держались другого мнения. Донесение посла о разговоре с Ригером испещрено резкими критическими пометами царя. Горчаков отрицательно реагировал на инициативу чехов. Он обвинял их в желании сыграть роль, которую Пьемонт сыграл в Италии, а Пруссия в Германии, в стремлении создать в будущем единое и притом республиканское государство славян. Этапом к этой цели может стать славяно-дунайское государство, о котором ведутся разговоры сейчас и которое может втянуть постепенно в сферу своего воздействия Польшу, Буковину, Трансильванию, Румынию, Кroatию, Сербию, Черногорию, Боснию⁹. То что Хоэнварт, которому не могли быть неизвестны планы чехов, обнаруживал желание достичь соглашения с ними, внушало Горчакову подозрение о возможных намерениях Хоэнварта использовать чехов в анти-русских целях. Новиков, кстати, тоже подозревал, что Хоэнварт стремится преодолеть призрак русского панславизма австрийским¹⁰.

Распад австрийской империи, осложнявший польскую проблему и русскую политику на Балканах, не входил в планы России. «Среди славян, находящихся под австрийским скипетром, — уверял Горчаков, — мы никогда не старались сеять семена возмущения или мятежа против существующей власти»¹¹. После Парижской Коммуны в правящих сферах России особенно возросла заинтересованность в стабилизации консервативных монархических устоев в Европе. Царизму претила перспектива существенных уступок полякам, которые могли бы подогреть их стремление к восстановлению Польши. В проявлении всякого рода федералистских тенденций Горчаков усматривал подрыв самодержавных основ Российской империи, на которых, по его убеждению, базировалась мощь России. Противовес германской угрозе в Петербурге предпочитали искать в соглашении с Германией, в союзе легитимных монархий.

В официальных кругах Петербурга вместе с тем были недовольны бойкотистской тактикой чехов, которые, как писал Новиков, вместо того, чтобы содействовать своим союзникам в борьбе против немецкого централизма «с упорством, достойным лучшего применения, добровольно отстранились от политической жизни Австрии»¹². Тактика чехов критиковалась и русской печатью разных направлений. «Московские ведомости» с панславистских позиций упрекали их в национальном эгоизме, в равнодушии к установлению в результате автономии Галиции «господства поляков над русскими»¹³. Радикальная «Неделя» тоже считала, что чехи совершают ошибку, впадая «в исключительность, в преувеличенный культ своей национальности», но одновременно критиковала и славянофильство, которое своими претензиями на главенство России в славянском мире наносит ущерб отношениям с чехами. «Нужно ускорение среди русской интеллигенции духа научного и социального прогресса в славянском во-просе», — заключала газета¹⁴.

Новикову было дано указание ничем не обнадеживать чехов и воздерживаться от всякого вмешательства в их деятельность. При последующей встрече с Ригером Новиков, в соответствии с духом петербургских указаний, строго очертил пределы возможного сочувствия России чехам двумя условиями: во-первых, чтобы они не способствовали своим заигрыванием с поляками разжиганию польского движения, во-вторых, чтобы их национальные стремления не выливались в «разрушительные политические или социальные доктрины». Ригер поторопился заверить, что всякое ослабление России опасно для чехов, ибо нарушит европейское равновесие в пользу Германии. Поэтому проектируемый славянский конгресс не должен затронуть интересов России, но будет побуждать поляков к общеславянскому сплочению. Что касается радикальных доктрин, то старочешский лидер пытался убедить посла, будто в Богемии вообще отсутствует для них всякая почва. Там существует тесное единение низов и консервативных собственных элементов, рабочие ассоциации далеки от Интернационала и базируются на принципах взаимопомощи в духе Шульце-Делича, барьером для крайних доктрин служат также религиозные чувства народа¹⁵. Успокоительные заверения Ригера не смогли изменить отрицательного отношения Петербурга к идеям славянского конгресса и русско-польского соглашения.

Тем не менее контакты чешских лидеров с русским посольством в Вене продолжались. В октябре 1871 года Новикова посетил влиятельный богемский аристократ граф Хоррах и почти повторил все, что посол уже

слышал из уст Ригера и Полацкого. Он выражал надежду на одобрение Россией внутренних преобразований в Австрии, имеющих целью избавить славян от гегемонии немцев и венгров, тем более, что эти преобразования будут, мол, благоприятствовать сближению Австро-Венгрии с Россией и достижению, следовательно, компромисса на Востоке¹⁶. Через несколько дней Новикова снова посетил Ригер. Посол уверял его, что позиция нейтралитета, занятая Россией приносит реальную помощь чехам, ибо она лишает Германию всякого повода для вмешательства во внутренние дела Австрии¹⁷.

Жупел германской угрозы не вызывал в Петербурге панических настроений. Здесь считали, что Германия нуждается в передышке после нелегкой войны; что ей опасно увеличивать число врагов новой агрессией против европейских стран, имея потенциальным противником побежденную Францию; что, находясь в конфликте с папой и католической церковью, Бисмарк не мог быть заинтересован в присоединении к Германской империи новых областей с католическим населением; наконец, как Бисмарк неоднократно заверял, Германия нуждалась в сохранении австро-венгерской империи.

Русская дипломатия, не поддержав чешских планов примирительного славянского конгресса, вместе с тем сохраняла заинтересованность в чешских делах. Осенью 1871 года Горчаков советовал Бейсту пойти на уступки чехам¹⁸. Другое дело, что этот шаг был подсказан желанием перенести центр тяжести маневренной славянской политики Австрии из Галиции на более «безопасное» для интересов царской России направление.

¹ См.: Wereszyski H. Sojusz trzech cesarzy. Geneza 1866—1872.— Warszawa, 1965, s. 302—303.

² Новиков—Вестману, 22 мая (3 июня) 1871 г.—Архив внешней политики России (АВПР), канц., 1871 г., д. 121, л. 26.

³ См.: Bigscke E. Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert.— Köln—Graz, 1960, S. 336.

⁴ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.— М., 1970, с. 277.

⁵ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 36.

⁶ Новиков—Горчакову, 24 февраля (8 марта) 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 142—143.

⁷ Там же, л. 146—151.

⁸ Там же, д. 122, л. 59—62.

⁹ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 37—38.

¹⁰ АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 196—197.

¹¹ Там же, л. 369—Горчаков—Новикову, 1(13) марта 1871 г.

¹² Там же, 1872 г., д. 106, л. 106.

¹³ Московские ведомости. 12(24) февраля 1872 г.

¹⁴ Неделя, 1(13) ноября 1872 г.

¹⁵ АВПР, канц., 1871 г., д. 121, л. 27—29.—Новиков—Горчакову, 22 мая (3 июня) 1871 г.

¹⁶ Там же, л. 265—270.

¹⁷ Там же, л. 282.

¹⁸ Wereszyski H. Op. cit., s. 306.

Л. Г. ДОНСКИХ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О ПРОЛЕТАРСКОМ КЛАССОВОМ ПОДХОДЕ К ЯВЛЕНИЯМ И ПРОЦЕССАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду отмечено, что современная действительность характеризуется многообразием происходящих событий, интенсивной борьбой двух направлений в мировой политике, двух подходов к решению конкретных вопросов международной жизни: пролетарского и буржуазного.

Понять суть и перспективы происходящих в мире процессов возможно лишь с позиции интересов самого революционного класса эпохи — рабочего класса, коренные интересы которого совпадают с объективным ходом исторического развития. Научное, теоретическое обоснование и практическое применение методологического принципа пролетарского классового подхода связано с именами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Марксистско-ленинское учение о пролетарском классовом подходе имеет в современных условиях не только теоретическое, но и практическое-политическое значение. Марксистская концепция пролетарского классового подхода является оружием борьбы против буржуазных идеологических теорий, скрывающих свою сущность за вывеской неклассовости, оружием утверждения необходимости пролетарского классового подхода к рассмотрению явлений общественной жизни.

До возникновения марксизма идеологи господствующего класса не дали теоретического обоснования классового подхода не потому, что не видели и не понимали классового деления общества, а потому, что для этого нужен был совсем другой, более высокий уровень развития классов и классовой борьбы. Исходя из субъективно-идеалистических теоретических позиций и метафизического метода, они не смогли взглянуть на историю материалистически, понять, что она есть история классовой борьбы.

Научное теоретическое обоснование необходимости классового подхода связано с разработкой К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистического понимания всемирной истории, с раскрытием наиболее общих законов и движущих сил развития человеческого общества. На основе анализа истории прежних эпох К. Маркс пришел к выводу, что «вся прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов»¹ за общественное и политическое господство. Осознание связи классовой борьбы с экономической основой позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу рассматривать «классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории»².

Последовательное проведение материалистического понимания истории обязывает рассматривать явления и процессы политической жизни с точки зрения экономического обоснования исторических событий. Ф. Энгельс писал, что «при суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до конечных экономических причин... Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится... ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов различных общественных классов... созданных экономическим развитием»³. Это

требование обязывает рассматривать явления и процессы жизни общества с позиций интересов определенного класса.

С позиций какого общественного класса возможно объективное рассмотрение и подлинно научная оценка исторических процессов и явлений—с позиции интересов пролетариата или буржуазии? К. Маркс и Ф. Энгельс дали научное теоретическое обоснование пролетарского классового подхода к явлениям общественной жизни, которое непосредственно вытекает из положения марксистского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса как могильщика капитализма и строителя нового коммунистического общества.

Выступая носителями противоположных экономических интересов, рабочий класс и буржуазия преследуют разные политические цели. Буржуазия, как и все предшествующие классы, завоевав экономическое и политическое господство, пытается сохранить и упрочить его. Но поскольку буржуазия—носитель отживших производственных отношений, ее интересы и цели реакционны. Цель рабочего класса, экономически угнетенного и политически бесправного—завоевание политического господства и ниспровержение буржуазии, упразднение буржуазных производственных отношений. Коренные интересы рабочего класса совпадают с объективным ходом исторического процесса, способствуют его прогрессивному развитию.

Основные положения марксистской теории классов и классовой борьбы, о месте и роли рабочего класса как движущей силы истории, о прогрессивном и общественном характере его интересов, служат обоснованием необходимости пролетарского классового подхода как подлинно научного и объективного подхода к явлениям и процессам социальной жизни, необходимости в теоретической и практической деятельности стоять на позициях рабочего класса, на позициях классовой борьбы, руководствоваться интересами, целями и идеалами революционного класса.

Методологический принцип пролетарского классового подхода, став принципом деятельности коммунистов, был открыто провозглашен и сознательно применялся основоположниками марксизма при анализе процессов современного им буржуазного общества, при рассмотрении прошлой и будущей истории человечества. Учение о пролетарском классовом подходе получило дальнейшее творческое развитие и конкретизацию в работах В. И. Ленина. В новых условиях он развивает дальше марксистское учение о месте и роли рабочего класса в историческом процессе, в революционном преобразовании общества.

Признание прогрессивной исторической роли рабочего класса есть признание необходимости главного принципа методологии марксистско-ленинского исследования—принципа пролетарского классового подхода к рассмотрению социальных явлений и процессов. Он обязывает рассматривать все социально-экономические, политические и духовные процессы с «марксистской, т. е. классовой пролетарской, точки зрения»⁴. Отказ от пролетарского классового подхода есть отход, забвение сути марксистской теории—учения о классах и классовой борьбе. Теоретическое обоснование В. И. Лениным сущности пролетарского классового подхода шло в упорной борьбе с так называемыми «идеологами трудящегося класса», народниками и легальными марксистами в России, которые стояли на позициях буржуазного объективизма—это классовый подход, но с позиции буржуазных интересов. В. И. Ленин дал глубокий критический анализ порочности теоретических и методологических посылок буржуазного объективизма. Теоретической основой социалистических воззрений представителей буржуазного объективизма было идеалистическое понимание истории.

Идеалистическое понимание общественного развития представителями буржуазного объективизма проявилось в полном отказе от марксистской теории классовой борьбы. В свою очередь это привело их к непониманию движущих сил развития общества, к неклассовому подходу при рассмотрении проблем развития капитализма в России, к затухиванию классового антагонизма и эксплуатации трудящихся в России. В. И. Ленин отмечал в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», что подход и постановка всех вопросов у марксистов и буржуазных объективистов совершенно разные. «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда факторов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета

этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов»⁵. Таким образом, последовательный марксист руководствуется принципом пролетарского классового подхода при анализе явлений социальной жизни, тогда как буржуазные объективисты рассуждают с точки зрения человека, стоящего над классами.

Ленинские острые полемические выступления, теоретические исследования, четкая постановка вопросов, научные выводы и аргументация являются образцом классового анализа социально-экономических, политических и идеологических явлений и процессов с позиций революционного класса. Вся жизнь В. И. Ленина — пример беззаветного служения интересам пролетариата.

Марксизм-ленинизм — это теоретическая основа одного из главных марксистско-ленинских методологических принципов — пролетарского классового подхода к явлениям и процессам общественной жизни. В учении классиков марксизма-ленинизма дано теоретическое обоснование причин, времени, социальной основы возникновения классового подхода вообще, и пролетарского классового подхода в частности, раскрыты их сущность и роль в жизни общества.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 208.

² Там же, с. 175.

³ Там же, т. 22, с. 529—530.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

⁵ Там же, т. 1, с. 418.

И. И. ТЕРЛЮКЕВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Научно-исследовательская программа представляет собой последовательность предписаний, направленных на получение нового научного знания. В качестве важнейшего необходимого элемента она включает некую идеальную цель, «которая как закон определяет способ и характер действий»¹ и обуславливает отбор соответствующих средств для достижения заранее намеченного результата.

Теория программирования тесным образом связана с пониманием целеполагания. Подлинно научное объяснение концепции целеполагания дает диалектический материализм. Именно на его основе возможен эффективный логико-методологический анализ научно-исследовательской программы. Цель, по определению К. Маркса, есть идеальный образ будущего объективного результата деятельности. Чтобы получить результат, который обеспечит удовлетворение той или иной потребности человека, необходимо иметь его образ в виде цели, контролирующей и направляющей деятельность по его производству. Результат существует, сначала субъективно, «идеально как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель»².

Цель как явление сознания, на первый взгляд, представляет собой что-то автономное, независимое от объективного мира. «Цели человека, — писал В. И. Ленин, — сначала кажутся чуждыми («иными») по отношению к природе»³. Но будучи обусловлены потребностями, они отражают неудовлетворенность действительностью, необходимость ее преобразования. Тем самым «на деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное»⁴.

В процессе достижения цели человек, преобразуя предметы природы, используя их, учитывает объективные свойства, законы действительности, сложившиеся возможности, совокупность условий, в которых протекает его деятельность. Поэтому цель, которая по форме является субъективной, оказывается по содержанию объективной, детерминированной внешним миром. «Законы внешнего мира, природы... — подчеркивал В. И. Ленин, — суть основы целесообразной деятельности человека. Человек в своей

практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»⁵.

Очевидно, что цель предшествует программе, определяет ее содержание. Программа же конкретизирует цель, намечая последовательность действий субъекта по ее достижению. Последнее невозможно без того, чтобы конечная цель не была представлена как своеобразная иерархия или дерево промежуточных целей. Сложные, комплексные программы строятся, видимо, в двух плоскостях — горизонтальной, где выявляются соотношения промежуточных целей однопорядковой ступени общности, и вертикальной — определяются взаимосвязи промежуточных целей различных уровней общности⁶.

Проиллюстрируем сказанное на примере программы исследования глобальных атмосферных процессов. Конечная цель этой программы — создание всемирной службы погоды — достижима после решения ряда промежуточных задач по проведению исследований циркуляции атмосферы в различных странах и регионах мира. Так, перед учеными Советского Союза поставлена цель — оценка потоков энергии при взаимодействии океана и атмосферы во внетропической зоне. Достижение этой цели предполагает проведение ряда экспериментов: полярного, комплексно-энергетического, определение активных воздействий на атмосферные процессы и т. д. Каждый эксперимент, в свою очередь, имеет четко определенные промежуточные цели. Так, полярный эксперимент предусматривает изучение потоков энергии, переносимой из умеренных широт Атлантического и Тихого океана в Евразию, Северную Америку и Арктику; оценку преобразований и потерь энергии в Арктике; количественную оценку роли Арктики в поддержании макромасштабной циркуляции атмосферы и гидросферы и т. д.

Выделение промежуточных и конечных целей при составлении научно-исследовательских программ основывается на диалектике общего и отдельного, где, как известно, общее представляет собой наиболее существенную сторону, часть содержания отдельного. Так, качественно различные промежуточные цели объединяются в программу именно потому, что им свойственны общие черты, позволяющие свести их к единой цели. Рассмотрение цели программы исследований глобальных атмосферных процессов как общей сущностной стороны промежуточных целей акцентирует внимание на специфике проявления общего (создание всемирной службы погоды) в отдельном (на основе исследований циркуляции атмосферы в ряде стран мира). При этом промежуточные цели выступают как единство общего и особенного, в котором определяющая роль принадлежит общему — конечной цели научно-исследовательской программы.

Каждое отдельное предписание научно-исследовательской программы имеет свои достаточно строго фиксированные моменты: цель, средство, результат. Как связь причины и следствия характеризует стихийные процессы природы, так связь цели, средств и результата характеризует целенаправленную деятельность человека. «В роли так называемых непосредственных причин здесь выступают средства реализации, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеального положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств»⁷.

Цель программы всегда соотносится со средством реализации. Без этого соотношения цель не является целью деятельности и представляет собой не более, чем абстрактное стремление, неопределенный идеал, к которому можно стремиться, но не реализовать. При этом между целью программы и средством имеет место обратная связь — цель определяет выбор средств для ее достижения, и, вместе с тем, каждая реализованная цель является средством для достижения следующей цели.

Средства достижения цели — это объективные предметы и действия, включенные в структуру целенаправленной деятельности и обеспечивающие получение определенного результата. При этом средством те или иные предметы являются не сами по себе, а лишь в результате вовлеченности их в систему деятельности. Превращаясь в средство, предмет, вместе с тем, не теряет своей принадлежности к миру объектов, существующих независимо от человеческого сознания, и включенности в закономерные причинные связи реальной действительности. Именно через средство устанавливается связь идеальной цели с объективно реальным миром. Диалектика взаимоотношения цели и средства выражается в том, что цель не только определяет тот или иной предмет как соответствующее средство,

но и сама выступает как нечто содержательное, конкретное лишь в связи с отношением к средству.

Цель как идеальное предвосхищение будущего предполагает отражение объективных зависимостей, которые воплощены в средствах. В то же время любое отражение является адекватным лишь в некоторых пределах. Действительные связи, в которые включен реальный объект, используемый как средство, всегда богаче, многостороннее и сложнее его идеального образа, существующего в сознании субъекта в момент постановки цели. Вследствие этого результат научно-исследовательской программы может не совпадать с поставленной целью.

Логически это отношение цели и результата выражается в том, что весь процесс реализации цели, представленный в форме «умозаключения», является такой системой заключений, в самом центре которой содержится не один «средний термин», средство как таковое, но особого рода отношение, которое есть отношение идеального и реального, абстрактного и конкретного, идеального образа и самого предмета. Поэтому в формально-логическом смысле такое «заключение» необходимо включает в свое содержание большее или меньшее «учетверение» терминов, а субъективная цель человека и объективный результат его деятельности совпадают лишь отчасти, лишь до некоторой степени. Границы и меры этого несовпадения существенно различны в зависимости от конкретных социально-исторических условий, в которых протекает деятельность, от того, в какой мере преследуемые человеком цели опираются на научное познание и закономерности природы и общества.

Взаимоотношения целей и средств, таким образом, носят характер двусторонней детерминации. С одной стороны, в зависимости от поставленной цели осуществляется выбор средств для ее достижения. С другой стороны, как указывалось выше, та совокупность средств, которой общество располагает на данной стадии своего развития, в общем виде предопределяет и спектр целей, достижение которых возможно и реально. Поэтому-то и получается, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»⁸.

Соотношение средств и целей также сложно. В частности, средства, используемые для достижения целей деятельности, могут быть совместимыми с целью и несовместимыми с нею. Совместимость может быть охарактеризована тем, насколько средства достаточны и необходимы для достижения цели. При этом достаточные средства непременно ведут к достижению поставленной цели, а необходимые имеют место всякий раз, как только достигается данная цель. Выделение средств, обладающих свойствами достаточности и необходимости, позволяет определить и разграничить задачи и проблемы в структуре развивающегося знания⁹.

Программа, средства которой являются необходимыми и достаточными для достижения цели, предусматривает или ознакомление с уже созданными структурами деятельности, или же применяется при решении типовых задач с заранее предопределенным ответом. Способ получения результата такой программы жестко детерминирован и легко переложим на машину.

Цели научно-исследовательских программ, как правило, имеют более творческий характер. Они включают в свое содержание не столько знание того, что есть, сколько полагание того, что должно быть. Возникает вопрос о наличии соответствия между средствами, которые являются или недостаточными и необходимыми, или недостаточными и не необходимыми, и целью научно-исследовательской программы. Так, в связи с созданием всемирной службы погоды возникла необходимость решения ряда научных проблем. Необходимо, в частности, выяснить, какие параметры состояния атмосферы нужно наблюдать и вводить в численный прогноз, чтобы он представлял собой физически полноценную схему расчета; как на основе глобальных наблюдений увеличить срок прогноза. Процесс конструирования новых средств не только выявляет потенции, заложенные в наличных средствах, но и предполагает использование всех многообразных механизмов познавательного отношения к реальной действительности, в том числе включает в себя интуицию, фантазию и пр.

Между целями и средствами научно-исследовательской программы имеет место отношение редукции. Под редукцией будем понимать разновид-

ность вероятностного умозаключения, «в котором заключение логически не следует из посылок, а посылки из заключения»¹⁰. Действительно, если проанализировать отношения в каждом конкретном акте деятельности научно-исследовательской программы, то между целью (например, определение потоков энергии при взаимодействии океана и атмосферы в тропической зоне), необходимыми средствами — методами, используемыми в численных прогностических моделях, и неизвестными достаточными средствами — численными данными влияния перераспределения потоков тепла и влаги на поле движения атмосферы — имеет место отношение редукции. После определения достаточных средств редуктивное отношение переходит в дедуктивное и непосредственно ведет к достижению результата.

Таким образом, методологический анализ научно-исследовательской программы позволяет представить ее как последовательность промежуточных целей, определяемых на основе знания потребностей, социального бытия, связей и свойств объективного мира, а также с учетом средств, необходимых для достижения результата, заданного целью программы. Исследование главных элементов научно-исследовательской программы, выделенных на основе соотношения категорий «цель», «средство», «результат», обнаруживает возможности для дальнейшего ее изучения.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

² Там же, т. 12, с. 718.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

⁴ Там же, с. 171.

⁵ Там же, с. 169—170.

⁶ См.: Морозов В. Д., Морозов В. В. Диалектика: системы и развитие. — Минск, 1978, с. 63.

⁷ Философская энциклопедия. — М., 1970, т. 5, с. 461.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

⁹ См.: Берков В. Ф. Задачи и проблемы в структуре научной деятельности. — Вестн. Белорусского ун-та. Сер. III. 1980, № 1, с. 33.

¹⁰ Mala encyklopedia logiki. — Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1970, s. 348.

Л. В. ЯНКОВСКАЯ

О СОДЕРЖАНИИ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ВОСПИТАНИЕМ

Важнейшим условием развития и совершенствования системы управления воспитательными процессами является эффективная разработка ее теоретических проблем, среди которых большое значение имеет вопрос о сущности и содержании научного управления коммунистическим воспитанием, остающийся пока недостаточно изученным. Исследование данного вопроса предполагает систематизацию основных понятий теории управления воспитанием, их строгое определение, установление взаимосвязи между ними.

Одним из обстоятельств, сдерживающих выяснение содержания научного управления воспитанием, является отсутствие у части исследователей четкого представления о принципиальном отличии процессов воспитания и процессов управления воспитанием, в котором само воспитание выступает в качестве специфического объекта управления. Наглядное представление о различии воспитания и управления им как специфического вида деятельности дает конкретный анализ основных структурных элементов данных процессов. Необходимо иметь в виду, что само воспитание по своей сути также является управлением, т. е. оно выступает как специфический вид управления со стороны общества формированием у его членов нужных ему качеств и свойств. Рассмотрение воспитания с этой точки зрения позволяет глубже понять его содержание. Под воспитанием нередко понимается лишь процесс непосредственного воздействия на личность. Это ведет к тому, что как в теории, так и на практике воспитание сводится в основном к информационно-просветительному влиянию на человека и ограничивается преимущественно словесными методами воздействия. В данном случае действие субъективного фактора противопоставляется объективным условиям формирования человека. Деятельность же по воспитанию как управление формированием человека неизбежно затрагивает и объективные условия, организуя трудовую, социально-политическую и духовную жизнь формирующейся личности в том направлении, которое

способствует привитию нужных обществу качеств. Воспитание—это не только прямое воздействие на основные структурные компоненты духовного мира личности, но и в значительной степени деятельность по сознательной координации и упорядочению множества самых разнообразных факторов, обуславливающих формирование личности. «Воспитательная работа—это управление изменениями в личности путем регулирования ее деятельности»¹.

Функцию регулирования общественной деятельности формирующейся личности выполняют не только организаторы воспитательной работы. Например, деятельность органов партийного, государственного и хозяйственного управления по решению задач пропорционального развития экономики, строительства жилья, детских учреждений, больниц, предприятий быта, торговли, улучшению культурного и коммунально-бытового обслуживания, не являясь непосредственно воспитанием, выполняет функцию регулирования объективных условий формирования нового человека.

Воспитательный процесс, являясь управленческим, в свою очередь также нуждается в управлении. Поэтому воспитание отличается от управления воспитанием прежде всего объектом своего воздействия. Если в первом случае—это те члены общества, на которых непосредственно направлено воспитательное воздействие, то во втором—это сам воспитательный процесс как целостная и динамичная система, выступающая в качестве объекта управления более высокого уровня. Естественно, что воспитательный процесс—это не некая безликая система, это тоже люди и их отношения: прежде всего те, кто выступает в качестве конкретных субъектов воспитательного воздействия. Управлять формированием личности—это значит управлять деятельностью воспитанников, а управлять воспитанием—это управлять деятельностью воспитателей.

Соответственно этому будут отличаться также и их субъекты управления. Если в управлении формированием личности субъектом являются непосредственные организаторы воспитательной работы с людьми, то в управлении воспитанием—это те социальные институты (партийные, государственные и общественные организации), которые ставят себе целью наиболее рационально организовать деятельность воспитателей. Таким образом, одна часть людей занята трудом по воспитанию, а другая—трудом по его управлению.

В управленческих отношениях в сфере воспитания отсутствует подчинение объекта субъекту управления, т. е. мы не можем требовать отчета у объекта воспитания о степени сформированности тех или иных нравственных качеств². А в управлении воспитательным процессом эта субординация уже присутствует. Она находит свое выражение в официальных отчетах о деятельности воспитателей, контроле за их работой, в определенных формах наказаний за невыполнение тех или иных директив и т. д. Так, например, руководители трудовых коллективов регулярно отчитываются перед партийными комитетами, администрацией предприятий в выполнении ими функций воспитания.

Если в управлении воспитанием распространены преимущественно административные методы, которым в значительной степени присущ приказной, обязательный характер, то в воспитании как управлении формированием личности применяются главным образом методы косвенного воздействия, методы стимулирования, которые обращены к потребностям и интересам формируемой личности. В этом отношении управление воспитанием имеет больше сходства с другими видами социального управления. В управлении же формированием личности все функции управления носят качественно иной характер.

Одним из проявлений отождествления процессов непосредственно воспитания и процессов управления воспитанием выступает отождествление их целей. В связи с этим требуется уточнить содержание понятия «цель управления воспитанием». Отдельные исследователи в качестве цели научного управления воспитательным процессом называют формирование всесторонне развитой личности. Это правильно в том смысле, что главной целью функционирования как самой системы воспитания, так и системы ее научного управления, является формирование человека коммунистического общества. Но это—основная, стратегическая цель, ей подчинено развитие всего нашего общества в целом. Формирование всесторонне развитой личности—длительный процесс, охватывающий целую историческую эпоху, детерминированный уровнем развития производства и состоянием системы производственных отношений. Мы же должны вести

речь о непосредственных целях управления воспитанием и в каждый ограниченный отрезок времени нашей деятельности решать конкретные и актуальные задачи.

В научной литературе утвердилось достаточно четкое определение понятия «цель управления». Так, например, В. Г. Афанасьев считает, что основной целью управления, выраженной в самой общей форме, является оптимизация функционирования системы³. Данную точку зрения поддерживает и болгарский ученый М. Марков, называя оптимальность не в качестве одного из принципов управления, а целью его⁴. Эти положения могут быть конкретизированы и применительно к процессу управления воспитанием. Именно достижение наибольших результатов в функционировании системы воспитания при наименьших затратах является главной целью научного управления этой системой. Данное уточнение, во-первых, способствует определению правильных ориентиров в практической деятельности по организации воспитания, показывая реальную цель, к которой действительно надо стремиться. Во-вторых, оно направлено против смешения и отождествления процессов воспитания и процессов управления воспитанием.

Указывая на необходимость отличия анализируемых процессов, мы вместе с тем далеки от абсолютного их противопоставления, так как они очень тесно связаны между собой во времени и пространстве, взаимопроникают и переплетаются друг с другом. Но в связи с необходимостью более точного определения собственной проблематики формирующейся в современных условиях теории научного управления воспитанием, это отличие необходимо проводить последовательнее.

Таким образом, управление воспитанием в целом выступает в виде своеобразной иерархической системы, в которой можно выделить два основных уровня: управление формированием личности, т. е. воспитание как таковое — первый уровень, и управление воспитанием — второй, более высокий уровень. Это необходимо учитывать как в практической деятельности по организации и совершенствованию системы воспитания в современных условиях, так и при разработке ее теоретических проблем.

¹ Момов В. Человек, мораль, воспитание.— М., 1975, с. 88.

² См.: Эффендиев А. Г. Социальная природа управления нравственным формированием личности.— В кн.: Управление процессом нравственного воспитания. М., 1979, с. 44.

³ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом.— М., 1973, с. 32.

⁴ См.: Марков М. Социализм и управление.— М., 1973, с. 36.

В. М. ПЕТУХОВ

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «ВОЗВЫШЕННОЕ» И СПЕЦИФИКА ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ

Положение эстетики среди других общественных наук и, прежде всего, отношение ее к философии марксизма и к конкретным наукам об искусстве и литературе предопределяет логику исследования основных закономерностей проявления категории «возвышенное» в искусстве.

Из методологического положения В. И. Ленина — «всякая наука есть прикладная логика»¹ можно сделать вывод, что эстетическая категория «возвышенное» как особенное должна быть интерпретирована и описана категориями диалектической логики и быть с ними полностью согласованной. В то же время «возвышенное» как эстетическая категория должна служить логическим фундаментом для категорий искусствознания, субординировать и координировать их. Это позволит, учитывая специфику отдельных видов искусства, более точно и научно обоснованно охарактеризовать специфику проявления категории «возвышенное» в отдельных видах искусства.

Для классической немецкой философии и философской системы Гегеля, в частности, характерно осознанное стремление дать четкий логический анализ системы эстетических категорий и показать особенности проявления их в искусстве. В интересующем нас аспекте важно выделить три идеи Гегеля. Во-первых, мысль о том, что основанием эстетической категории «возвышенное» служит диалектически противоречивое единство более широких философских категорий: идеальное — реальное, содержание

и форма на стадии преобладания идеального над реальным, содержания над формой. Во-вторых, мысль, что это состояние — не что иное как фаза в развитии идеала, его конкретный тип. И третья идея, согласно которой более широкая и абстрактная категория — эстетический идеал, его тип — субординирует собою более конкретную категорию — символическую форму искусства. А она обуславливает, в свою очередь, конкретный стиль отдельных видов искусства. Центральной эстетической категорией у Гегеля является «прекрасное». «**Пре́красное**, — говорит он, — следует определить как чувственное **явление**, чувственную видимость идеи»². «Пре́красное» понимается Гегелем не как одна из категорий в ряду других, а как всеобъемлющее, универсальное понятие идеала, в котором дух наслаждается своим единством с чувственно-реальным миром. Различные состояния этого идеала Гегель прослеживает в особенных формах искусства, которые представляют собой «не что иное как различные соотношения между содержанием и его выявлением»³. Форма искусства, в основании которой лежит категория «возвышенное», по Гегелю, есть символическая форма. Идея здесь настолько широка и абстрактна, что «не в состоянии найти в конкретных явлениях такую определенную форму, которая полностью соответствовала бы этой абстрактности и всеобщности. В этом несоответствии идея превосходит форму своего внешнего существования вместо того, чтобы раствориться или полностью войти в нее, а такой выход за пределы явления и составляет общий характер возвышенного»⁴. Состояние, служащее основанием символической формы искусства, прослеживается в его видах и характерно для строгого стиля, в котором «господствует лишь суть дела и не тратится усилий на разработку побочных деталей»⁵.

Раскрывая субординирование отдельных видов искусства особенными его формами, Гегель пишет: «Подобно тому, как особенные художественные формы, взятые в качестве целостности, заключают в себе поступательное движение — развиваются от символического искусства к классическому и романтическому, — так... аналогичное движение мы находим и в отдельных искусствах... Каждое искусство переживает период полного развития как искусство, по ту сторону имеется предшествующий этому завершению период, по эту — период за ним следующий... Они (произведения искусства — В. П.)... представляют собой нечто начинающееся, движущееся вперед, достигающее завершения и заканчивающееся — рост, расцвет и разложение»⁶. Гегель связывал категорию «возвышенное» с моментом становления системы стилей. «Становление, — пишет он, — как становление сущности, есть прежде всего действие, переход сущности в свободу наличного бытия»⁷. Таким образом, в основу методики исследования проявления категории «возвышенное» в искусстве Гегель кладет принцип субординации и координации абстрактных и конкретных категорий, что вытекает из системного подхода к эстетическим и художественным явлениям.

Проблема систематизации категорий диалектики энергично разрабатывается советскими философами и эстетиками. С точки зрения исследователей этой проблемы, существуют категории диалектической логики, которые, не являясь синонимами, в то же время близки по смыслу между собой, как бы однородны: например, случайность и возможность, закон и сущность, сущность и содержание и т. д. На однородность категорий закона и сущности неоднократно указывал В. И. Ленин. Следовательно, эти пары должны согласовываться, координироваться между собой. И. С. Нарский⁸ располагает парные категории в систему по субординационному признаку так: эмпирия (факт) — теория (закон), чувственное — рациональное, знак — значение и т. п. Здесь отчетливо видно, что эмпирия, чувственное, знак противоположны теории, рациональному, значению. И никак не может быть, чтобы эмпирия соотносилась, например, с рациональным, поскольку весь смысл координации заключен в том, чтобы полюсы противоречия были строго ориентированы в одном направлении. Только в этом случае возможно определить точный смысл любой категории системы. В ряде работ можно найти примеры координации между категориями. «Как пассивная всеобщность... возможность тождественна с содержанием и в этом смысле противостоит форме, тождественной с действительностью вещей»⁹. «Общее есть сущность, а особенное есть проявление этой сущности»¹⁰. «...Сущность дается нам в форме конкретного содержания вещи»¹¹. «...Категорией «содержание» охватывается не только состав изучаемой вещи, но и **упорядоченность** ее компонентов, ча-

стей (подсистем), свойств и отношений, процессов развития. Эта **упорядоченность** включает в себя как **неустойчивую упорядоченность** с признаками уникальной индивидуальности, случайности, так и **устойчивую упорядоченность**, определяющую **качество** вещи и постигаемую **как сущность** первого, второго и т. д. порядков, т. е. в виде **законов** разной степени общности и фундаментальности. Если из категории «содержание» исключить такой ее признак, как **упорядоченность (организация, структура)**, то это означает, что мы, по сути дела, вынимаем из нее «душу», ее главный момент, т. е. фактически ликвидируем эту категорию»¹². Другая, по мнению некоторых исследователей, более важная сторона — это субординация диалектических категорий. Субординирующий принцип — это принцип размещения категорий по уровню абстрактности, всеобщности и широты. Смысл такого размещения заключается в том, что изменение соотношения противоположностей внутри более широкой категории влечет за собой такое же строго предопределенное изменение остальных, более конкретных и узких категорий. Самыми широкими субординирующими и координирующими категориями, по мнению многих авторов, являются категории общего и особенного, «которые не имеют еще ни объективного, ни субъективного характера и которые субординируют собой все остальные категории, включая и объективные, и субъективные»¹³.

Все эти рассуждения мы привели затем, чтобы выявить основной философский смысл категорий содержания и формы, которые имеют капитальное значение для выяснения специфики и типологии таких категорий искусствознания, как художественный образ и стиль. Источник разногласий в определении данных понятий как раз и заключен, по мнению В. Медушевского, «в наличии двух, совершенно различных способов конкретизации фундаментальных философских категорий содержания и формы на материале искусства»¹⁴. Так, нечетко понимает философский смысл категорий «содержание и форма» А. Сохор. Он считает, что «...одна из ошибок Ганслика... состоит в механическом перенесении в область искусства общепhilosophического понятия **содержания** как совокупности элементов, из которых состоит явление (в искусстве это как раз форма), тогда как содержание в искусстве (и в знаковых системах) — это облеченная в материальную форму идеальная информация»¹⁵.

Как мы уже говорили, парная категория «содержание и форма» получает смысл и значение только в системе диалектических категорий благодаря субординационным и координационным связям с более широкими и общими категориями диалектической логики. Категория «содержание» субординирована общим, сущностью, целым, структурой, закономерным, а «форма» — особенным, явлением, частью, элементом. Любой объект материальной действительности имеет две неразрывно связанные стороны, содержание и форму, которые в силу субординационных и координационных связей соотносятся с диалектически противоречивой структурой воспринимающего субъекта так, что форме соответствует чувственное, а содержанию — рациональное. «...Понятие и представление взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга так же, как взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга... общее и единичное в самой действительности»¹⁶. Если исходить из того, что специфика эстетического и художественного сочега в диалектически противоречивом единстве содержания и форму (в философском смысле этих понятий), а в субъективном плане — диалектически противоречивое единство рационального и чувственного, то, очевидно, что художественный образ никак нельзя сводить к элементам, соотносящимся с чувственным, а содержание только к идеальному, вносящему содержание в бессодержательные элементы художественной формы.

Логика рассуждений, оправдывающая данную точку зрения, такова. Поскольку содержание искусства идеально (мысли, эмоции, представления), а идеальное связано только с одной, высокоразвитой формой материи — человеческим мозгом, постольку это содержание может существовать актуально лишь в голове человека. При этом отмечается, что содержание складывается вместе с формой. Создание произведения завершается только с его материализацией. Возникает материальное явление. **Форма** из **потенциального** состояния переходит в **актуальное**. Но содержание, коль скоро оно может существовать лишь в мозгу, «осталось» в сознании автора. В самом произведении его нет и не может быть. Однако тут же делается оговорка, что оно существует здесь в потенциальном виде, как предпосылка для того, чтобы возродиться снова, актуализироваться в чем-либо сознании. Мы полностью согласны с Н. Л. Лейзеровым, кото-

рый критически разбирая высказывание А. Спиркина о том, что «сами по себе знаки не несут идеального содержания, а вызывают его в сознании человека, если ему известен «ключ» к их расшифровке», говорит, что: «если «не несут», то почему вызывают? Вернее было бы сказать о том, что знаки в определенных случаях потенциально заключают в себе идеальное содержание, **являются своеобразно организованной материей этого содержания** (выделено нами — В. П.).

Отсутствие материальности такого рода также привело бы, по меньшей мере, к утверждению о полнейшей релятивности восприятия произведений искусств, опровергаемой всем ходом художественного развития человечества. Как известно, мы не ощущаем, не мыслим нейрофизиологические процессы, совершающиеся в нашем мозгу, но ощущаем и мыслим благодаря им. То же самое в сущности происходит и с восприятием художественного образа. Воспринимая его содержательно, мы **непосредственно не мыслим структурных особенностей образа, в которых материально закреплено это содержание**, но вместе с тем во многом именно эта **материальная структура образа как раз и определяет собой наши возможности его восприятия и осмысления** ¹⁷ (выделено нами — В. П.).

Понимание художественной формы как неорганизованного, случайного, хаотического скопления элементов, структуру которым придает лишь наше сознание, приводит к неверному, с нашей точки зрения, определению специфики художественного образа. Прежде чем рассматривать проблему художественного образа и для более четкого уяснения его смысла приведем высказывание В. В. Ванслова о сущности художественной формы. Он пишет: «Форма — это не просто материальная конструкция, закрепляющая и несущая содержание. Форма, как и содержание, — отражение жизни. Она создается при помощи материально-технических средств («языка») данного вида искусства и всегда конструктивна, **структурна**. Но эти материально-технические средства обладают образными, выразительными возможностями, которые реализуются в контексте **целого произведения и определяют образное, содержательное значение формы**. Последняя складывается из отдельных элементов «языка» искусства не случайно и не хаотически, а **под определяющим воздействием содержания. И потому она становится структурой не только внешней конструкции, но и самого этого содержания**» ¹⁸ (выделено нами — В. П.).

Все это позволяет признать определение художественного образа как категории, относящейся только к содержанию искусства, малоубедительным, неполным. С нашей точки зрения, более убедительны определения, согласно которым: «Художественный образ — диалектический сплав живого созерцания и абстрактного мышления, данный в конкретно-чувственной, эстетически выразительной форме» ¹⁹.

«Художественный образ всегда предстает перед нами как материально закрепленное объективированное отображение исторически конкретного эстетического отношения человека к действительности» ²⁰.

Итак, художественный образ есть диалектически противоречивое единство содержания и формы, рационального и чувственного. Вследствие этого он может получать типологию по самому существенному признаку — эстетическому, выраженному в основных эстетических категориях. Образ, в котором диалектически противоречивое единство содержания и формы, рационального и чувственного находятся в состоянии гармонического единства, т. е. subordinируются категорией «прекрасное», выступает как реалистический. Если в его основании лежит категория «возвышенное», т. е. в диалектически противоречивом единстве преобладает содержание над формой, рациональное над чувственным, то он выступает как романтический. «В образе романтического героя прежде всего бросается в глаза его колоссальная обобщенность. Но в нем гораздо меньше конкретности, детализации... Романтический образ всегда индивидуализирован менее полно, чем образы в реалистических произведениях. В особенности это относится к образам-символам...» ²¹

Проблема типологии образа непосредственно связана с проблемой типологии стиля в искусстве. С нашей точки зрения, определенный тип образа, это и есть его стилевой тип, т. е. конкретное соотношение формы и содержания, предопределяющее эстетический тип художественного образа, проявляющееся на всех его уровнях, начиная с «языкового» и кончая типом отображения жизни художником. М. Б. Храпченко отмечает, что «существует огромное количество разнообразных определений литературного стиля. Они располагаются веером между признанием стиля наиболее ши-

рокой, всеобъемлющей историко-эстетической категорией и характеристикой его как особенностей языка отдельных литературных произведений»²².

Как известно, полюсы диалектически противоречивого единства содержания и формы имеют внутри себя множество переходных ступеней, каждая из которых представляет собой такое же единство. Какой бы уровень единства мы ни исследовали, тип стиля будет выступать как определенное состояние этого единства. Если в основании определенного типа стиля будут лежать категория возвышенного, то на любом из этих уровней будет преобладать содержание над формой, рациональное над чувственным.

Можно сделать вывод, что система стилей—это типология образов, основанием которых является система основных эстетических категорий. Стилиевой тип—это конкретное диалектически противоречивое единство формы и содержания, чувственного и рационального на определенной стадии его развития. Стадия эта предопределяется развитием самого общества, обусловленного в свою очередь развитием диалектически противоречивого единства производительных сил и производственных отношений.

Марксистско-ленинская эстетика, исследуя проблему стиля в искусстве, опирается на положение К. Маркса о том, что все формы общественного сознания, о том числе и художественные, «надо объяснять из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»²³. Если исходить из данного положения К. Маркса, то диалектически противоречивое единство рационального и чувственного в человеке субординируется противоречивым единством духовной и материальной сторон жизни общества, которые, в свою очередь, обуславливаются противоречивым единством производительных сил и производственных отношений. Когда преобладающую роль начинают играть производственные отношения и, соответственно, духовное начало в жизни общества, в его эстетических идеалах возникает тенденция к возвышенному или даже трагическому, что проявляется в искусстве как его определенный стилиевой тип²⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 183.

² Гегель. Эстетика.— М., 1968, т. I, с. 119.

³ Там же, с. 81.

⁴ Там же, 1969, т. II, с. 13.

⁵ Там же, 1971, т. III, с. 10.

⁶ Там же, с. 8.

⁷ Гегель. Работы разных лет. (В 2-х томах).— М., 1971, т. 2, с. 155.

⁸ Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике.— М., 1969, с. 176.

⁹ Арсеньев А. С., Библиер В. С., Кедров В. М. Анализ развивающегося понятия.— М., 1967, с. 140.

¹⁰ Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры.— Л., 1960, с. 64.

¹¹ Габриэлян Г. Г. Принцип построения марксистской логики.— В сб.: Проблемы диалектической логики.— Алма-Ата, 1968, с. 34—35.

¹² Тютин В. С. Отражение, система, кибернетика.— М., 1972, с. 187—188.

¹³ Крюковский Н. И. Основные эстетические категории.— Минск, 1974, с. 51.

¹⁴ Медушевский В. Музыкальный стиль как семиотический объект.— Советская музыка, 1979, № 3, с. 30.

¹⁵ Сохор А. Музыка как вид искусства.— М., 1970, с. 85.

¹⁶ Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии.— М., 1946, с. 300.

¹⁷ Лейзеров Н. Л. Образность в искусстве.— М., 1974, с. 43.

¹⁸ Ванслов В. В. О содержании и форме в искусстве как отражении жизни.— В сб.: Марксистско-ленинская эстетика и художественное творчество. М., 1980, с. 317.

¹⁹ Савостьянов Е. И. Теория отражения и художественное творчество.— В сб.: Марксистско-ленинская эстетика и художественное творчество, с. 164.

²⁰ Лейзеров Н. Л. Образность в искусстве, с. 40.

²¹ Дремов А. К. Романтическая типизация.— В сб.: Марксистско-ленинская эстетика и художественное творчество, с. 293.

²² Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы.— М., 1977, с. 89.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

²⁴ См.: Крюковский Н. И. Указ. работа, с. 239.

О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ

В условиях зрелого социалистического общества необычайно возрастает значение и роль культуры, ибо без высокого уровня ее развития коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы. Не случайно в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» подчеркивается, что партия постоянно проявляет заботу о росте духовного богатства общества, о приумножении ценностей многонациональной социалистической культуры¹. В связи с этим большую актуальность приобретает выяснение содержания этой категории. Сложность культуры как общественного явления и порождает в современной марксистской литературе различие точек зрения на ее сущность.

При определении культуры в широком смысле слова одни авторы рассматривают ее как совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, служащих дальнейшему прогрессу человечества². Другие сводят ее только к совокупности «продуктов и достижений одной лишь духовной деятельности человеческого общества»³. Авторы коллективной монографии «Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС» рассматривают культуру как «одну из форм общественного сознания»⁴, что ведет к значительному сужению ее содержания.

Из этого вовсе не вытекает, как полагают некоторые исследователи, что выработать общее понятие культуры вряд ли возможно⁵.

Фактически ни одно из приведенных определений не лишено реальных оснований. Каждое из них отражает какие-то важнейшие свойства культуры. Однако их общим недостатком является преувеличение, акцентирование внимания на отдельных сторонах, чертах такого сложного и полифункционального явления, как культура, стремление вместить его определение в краткое афористическое изречение. А это при определении сложных понятий всегда трудно. «...Слишком короткие определения...», — писал В. И. Ленин, — все же недостаточны, раз из них надо особо вывести весьма существенные черты того явления, которое надо определить»⁶.

Так, в трактовке культуры как совокупности материальных и духовных ценностей или продуктов, созданных обществом в процессе исторической практики и служащих дальнейшему прогрессу человечества, правильно указывается на социальную функцию культуры, ее генетическую связь с деятельностью человека и отмечается позитивный характер культуры. Здесь налицо, таким образом, оценочный аспект. Вместе с тем вне поля зрения остается деятельность и развитие субъекта культурно-исторического процесса как социального существа, без учета которого теряет всякий смысл само понятие «культура».

Следовательно, культуру нельзя рассматривать как простую совокупность материальных и духовных ценностей, как нечто застывшее, статичное. Это прежде всего человеческая деятельность, в процессе которой развивается и сам человек как субъект исторического прогресса. «Категория деятельности служит, как известно, исходным пунктом марксистского понимания общества и культуры. Деятельность выражается в свойственном человеку взаимодействии с объектом, при котором происходят — с одной стороны — опредмечивание человеческих сущностных сил, их объективация в виде культуры — с другой — распределение культуры и внутреннее обогащение человека»⁷. В трудах советских ученых в последние годы все чаще высказывается мысль о том, что действительным содержанием культуры является не столько совокупность общественно значимых материальных и духовных ценностей, опредмечивающих творческую деятельность людей, сколько процесс их активной творческой деятельности по освоению мира, исторического развития человеческих интеллектуальных сил и способностей, воплощающихся во всем богатстве и многообразии создаваемой людьми предметной действительности⁸.

Ценный конструктивный материал, накопленный в трудах многих исследователей, позволяет охарактеризовать культуру как исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов ак-

тивной творческой деятельности людей, служащей безграничному всестороннему развитию личности и социальному прогрессу в целом.

В этой формулировке подчеркивается, что культура воплощает в себе творческие силы общества, производство, распространение и функционирование в нем определенных ценностей, бесконечную передачу их из поколения в поколение. Культура характеризует степень развития человека как общественного существа, степень его свободы, господства не только над стихийными силами природы, но и над общественными отношениями. Можно, следовательно, сказать, что культура—это качественная характеристика общества, всех сфер его жизнедеятельности на определенном этапе исторического развития. Так, на наш взгляд, следует понимать культуру в широком смысле. В узком смысле слова духовная культура понимается как процесс активной творческой деятельности людей.

Успешное и целенаправленное управление развитием духовной культуры в условиях зрелого социализма требует выяснения ее соотношения с другими однопорядковыми социологическими явлениями, такими, как надстройка, общественное сознание, идеология, духовная жизнь и т. д. В сложном взаимодействии с ними духовная культура в одних случаях своими отдельными сторонами как бы проникает в них составной частью, в других—сама включает в себя отдельные элементы этих явлений, покрывает их. Например, несмотря на общие черты с общественной надстройкой, духовная культура и надстройка не тождественны, потому что, с одной стороны, из понятия культуры исключаются все реакционные элементы, с другой—она включает в себя такое ненадстроечное явление, как язык.

Возьмем соотношение понятий «духовная культура» и «общественное сознание». Некоторые авторы отождествляют или почти отождествляют их. Так, Н. Джандильдин пишет, что «культура, как известно, является одной из форм общественного сознания и в конечном счете обусловливается общественным бытием»⁹. Другие, напротив, считают, что «духовная культура не может быть отождествлена с общественным сознанием во всех его формах...»¹⁰ А. К. Уледов отмечает, что «общественное сознание непосредственно соотносится с духовной культурой». По его мнению, из этого «соотношения вытекает, что общественное сознание является стороной духовной культуры»¹¹. Далее он справедливо замечает, что «диалектика духовной культуры и общественного сознания такова, что сознание данной эпохи опирается на достижения всей культуры прошлого и много впитывает из нее»¹². Это значит, что если духовная культура включает в себя совокупность интеллектуальных ценностей, созданных за всю историю человечества, то общественное сознание, хотя и опирается на достижения культуры прошлых эпох, все-таки представляет собой духовное образование главным образом данной эпохи.

Авторы приведенных высказываний правы в том, что духовную культуру и общественное сознание нельзя рассматривать изолированно, в отрыве друг от друга. Как сложные надстроечные явления общественной жизни они взаимосвязаны, взаимопереплетаются и взаимопроникают. Но духовная культура—понятие более широкое. Она означает специфический способ деятельности людей, при котором, с одной стороны, осуществляется производство и воспроизводство духовных ценностей, а с другой—развитие субъекта, его собственных сущностных сил. Общественное сознание служит отражением действительности в виде теорий, учений, взглядов, представлений. Духовная культура включает в себя, наряду с сознанием, и духовную деятельность, духовные отношения; она является той сферой общественной жизни, где осуществляется взаимодействие между бытием и сознанием.

О несводимости духовной культуры к совокупности форм общественного сознания, как совершенно правильно, на наш взгляд, отмечают Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишнеvский, свидетельствует то, что, во-первых, «общественное сознание охватывает только один—гносеологический—аспект культуры, к которому культура не сводится. Во-вторых, общественное сознание—продукт развития культуры, включающей в себя производство, сохранение и распределение общественного сознания. В-третьих духовная культура включает определенную сеть институтов (учреждений и организаций), которые, безусловно, выходят за рамки сознания»¹³.

Духовную культуру нельзя отождествлять и с идеологией. Будучи частью общественного сознания, порождаемого условиями материальной

жизни общества, отражая особенности его экономического строя, идеология составляет ядро культуры, ее сердцевину или содержание, которое выражается в определенных национальных формах. Само собой разумеется, только идейной направленностью не ограничивается содержание национальной культуры; оно представляет собой диалектическое единство идейности и предметности. Вместе с тем, выражая интересы определенных классов, идеология является основой духовной культуры в любом классовом обществе, доминирует во всех сферах духовного производства. Не подменяя собой всей духовной культуры, но, будучи ее концентрированным выражением и наиболее важной активной частью, идеология дает культуре историческую и классовую ориентацию, определяет ее направленность, ставит перед ней определенные цели. Кроме идеологии, которая пронизывает духовную культуру в классовом обществе, в ней содержатся и элементы внеклассового характера, скажем, естественнонаучные, технические знания, язык как средство общения и составная часть национальной формы культуры и т. д.

Некоторые авторы отождествляют духовную культуру с духовной жизнью общества¹⁴. В публикациях же других ученых отмечается их неидентичность, наблюдается стремление к разграничению этих терминов и отражаемых ими явлений, к раскрытию специфики их содержания и структуры. И в самом деле, несмотря на то, что на уровне обыденного сознания, а нередко и в научных работах эти понятия употребляются как синонимы, ибо в действительности имеют немало общего, в строго научном понимании в их содержании заключена глубокая смысловая дифференция.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что духовная жизнь есть процесс производства, сохранения, распределения и освоения духовных ценностей¹⁵. Возражение вызывает тезис о том, что духовная культура представляет собой лишь определенный уровень развития духовной жизни общества. Ведь в таком случае приходится признать, что духовная культура — не процесс, не творческая деятельность, не «жизнь», а лишь статичная, застывшая совокупность духовных ценностей, «определенный уровень» развития духовной жизни общества. Другими словами, понимание культуры дается только по ее внешнему проявлению.

Понятия «духовная культура» и «духовная жизнь» — не разные плоскости анализа общественной жизни, как утверждают некоторые авторы. Такой подход ставит и отображаемые ими явления в разные плоскости объективной действительности. На наш взгляд, «духовная жизнь» и «духовная культура» — явления и понятия однопорядковые, но первое шире второго. Они взаимосвязаны как часть и целое. Причем в систему духовной жизни социалистического общества включаются не только действительно ценные достижения человеческого духа, но и такие элементы, которые чужды социалистической культуре. К ним относятся, например, религиозные пережитки, частнособственническая психология, националистические предрассудки, отжившие традиции и т. д. — так называемые «родимые пятна» прошлого, которые в силу сложных социально-политических, психологических причин и большой живучести традиций, изменяясь и модифицируясь, продолжают жить в сознании и поведении некоторой части граждан социалистического общества. Духовная жизнь наряду с духовной культурой включает в себя многообразные проявления общественной психологии, не вполне осознанные представления, настроения, привычки, а также духовные элементы материального производства. Следовательно, и в этом плане понятие духовной культуры оказывается более узким по сравнению с понятием духовной жизни.

Духовная жизнь общества охватывает все проявления человеческого разума и его достижений. Она включает в себя отражение общественного бытия на данной ступени его развития в общественном и индивидуальном сознании, в различных формах идеологии и психологии людей. Культура же является стержнем духовной жизни общества и определяет направление и характер поступательного духовного развития. В ней сконцентрирован богатейший интеллектуальный опыт, который служит неисчерпаемым источником дальнейшего социального прогресса.

¹ См.: О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Постановление ЦК КПСС от 15 декабря 1979 г. — М., 1980, с. 10.

² См.: Философская энциклопедия. — М., 1964, т. 3, с. 118; Философский словарь. — М., 1981, с. 173; Кал та х ч я н С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования

интернациональной общности людей.— М., 1976, с. 121; Тугаринов В. П., Румянцева Т. М. Предвидение и современность.— М., 1976, с. 291; Райнов Б. Массовая культура (Пер. с болг.).— М., 1979, с. 98.

³ Аврорин В. А. К проблеме взаимоотношения между языком и культурой.— В кн.: Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи в взаимодействии.— Уфа, 1976, с. 15.

⁴ Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС.— М., 1975, с. 114.

⁵ См.: От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела.— М., 1969, с. 91.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

⁷ Соколов Э. В. Некоторые методологические проблемы марксистского культуроведения.— В кн.: Философские и социально-экономические проблемы культуры. / Труды Ленинградского гос. ин-та культуры.— Л., 1975, т. 28, с. 121.

⁸ См.: Культура. Творчество. Человек.— М., 1970, с. 36; Основы марксистско-ленинской теории культуры.— М., 1976, с. 22.

⁹ Джандильдин Н. Интернациональное и национальное в советской культуре.— В кн.: Культура и общественный прогресс.— Алма-Ата, 1974, с. 23.

¹⁰ Агаев А. Г. Социалистическая национальная культура.— М., 1974, с. 82.

¹¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование.— М., 1968, с. 41.

¹² Там же.

¹³ Коган Л. Н., Вишневский Ю. О. Очерки теории социалистической культуры.— Свердловск, 1972, с. 23.

¹⁴ См.: Васина Э. Л. О некоторых особенностях научного руководства в сфере духовной культуры.— В кн.: Ленинизм и развитие социалистической культуры. / Материалы Всесоюзного симпозиума.— Москва — Ташкент, 1971, с. 200; Духовный мир советского рабочего.— М., 1972, с. 44; Казакова Л. И. О духовной жизни общества.— В кн.: Диалектика социального развития.— М., 1974, с. 201.

¹⁵ Методологические проблемы науки.— Новосибирск, 1974, вып. 2, с. 190.

В. Р. ЯЗЫКОВИЧ

ПРИРОДА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСКОЙ ГЛОССОЛАЛИИ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Важной особенностью пятидесятичества, накладывающей отпечаток на внутренний облик его последователей, является установка на получение верующими знаменания «иных языков», рассматриваемого как знак богоугодности. Это вероучительное положение связано с практикой «говорения» верующих на «ангельских» или неизвестных им человеческих языках, получившей название глоссолалии.

Сущностью используемого пятидесятичниками «религиозного опыта» объявляется получение «божественного ответа» в виде глоссолального высказывания, которое истолковывается как действие сверхъестественной силы через человека. С точки зрения богословов, подобная молитвенная практика может быть важным средством поддержания религиозных убеждений, доказательством не только реального существования сверхъестественного, но и благосклонно-личного отношения бога к глоссолалисту. В пятидесятичником культе верующих привлекает прежде всего его сильное компенсаторное и психотерапевтическое воздействие, которое проявляется в высвобождении и изживании бессознательных побуждений, подавлении и вытеснении негативных эмоций и стимулировании позитивных переживаний.

В научной литературе лингвистический аспект глоссолалии уже достаточно хорошо описан и истолкован. Выявление же ее психологической природы во многом остается дискуссионным вопросом.

Фактически общепринятым является определение глоссолалии как «бессмысленного, но фонологически структурированного человеческого высказывания... которое не имеет систематического сходства ни с одним естественным языком, живым или мертвым»¹. Представляя собой ряд звуков или простых слогов, в своей основе глоссолальная вокализация языком не является. Она производна от родного языка верующего. По наблюдениям Ф. Д. Гудман, «глоссолалия проявляет значительное межкультурное согласование... хотя фонетический набор и группировка звуков (воспринимаемых как слоги) варьируются от группы к группе, они стереотипны внутри группы и их жестко придерживаются»². Таким образом, глоссолалия представляет собой форму псевдоязыка, причем система ее фонем тесно связана с языковым фоном верующих.

Чрезвычайно сложным и вызывающим серьезные разногласия предстает анализ психических состояний верующего, во время которых он приходит к вокализации. Трудности в этом отношении обусловлены в значительной мере тем, что исследователи наблюдают различную технику достижения глоссолального высказывания. Однако большинство авторов при объяснении психических процессов, связанных с переживанием «иных языков», употребляют такие термины, как транс, измененное состояние сознания, диссоциация личности. Среди факторов, способствующих вызыванию глоссолалий, называют также внушение и гипноз. Общим для всех психических состояний, обозначаемых данными терминами, является то, что они в большей или меньшей степени указывают на снижение уровня коркового контроля или его полное снятие, появление определенного автоматизма в поведении человека, уменьшение восприимчивости к внешним раздражителям и известное отключение от окружающего мира. Это то состояние верующих, когда их «я» в какой-то степени перестает быть субъектом деятельности. Во время пятидесятнических молений происходит подавление сознательных уровней психики верующего, резко деформируется структура его личности, меняется соотношение в ней сознательного и бессознательного. Это ведет к стимулированию простейших психических состояний, свойственных ранним стадиям развития человека (глоссолальное высказывание сравнимо с лепетом ребенка), к манипулятивности и автоматичности поведения верующего. Процесс моторной деятельности оказывается типичной чертой харизматических переживаний пятидесятников, хотя этот вывод ставится под сомнение некоторыми зарубежными исследователями.

В литературе описано несколько способов достижения глоссолального высказывания. Известны два полярных варианта пятидесятнической психотехники, а также широкий спектр промежуточных и смешанных форм.

Первым в истории пятидесятничества был экстатический, опирающийся на психическое заражение и внушение, способ достижения глоссолалии. Важнейшую роль в его реализации выполняет физическое истощение, изматывание организма верующего. Оно начинается с многодневного поста накануне молитвенного собрания. По данным А. Т. Москаленко, воздержание верующих от пищи и воды длится до 10 суток. Причем, пост должен сопровождаться определенной психологической самонастройкой³. Основным содержанием следующего за тем длительного молитвенного собрания оказывается продолжающееся истощение организма молящегося, когда он, стоя на коленях и подняв вверх руки, словами «Крести! Крести!» или «Дай! Дай!» или «Аллилуйя! Аллилуйя!» доводит себя до иступления, до помрачения сознания. Здесь действует также механизм психического заражения и внушения, поскольку все присутствующие молятся сходным образом. Известный «накаляющий» и заражающий эффект создают не только высокая эмоциональность собрания, но и то, что оно, как правило, проводится в тесном, наглухо закрытом, душном помещении, нередко затемненном. Используя такую «молитву до иступления», адепт достигает трансa, в котором происходит глоссолалия.

Такого рода психотехника использовалась пятидесятниками в Советском Союзе, и она вполне правомерно квалифицировалась как изуверская. На Западе на подобных собраниях дополнительно применяются такие способы вызывания физиологических стрессов, как громкая ритмичная музыка или коллективное хлопанье в ладоши. Элементы этого варианта пятидесятнической психотехники используются верующими и в Белоруссии. Так, некоторые христиане веры евангельской — ХВЕ — последователи одного из направлений пятидесятничества — заявляют, что «исполнение духом святым» требует от них больших усилий и происходит исключительно во время коллективной молитвы на собрании, что «говорят» на «ином языке» они в состоянии беспамятства и по своему желанию прекратить высказывание не могут. Обычным является и назначение общего поста перед молитвенным собранием.

Средством достижения глоссолального высказывания может быть не только истощение организма в соединении с заражающим воздействием единоверцев. По сведениям зарубежных исследователей, значительное количество людей переживает глоссолалию и наедине. Некоторые пятидесятники принципиально отвергают самоизматывание и экстаз, предпочитая им отрешение и тихую молитву. По словам некоторых ХВЕ, высказывание происходит, как правило, во время коленопреклонной общей молитвы, но оно не сопровождается потерей ориентации в окружающем мире

или утратой самоконтроля. Лица, применяющие эту психотехнику, заявляют, что они сами себя слышат и не испытывают никакого экстаза, а только определенный подъем чувств. Характерно и то, что глоссолалия происходит не у многих молящихся одновременно, а у одного — трех, причем поочередно.

Нельзя не отметить возможность эволюции в применении различных элементов пятидесятнической психотехники как в личностном, так и в групповом планах. Вероятным представляется, например, переход от экстатических к более спокойным приемам достижения высказывания, поскольку может иметь место приобретение навыка, известного автоматизма вхождения в трансовое состояние. Если верующему требовались длительная подготовка и значительные усилия для первого переживания «иных языков», то впоследствии такая необходимость может отпасть. Обученность становится настолько высокой, что впадение в транс оказывается привычным, автоматическим.

Серьезной проблемой является конкретное объяснение того, почему общины или отдельные лица используют именно такой конкретный набор психотехнических приемов. Во-первых, следует учитывать традиционные приемы и средства определенной церкви, общины и т. д. Это подтверждается тем, что вокализация, как правило, оказывается обученным поведением в смысле фонетических образов и методов вхождения в состояние транса. На тяготение конкретного человека к тому или иному варианту достижения высказывания накладывают отпечаток его психический склад, уровень личной культуры и другие факторы. Во-вторых, приобщение глоссолалиста к конкретной культурной группе и использование им определенной психотехники в значительной мере объясняется его социальным положением. В истории пятидесятнического движения можно проследить следующую связь между эволюцией социального состава его участников и применением различных видов молитвенной техники. В период формирования движения (примерно до второй мировой войны) пятидесятнические «собрания зачастую были неорганизованы, высокоэмоциональны и многие из первых последователей (хотя и не все) были выходцами из низших социально-экономических слоев»⁴. Низкий социально-экономический статус основного контингента первых пятидесятнических групп, по-видимому, предопределял экстатический характер молений. Появление пятидесятничества (в экстатическом варианте) было обусловлено стремлением наиболее подавленных и угнетенных слоев американского общества найти компенсацию своему ущербному социальному опыту, самоутвердиться посредством сильных религиозных переживаний.

По-видимому, экстатическая глоссолальная техника является наиболее привлекательной для в максимальной степени бездельного и угнетенного человека. Именно для личности, находящейся «на дне», человека с положением и психологией люмпена приемлемым оказывается экстатический подъем, отключение от окружающего и от самого себя во время пребывания в состоянии транса, когда он как бы отодвигает от себя мир, укрывается от него в своем подсознательном. О таком самочувствовании верующие говорят: когда человек имеет радость от сошествия духа святого, ему больше ничего не надо.

В период второй мировой войны социальная стратификация классических пятидесятников в США в значительной степени изменилась: большая их часть принадлежала к среднему классу. Что касается группы протестантских неопятидесятников или участников католического харизматического обновления, то их контингент ни в коей мере не соответствовал теориям экономической или культурной ущербности глоссолалистов. Соответствующим образом меняется и техника достижения высказывания. На смену эмоциональности и экзальтации приходят самоуглубление и тихая молитва, зачастую в одиночестве.

Характеризуя молитвенную технику ХВЕ в БССР, можно сказать, что в последнее время она находится как бы в состоянии перелома. Происходит постепенная замена экстатической изуверской практики на более спокойную. Это во многом объясняется изменением контингента пятидесятнических общин, в которых преобладают теперь обеспеченные люди, зараженные мелкобуржуазной психологией. В соответствии с их потребностями деформируется и идеология движения, приближаясь к баптистской.

Итак, эволюция пятидесятнической психотехники идет по пути индивидуализации, постепенного дополнения или даже вытеснения универ-

сально-общих приемов достижения глоссолалии, практикующихся на кол- лективных экстатических молениях, личностно-особенными.

Какую бы технику вхождения в транс ни использовали глоссолалисты, все они заявляют, что переживание «иных языков» вызывает у них колоссальный подъем позитивных эмоций и даже чувство известного пере- рождения, личного очищения и совершенствования. Вполне вероятно, что во время глоссолалии происходит определенный эффект катарсиса и ве- рующие изживают свои бессознательные побуждения. Поэтому у них воз- никает чувство освобождения, облегчения. Вероятно, эти позитивные пе- реживания непомерно возрастают в результате интерпретации их в духе избранничества. Однако этот незначительный для современного человека психотерапевтический эффект не может перекрыть то негативное влияние, которое практика глоссолалии оказывает на верующих, деформируя их личность, подавляя сознательные уровни психики, приучая к высвобождению бессознательных стимулов и поощряя регрессивные формы поведе- ния. Религиозно-мистический опыт пятидесятников, их позитивные пере- живания во время глоссолалии носят манипулятивный характер, оказыва- ют обезличивающее воздействие и поэтому не имеют ничего общего с художественным, духовно-творческим озарением. Очевидно, созерцатель- ная психотехника менее опасна для верующих, однако участие в пятиде- сятнических молениях может быть причиной серьезных психических рас- стройств. Глоссолальный культ представляет собой одно из средств рели- гиозной компенсации ущербного социального опыта человека и приобще- ние к нему неминуемо ведет к общественной пассивности и конформизму.

¹ Samarin W. J. *Tongues of Men and Angels: The Religious Language of Pente- costalism.*— New York, 1972, p. 2.

² Goodman F. D. *The Acquisition of Glossolalia Behavior.*— *Semiotica*, The Ha- gue, 1971, vol. III, № 1, p. 77.

³ См.: Москаленко А. Т. *Идеология и деятельность христианских сект.*— Ново- сибирск, 1978, с. 199.

⁴ McDonnell K. *Charismatic Renewal and the Churches.*— New York, Seabury press, 1976, p. 16.

Навуковы камунізм

Г. И. МИРОНОВ

СОЦИАЛЬНО-ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА ЛЕНИНИЗМА И КРАХ ИДЕОЛОГИИ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО РАДИКАЛИЗМА В США

Влияние ленинского теоретического наследия на социальную мысль США не ограничивается распространением коммунистической идеологии в стране и созданием КП США. Оно проявляется в разнообразных формах, охватывает все новые социальные слои. К ленинизму все чаще обращаются представители буржуазной политической экономики, социологии, философии, истории, профессиональный круг политиков, преподаватели, студенты, негритянские лидеры.

Обстоятельное изучение ленинизма в США не ограничивается легальными организациями, а включает также и подпольную прессу, подпольные левые кружки. Так, некоторые члены групп «Уэзермен», «Прогрессив лейба», студенческой организации «Студенты за демократическое общество», «Черных пантер» даже называли себя «неоленинцами», подчеркивая этим, что они являются проводниками идей В. И. Ленина в конкретной исторической обстановке США. По мнению американских социалистов, эти группы представляют устойчивое течение в американской социальной мысли, в ленинизме они пытаются найти руководящие принципы, сущность которых сводится к следующему: «не может быть борьбы за основательное изменение без систематизированной теории, строгой дисциплины и железной организации»¹.

Работы В. И. Ленина оказали значительное влияние и на теоретиков негритянского движения в США. Дж. Джексон, автор книги «Соледадские братья», которая стала своеобразным руководством для негритянского движения в 70-е годы, глубоко изучал работы Ленина, Маркса. Многие антиимпериалистически настроенные радикалы в своих социально-политических воззрениях и социальных действиях опираются на отдельные положения учения В. И. Ленина. Так, радикалы, группирующиеся вокруг журнала «Либерејшн», обращают особое внимание на ленинскую теорию культурной революции. В частности, профессор истории Луис Менаше считает, что многие ее аспекты и поныне не утратили своего значения для США².

Необходимо отметить, что радикалы, абсолютизируя отдельные ленинские концепции, оставляют вне своего внимания важнейшие положения ленинизма, особенно теорию империализма, теорию социалистической революции. Они пытаются механически приспособить учение В. И. Ленина к своим ближайшим социальным целям, не затрагивая империализм как целостную систему. Тем не менее обращение радикально настроенных групп к ленинскому теоретическому наследию — свидетельство роста влияния идей В. И. Ленина на буржуазную социальную мысль США, усиления в ней антиимпериалистического содержания. Признание радикально настроенными представителями буржуазной мысли США истинности даже отдельных положений ленинского учения, участвовавшее обращение их к трудам В. И. Ленина — один из важнейших симптомов ослабления буржуазного идеологического фронта, краха его единства.

Как американские социалисты, так и члены партии «Черные пантеры» признавали В. И. Ленина «своим». Партия «Черные пантеры» провозгласила себя организацией марксистского толка. Она сделала изучение

марксизма-ленинизма обязательным для руководящих кадров. Этот шаг явился беспрецедентным в истории негритянского освободительного движения. В статье «Роль авангардной партии» братья Джеймс и Грейс Боггсы горячо отстаивали взгляды В. И. Ленина, критикуя либералов, отвергающих авангардную роль партии, которая якобы способствует ее бюрократизации. Братья Боггсы писали, что именно благодаря воплощению в жизнь ленинского требования об организационном сплочении ленинцы «основательно изменили облик того мира, в котором мы живем»³. В трудах В. И. Ленина лидеры «Черных пантер» пытались найти обоснование своей стратегии и тактики. Но, как показала история, эта партия не стала марксистской, не усвоила ленинизм целиком, что и способствовало ее организационному распаду.

Опыт партии «Черные пантеры» наглядно продемонстрировал, что нельзя быть ленинцем, принимая лишь отдельные, пусть и очень важные, ленинские теории и положения. Успешная деятельность партии в условиях США возможна лишь на основе последовательного, цельного марксизма-ленинизма. Метафизически выпятив одну сторону ленинской теории социалистической революции (необходимость организационного сплочения партии по ленинскому образцу), они игнорировали не только другие положения ленинизма, но в значительной степени и самую теорию партии, особенно требования ее интернационального характера.

Представляя собой одно из проявлений кризиса буржуазной идеологии, радикализм является серьезной помехой сплочению всех антиимпериалистических сил вокруг Коммунистической партии США. Эта помеха дает себя знать не только в организационном, но и в идеологическом аспекте. Мелкобуржуазная интерпретация ленинизма, стремление увлечь революционные устремления трудящихся на путь решения лишь частных проблем, без коренного переустройства общества, — в конечном итоге, хотят или не хотят того радикалы, ослабляет антиимпериалистический фронт.

К тому же нередко в США увлечение радикалов ленинизмом проявляется как дань «политической моде». Популярность В. И. Ленина как мыслителя и революционера в США настолько велика, что у многих возникает желание «присвоить» его, заявить, что именно они являются наследниками ленинских идей в новой исторической обстановке. Такие «ленинцы» не скупятся на саморекламу и комплименты ленинизму, не замечая колоссального разрыва между декларациями и практической реализацией их. Пользуясь маской друзей ленинизма, такие мелкобуржуазные дельцы-«теоретики» делают все, чтобы выхолостить его революционное содержание, поставить под сомнение его соответствие американской действительности.

В плане мелкобуржуазной интерпретации ленинских идей в современной социальной мысли США особый интерес вызывает идеология «новых левых». В начале 70-х годов среди «новых левых» стало модным использовать марксистско-ленинскую терминологию. Многочисленные отряды и группы критически настроенных молодых людей выделялись декларативным стремлением применять ленинизм к своим социально-политическим действиям. «Новые левые» проявляли живой интерес ко всему, что связано с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Особый интерес вызывало у них отношение В. И. Ленина к анархизму в связи с тем, что некоторые группы «новых» перешли к террористическим акциям (например, группа «Уэзермен»). Страницы ленинской биографии были также близки многим «новым левым», они довольно часто отождествляли себя, свою борьбу, создавшееся в США положение с отдельными периодами развития революционной борьбы в России.

Ищущие представители мелкобуржуазной идеологии в США путем проб и ошибок приходят к осознанию неизбежности и плодотворности применения в социальных действиях ленинской теории социалистической революции. Оставаясь в целом идеологическими прислужниками буржуазии, самым ходом исторического развития они вынуждены в какой-то степени выражать социальные цели радикального слоя населения, который сложился в США «как постоянный резерв недовольства капиталистической системой, обладающий огромным взрывным потенциалом, как живое свидетельство антигуманной сущности капиталистических общественных отношений, их неспособности обеспечить реальное социальное равенство»⁴.

Конечно, знаменателен сам факт обращения буржуазных мыслителей

США к ленинскому теоретическому наследию в поисках методологических предпосылок переустройства общества. Все большее число приверженцев буржуазной идеологии переходит к признанию теоретической и практической значимости ленинизма для США.

Но, в конечном итоге, не частичное «прозрение» отдельных буржуазных идеологов или даже целых мелкобуржуазных групп определяет прогресс социальной мысли в США. Творческое восприятие ленинизма пролетариатом, широкими трудящимися массами — вот основополагающая предпосылка духовного развития современного американского общества. Истинность ленинизма доказана всемирно-исторической практикой победоносной борьбы рабочего класса за социализм.

¹ The Revival of American Socialism.— New York., 1971, p. XIII.

² См: Menache Louis. The Relevance of Leninism.— Liberation, 1969, vol. 14, N 4, p. 25—27.

³ James and Grace Boggs. The Role of Vanguard Party.— Monthly Review, 1970, vol. 21, N 11, p. 10.

⁴ Антонович И. И. Поиски «нового общества» и «патерналистский капитализм». — Вопросы философии, 1978. № 6, с. 163.

П. С. КАРАКО

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЗЕМЛЕДЕЛИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

В последние годы в мировой печати много пишут о «зеленой революции», о «пшеничном перевороте». Некоторое увеличение производства зерна в ряде развивающихся стран породило у отдельных теоретиков скоропалительные выводы о разрешении научными методами продовольственной проблемы. Мистический ореол, которым окружают на Западе это понятие, требует вскрыть его реальное содержание. Анализ позволяет также показать роль некоторых отраслей биологии в решении одной из глобальных проблем человечества, зависимость научного и научно-технического прогресса от характера социальной действительности. Развитие «зеленой революции» связано с деятельностью всемирно известного ученого Нормана Борлауга, который в 1944 году возглавил в Мексике Международный центр по улучшению кукурузы и пшеницы. Под руководством Н. Борлауга были выведены высокоурожайные и устойчивые против заболевания ржавчиной и против полегания сорта пшеницы. Их широкое внедрение в производство позволило повысить урожайность с 7,5 ц/га до 30 ц. Благодаря внедрению новых сортов Мексика с 1956 года полностью обеспечивает себя зерном пшеницы.

На базе мексиканских сортов карликовой пшеницы были выведены индийские и пакистанские сорта. Их широкое внедрение в производство резко повысило сборы зерна. Все это позволило Индии и Пакистану успешно решать задачи самообеспечения зерном. Новые мексиканские сорта семян в сочетании с прогрессивной агротехникой начали быстро распространяться и в другие развивающиеся страны и стали катализатором «зеленой революции». «Никогда еще в истории сельского хозяйства, — отмечает Н. Борлауг, — внедрение высокоурожайных сортов в сочетании с высокой агротехникой не осуществлялось в таком массовом масштабе, в течение такого краткого срока и с таким большим успехом. Этот успех — событие огромного научного и социального значения. Его определила хорошо организованная производственная программа, а также квалифицированная деятельность мужественных и опытных ученых-руководителей»¹.

Решение Нобелевского комитета отметить премией мира работу Н. Борлауга свидетельствует о признании его высоких заслуг перед человечеством. Решение продовольственной проблемы — это вклад в укрепление мира на Земле. На колосе должно быть сосредоточено внимание не только специалистов, но и всей мировой общественности. Но Н. Борлауг преувеличивает роль науки в решении глобальной проблемы — обеспечения человечества продовольствием. Он озабочен тем, что 50 % нынешнего населения Земли голодает. Вот почему искоренение голода — это, по его мнению, важнейшая задача биологической науки. Только в непрерывном выведении новых сортов культурных растений он видит

путь избавления от голода. Для этих целей ученый предлагает широко использовать достижения биологии, новые методы гибридизации. Все это позволит, по его мнению, создать «дерзкую программу» селекции новых сортов зерновых культур. Для этого потребуются дополнительные ассигнования на развитие научных исследований и подготовку специалистов.

«Дерзкая программа» выведения новых сортов зерновых культур на основе новейших достижений биологии может решаться успешно. Но эта программа сама по себе не ликвидирует голод. Научный прогресс зависит от социальных факторов, среди которых главный — характер производственных отношений. Именно он определяет и уровень научных исследований, и возможность их использования на благо людей. Все это наглядно проявляется и в «зеленой революции». Ее становление связано с широким использованием достижений генетики, физиологии и селекции растений. Однако видеть успехи «зеленой революции» только в использовании биологии нельзя. «Зеленую революцию», крупное достижение науки и практики, вызвал к жизни целый ряд социально-экономических и политических факторов, среди которых особое значение имела острая нехватка продовольствия в развивающихся странах. Вот почему в социально-экономическом отношении «зеленая революция» представляет собой попытку увеличения сельскохозяйственного производства чисто технологическими средствами, без изменения социально-экономической структуры общества и при сохранении сложившегося неравенства между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Об этом говорилось со всей определенностью на XIII Международном генетическом конгрессе. Но некоторые делегаты конгресса утверждали, что «зеленая революция» может решить продовольственную проблему развивающихся стран «некоммунистическим» путем².

Факты говорят о том, что использование достижений биологии хотя и сыграло определенную роль в становлении «зеленой революции», но не оно было решающим. Все дело в том, что мексиканские сорта пшеницы и их индийские и пакистанские производные — это сорта интенсивного типа, т. е. они дают высокие урожаи только при внесении в почву высоких доз минеральных удобрений, орошении, обработке ядохимикатами, высокой агротехнике возделывания. Последнее связано с использованием комплекса машин в земледелии. Всего этого не может дать биология. Уровень развития производительных сил и существующие производственные отношения стран, охваченных «зеленой революцией», в конечном итоге оказался решающим в использовании достижений науки для блага людей.

Социальные факторы поставили и огромные трудности на пути осуществления «зеленой революции» в развивающихся странах. «Зеленая революция», хотя в некоторой степени и ослабила продовольственную проблему, но не получила всеобщего и широкого распространения, не затронула большинства развивающихся стран и не коснулась основных масс крестьянства даже в тех странах, где она происходит. Ее осуществление возможно только на полях крупных капиталистических и помещичьих хозяйств. Ведь только им под силу приобрести новые сортовые семена, использовать удобрения и технику. Натуральное хозяйство, примитивная техника, полукрепостническая зависимость, арендные и ростовщические пути закрыли доступ научно-техническому прогрессу на поля основной массы крестьян. Никаких благ от «зеленой революции» они не получают. Как свидетельствует Л. Кузнецов, Филиппины, хотя и начали экспортировать рис, но «проблема хронического недоедания большого количества людей» осталась³. В Индии почти 70 млн. крестьянских семей, по официальным данным, живут за чертой бедности⁴. Для Индии социальное содержание «зеленой революции» свелось к «развитию капиталистических отношений в деревне», ее осуществление не смогло «решить основных противоречий сельского общества»⁵.

«Зеленая революция» углубила и без того острые социально-классовые противоречия в сельском хозяйстве развивающихся стран. Она обострила имущественное неравенство и классовую борьбу. Наконец, развивающиеся страны в ходе осуществления «зеленой революции» невольно попадают в зависимость от развитых капиталистических стран, их рыночной системы. Этот процесс связан с тем, что развивающиеся страны не в состоянии производить нужную технику, удобрения, ядохимикаты, осуществлять в широких масштабах ирригацию земли. Поставляя технику, ядохимикаты и удобрения, капиталистические страны пытаются ис-

пользовать «зеленую революцию» для все большего вовлечения освободившихся стран в мировую систему капитализма.

Утверждению таких негативных явлений в экономике развивающихся стран способствуют и некоторые стороны деятельности Н. Борлауга. Он, например, выступает поборником неограниченного применения ядохимикатов в растениеводстве этих стран. Он считает, что нет убедительных свидетельств «того, что ДДТ действительно угрожает существованию каких-либо животных или приносит сколько-нибудь заметный вред человеку»⁶. С этих позиций он резко критикует всех, кто требует запрета или ограничения в использовании ДДТ и других пестицидов. «Эти люди, — говорит Н. Борлауг, — не задумываются о конечном результате своих действий, а ведь результатом может быть повальный голод или даже политический хаос в значительной части земного шара»⁷. Чтобы этого не произошло, развивающиеся страны должны широко использовать дорогостоящие ядохимикаты, как правило, американского производства. Экономике потребителей ядохимикатов при этом наносится существенный ущерб. Кроме того, загрязняется и окружающая среда этих стран. Такая позиция Н. Борлауга в вопросе о перспективах подъема экономики развивающихся стран, вопреки его субъективным добрым побуждениям, оказалась объективно соответствующей интересам американских монополий.

Негативные социальные следствия «зеленой революции» в развивающихся странах убеждают их трудящихся в необходимости срочных и радикальных изменений в обществе и показывают, что научно-технический прогресс немалым без коренного преобразования самих основ общественной жизни. Только радикальная ломка отжившей системы земледелия и землепользования, аграрная реформа, развитие промышленного производства, техническое оснащение сельского хозяйства могут направить достижения современной науки, в том числе биологии, на благо трудящихся. Осуществить программу таких преобразований развивающиеся страны могут только на пути социалистического развития, социалистической ориентации их экономики.

Мексиканские сорта пшеницы непригодны для наших климатических условий. Но на их основе могут быть созданы сорта для внедрения в наше сельскохозяйственное производство. При этом ожидать каких-то особых изменений в производстве зерна не приходится. По мнению академика П. П. Лукьяненко, из опыта «зеленой революции» может быть заимствован метод выведения сортов Н. Борлауга — «выращивание гибридов в двух резко различных по экологическим условиям районах, даже на разной высоте над уровнем моря. Возможно, что такое выращивание и способствовало бы получению сорта с широкой адаптацией, хотя не исключено, что это влияние генетической природы исходных материалов. Мы обязательно должны попробовать этот прием и использовать высокогорные районы для выращивания гибридов»⁸.

Опыт «зеленой революции» наглядно показал, какую пользу человечеству могут дать биологические исследования, если их применение не сдерживается отжившими социальными условиями. Но даже и там, где имеются препятствия для развертывания научного и технического прогресса, экономическая эффективность от использования биологического знания весьма высока. Так, внедрение мексиканских сортов пшеницы и сортов, полученных из генетического материала, созданного в Международном центре, дает среднегодовую прибавку зерна стоимостью 2 млрд. долларов⁹. Как видим, эффективность работы научного центра с небольшим штатом сотрудников (60 человек) весьма внушительная.

Для наиболее эффективного использования научных достижений в интересах человека нужны соответствующие социально-экономические условия. Эти условия создает только реальный социализм. Здесь достижения биологии, как и других наук, полностью используются для дальнейшего повышения благосостояния людей, улучшения их здоровья и среды обитания.

¹ Борлауг Н. Небывалые успехи селекции. — В сб.: Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979, с. 318.

² См.: Турбин Н. В. Биология и сельское хозяйство. — М., 1978, с. 52.

³ Правда, 1980. 26 октября.

⁴ Там же, 24 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Борлауг Н. Э. В защиту ДДТ и других пестицидов. — Курьер ЮНЕСКО, 1972, февраль, с. 11.

⁷ Там же, с. 12.

⁸ Лукьяненко П. Социальная почва изобилия.— В сб.: Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях современной науки, с. 327.

⁹ Турбин Н. В. Указ. работа, с. 56.

В. С. МИКСЮК

РОЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАДСТРОЙКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ (на примере Народной Республики Конго)

Развитие революционной антиимпериалистической борьбы в Африке привело к возникновению государств, взявших курс на строительство в перспективе социалистического общества. К числу таких стран относится и Народная Республика Конго (НРК).

Огромная роль в процессе формирования общества социалистической ориентации в НРК принадлежит идеологической надстройке. Задача перехода к социализму, минуя капитализм, требует преодоления старых традиций и предрассудков, избавления от неграмотности, унаследованной от колониализма, повышения уровня классового самосознания трудящихся, вооружения их пониманием смысла и направления социального развития, так как революции, «которая бы сразу могла победить и убедить, сразу заставить поверить в себя, такой революции нет»¹. Без идеологической работы партии невозможно организовать и мобилизовать массы на решение коренных задач строительства новой жизни, добиться, чтобы они видели цели своей борьбы и пути их достижения. Следует отметить, что в условиях этнической и языковой раздробленности, господства общинно-натурального крестьянского хозяйства, до сих пор не преодоленной политической инертности части населения идеология превращается в необходимый компонент экономической и культурной консолидации племен и народов.

Идеологическая надстройка конголезского общества формируется в соответствии с интересами и под непосредственным воздействием революционной демократии, сосредоточившей в своих руках государственную власть, пропагандистский аппарат, и потому располагающей всеми средствами духовного производства и внедрения своих идей в общественное сознание. Провозгласив строительство социалистического общества целью Конголезской партии труда, ее руководители объявили научный социализм официальной идеологией партии; они постоянно подчеркивают, что в своих теоретических воззрениях исходят из важнейших положений марксистско-ленинской теории. Выступая на III внеочередном съезде КПТ в марте 1979 года председатель ЦК КПТ и глава государства Д. Сассу-Нгессо заявил, что «в основе деятельности Конголезской партии труда, которая руководит общенародной борьбой за построение нового общества, лежат принципы марксизма-ленинизма»². Идеология научного социализма определяется интересами пролетарских и полупролетарских масс и объективно связана с государственным и кооперативным сектором экономики.

Главное в идеологической работе Конголезской партии труда — распространение и пропаганда марксистско-ленинских идей, борьба против общинно-трибалистской и буржуазной идеологии и на этой основе формирование у широких масс трудящихся научного, материалистического мировоззрения.

В идеологической работе Конголезская партия труда решает сейчас, по существу, задачу, поставленную В. И. Лениным перед коммунистами Востока: «перевести истинно коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа...»³. Теперь, в период формирования общества социалистической ориентации под руководством революционно-демократической партии, идеи научного социализма получают все большее распространение среди трудящихся масс, усваиваются ими прежде всего вследствие практических выводов, которые они делают из экономического и культурного развития страны. Этому способствует большая агитационно-пропагандистская работа КПТ, массовых общественных организаций, использование всех средств целенаправленного воздействия на членов общества, на общественную психологию.

Составной частью идеологической работы КПТ является пропаганда марксистско-ленинской теории в массах, воспитание трудящихся в духе социалистической идеологии. Основы научного социализма входят в программы учебных заведений, разъясняются в печати, по радио и т. д. В помощь изучающим марксизм-ленинизм в газете «Этумба» регулярно публикуются теоретические статьи по вопросам развития мирового революционного процесса, теории и практики социалистической ориентации, внутренней и внешней политики КПТ и конголезского государства, рассказы о жизни и деятельности основоположников научного коммунизма. В системе политического просвещения изучаются основы марксизма-ленинизма, исторический опыт КПСС и братских партий.

Важнейшую роль в распространении социалистических и антиимпериалистических идей в НРК играет правящая Конголезская партия труда и ее руководящее ядро. Вот почему последовательно революционные силы страны высоко оценивают деятельность и чтут память основателя партии Мариана Нгуаби, идейно-политическая зрелость которого явилась одной из важнейших предпосылок некапиталистического развития НРК.

КПТ уделяет большое внимание идейной закалке работников партийных и государственных органов, подбору и обучению руководящих кадров, воспитанию рабочего класса и трудящихся масс в духе социалистической идеологии и пролетарского интернационализма. В стране ведется большая политико-воспитательная работа, направленная на укрепление идей дружбы и сотрудничества, на борьбу с межплеменной враждой и идеологией неокOLONиализма. Например, в 1965 году правительство республики приняло постановление ежегодно 19 июня отмечать как государственный общенациональный «День конголезской дружбы». Годовщина революции, 13 августа, также является национальным праздником и используется руководителями государства для воспитания чувства патриотизма и национального самосознания.

Непосредственное общение партийных и государственных деятелей республики с населением и пропагандистская работа среди широких народных масс также способствуют углублению связей КПТ с массами, укреплению позиций революционно-демократических властей. В речах и выступлениях руководителей страны разъясняется национальная политика партии и сущность революционного движения в стране, разоблачается реакционная роль трибалистских тенденций, ослабляющих единство и осложняющих взаимопонимание между народами страны.

Большую роль в пропаганде среди населения идей марксизма-ленинизма, в борьбе против этнических и религиозных предрассудков играет периодическая печать, радио. Газета «Этумба» пропагандирует идеи научного социализма, разъясняет трудящимся массам внутреннюю и внешнюю политику КПТ и конголезского государства, борется против пережитков в сознании населения, призывает к объединению всех патристических сил вокруг партии, разоблачает реакционную роль племенных вождей и бюрократической буржуазии.

Важную агитационную работу среди крестьян ведут студенческие отряды, школьники старших классов, учителя и служащие. Они читают лекции по важнейшим проблемам некапиталистического развития страны, рассказывают о делах и целях Конголезской партии труда. Их работа играет важную роль в пробуждении политического сознания народных масс, в формировании материалистического представления о мире и обществе. Участники кампании организуют общеобразовательные курсы для тружеников полей, оказывают медицинскую помощь, помогают строить школьные здания, медпункты, дороги, колодцы.

Борьба революционной демократии Конго за усиление влияния идей научного социализма сочетается с активной борьбой против влияния буржуазной идеологии. Как заявил Д. Сассу-Нгессо в речи на торжественном заседании в Кремле, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Конголезская партия труда, высоко неся знамя трудового народа, борясь за повышение его материального уровня и разъясняя массам идеи марксизма-ленинизма, решительно противодействует антикоммунистическим кампаниям, инспирируемым гигантской империалистической пропаганды»⁴. КПТ взяла под свой контроль среднее и высшее образование, все органы информации, прокат кинофильмов.

Преодолевая экспансионистские устремления империализма и неокOLONиализма в области идеологии, КПТ разоблачает антисоветизм, делает все возможное для укрепления связей с КПСС и другими марксистско-ле-

нинскими партиями. В мае 1981 года во время визита в Советский Союз Председателя ЦК КПТ, президента НРК, главы государства Д. Сассу-Нгессо был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРК. Говоря о значении этого договора, товарищ Л. И. Брежнев отмечал, что он «несомненно, послужит тому, чтобы традиционно дружественные советско-конголезские отношения поднялись на еще более высокую ступень. Он станет также фактором, содействующим увеличению международного веса молодой независимой Африки в нашем сложном и противоречивом мире»⁵.

Идеологическая надстройка конголезского общества формируется в тесной связи с практическими задачами революционной борьбы Конголезской партии труда за подлинное национальное освобождение, за построение общества нового типа. Деятельность идеологической надстройки направлена на пропаганду научных знаний среди населения, социалистическую переориентацию его сознания, идеологическое обеспечение условий для реализации назревших задач некапиталистического развития страны. Идеология научного социализма играет активную роль в формировании общества социалистической ориентации, опережая в известном смысле уровень общественного бытия. Опыт развития НРК еще раз подтверждает вывод о том, что «сегодня в развивающихся странах незрелым экономическим отношениям могут соответствовать и передовые теории»⁶. Носителями этих прогрессивных идей выступают рабочий класс и другие слои трудящихся, их авангард — Конголезская партия труда, под руководством которой создаются условия для перехода в перспективе к новым, антисоциальным, коллективистским общественным отношениям.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 228.

² Правда, 1979, 29 марта.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

⁴ Приветствия Коммунистической партии Советского Союза в связи с шестидесятилетием Великого Октября. — М., 1978. с. 425.

⁵ Визит Дени Сассу-Нгессо в Советский Союз, 12—17 мая 1981 г.: Документы и материалы. — М., 1981, с. 11.

⁶ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. — М., 1974, с. 383.

А. М. БАЙЧОРОВ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Крах колониальной системы империализма в 70-е годы не означал автоматического исчезновения его колониальной политики. Взаимоотношения между развитыми капиталистическими странами, транснациональными монополиями, с одной стороны, и бывшими колониями и полуколониями, с другой, получили название неоколониализма.

Марксистско-ленинская теория общественного развития научно доказала и социальная практика подтвердила тот непреложный факт, что только освобождение от классового угнетения и эксплуатации может стать условием для устранения национального гнета. Вместе с антагонизмом классов падет антагонизм наций. Исследование проблем неоколониализма всегда должно учитывать эту внутреннюю закономерную связь. Только классовый подход позволяет правильно охарактеризовать сущность современного неоколониализма, вскрыть его причины и пути преодоления.

Империализм пытается приспособиться к меняющимся историческим условиям. Изыскивает новые формы и методы борьбы против главных революционных сил современности. При многонациональной, многорасовой структуре человеческого общества в условиях подъема национально-освободительного движения, вызвавшего появление на международной арене за последние 20—30 лет около ста новых, молодых, развивающихся государств, неоколониализм превратился в одно из главных орудий борьбы империализма против мирового революционного процесса.

Тщательное изучение современной политики империалистических государств по отношению к развивающимся странам показывает, что неоколониализм не может быть подвергнут адекватному анализу и оценке сам по себе. Всякий процесс, тенденция, социальная закономерность, развивающиеся в соответствии с основными законами диалектики, представляют

единство противоположностей и, в свою очередь, являются частью более масштабной системы, где они могут быть рассмотрены как одна из сторон (противоположностей) более широкой общности. Так и современный неокOLONIALИЗМ мы беремся анализировать не как самодовлеющую сущность, а как один из важных аспектов глобальной политики империализма, развивающийся в связи и противоборстве с современным национально-освободительным движением. Краткосрочные цели, структура и эволюция неокOLONIALИЗМА детерминированы как внутренними процессами империалистических государств, так и формой сопротивления объекта, на который он направлен, т. е. антиимпериалистической деятельностью развивающихся стран в области экономики, политики и культуры.

Глобальной целью неокOLONIALИЗМА на современном этапе является сохранение молодых освободившихся государств в системе мирового капиталистического хозяйства. В советской научной литературе достаточно глубоко исследованы экономические механизмы закабаления и эксплуатации развивающихся стран национальным и международным монополистическим капиталом. Культурные и политические аспекты неокOLONIALИЗМА раскрыты менее полно.

Культура каждого народа — явление уникальное. Не может быть плохой или хорошей культуры, не может быть культуры лучше или хуже. Эстетическое отношение человека к миру является универсальным. Оно занимает одинаковое по рангу место между отношением практическим (утилитарным), порождением которого является мир вещей, техника, и теоретическим, порождением которого является наука. Эстетическое отношение человека воплощается в искусстве.

В условиях современной НТР, итогом которой будет полное вытеснение человека из производственного процесса как его непосредственного агента, происходит постепенное сближение не только науки и техники (что давно констатировано), но также науки, техники, политики, культуры. Искусство, образование, другие компоненты культуры (термин «культура» используется автором в данной статье исключительно как синоним термина «духовная культура») получают невиданные ранее возможности для реализации эстетического отношения человека к миру. В свою очередь, практическое и теоретическое отношения оказываются гораздо более результативными, когда строятся на базе развитой культуры — культуры инженерной мысли, политической культуры, культуры межличностных отношений. Вспомним известное изречение лауреата Нобелевской премии математика Дирака, что каждое правильное математическое уравнение по-своему красиво.

Констатация закономерной растущей консолидации различных сфер самореализации человеческой личности необходима нам для того, чтобы доказать, что современный неокOLONIALИЗМ тем, в частности, и отличается от классического колониализма, что не оставляет в стороне сферу культуры и политики. Экономическая экспансия в развивающиеся страны идет сегодня бок о бок с экспансией политической, информационной, культурной. И если раньше основной фронт противостояния колонии и метрополии проходил в сфере экономики, лишь в конце эпохи колониализма перерастая в политическую борьбу, то сегодня глобальная конфронтация между империалистическими и освободившимися странами пронизывает все сферы общественной жизни.

Причем, если в экономической сфере верх берет более передовая западная технология, то в сфере политики и культуры положение более сложное. Политическая и культурная экспансия в развивающиеся страны идет не только потому, что этого желают транснациональные монополии и послушные им лидеры империалистических государств, но также в силу объективной, закономерной, укрепляющейся связи между наукой, культурой, политикой и производством. Массовая инфильтрация товаров, технологий в освободившиеся страны объективно сопряжена с наплывом политических символов, имиджей, товаров «массовой культуры» империализма. В последнем случае эта экспансия встречает сопротивление как политических структур развивающихся стран, так и многовековых культурных традиций.

Как уже отмечалось, в отличие от техники культура не может быть хуже или лучше. Современные пропашные тракторы К-700, безусловно, лучше мотыги некоторых племен современной Африки. Но кто возмется сказать, что современный танец передовой в техническом отношении нации лучше, красивее, чем танец народа, пользующегося первобытной мо-

тыгой. Таким образом, культурной экспансии неокOLONиализма противостоит не только политика в области культуры некоторых освободившихся государств, но и уникальность, самоданность самой культурной традиции страны. Культура каждого народа в гораздо большей степени закрытая система, чем его экономика. Экономические связи закреплены на уровне общественного бытия и потому быстрее поддаются изменению, чем культурные традиции, санкционируемые также на уровне общественного сознания. Как известно, значительные структуры общественного сознания могут сохраняться продолжительное историческое время после того, как устранены некогда породившие их структуры общественного бытия.

Неабсорбируемость, упругость культуры развивающихся стран перед лицом неокOLONиалистской экспансии усиливается, поддерживается также тем обстоятельством, что зачастую в основе сталкивающихся культур лежат разные принципы эстетического освоения мира. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что греко-европейская культура базируется главным образом на принципе рационального, объективированного миротражения, а культурные традиции многих освободившихся государств Африки и Азии опираются на принцип интуитивного, мистического, сопереживаемого освоения действительности. Один из основополагающих принципов индуистской религии — принцип кармы — состоит, например, в том, что действительное знание может быть получено человеком не через изучение окружающей действительности, а через приобщение души индивида к мировой душе, достигаемое посредством йоги. Такая разнофундированность и, соответственно, разнореализуемость культур субъекта и объекта неокOLONиалистского отношения объясняет тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что в некоторых странах «третьего мира» сосуществуют в достаточно развитых масштабах завезенная культура Запада и традиционная культура Востока.

Если в культурном противостоянии неокOLONиализму значительную роль играют уникальные культурные традиции бывших колоний и полуколоний, то в политическом противостоянии такую роль выполняет новый тип политических отношений, рожденный реальным социализмом. Вынужденные предоставить независимость колониальным странам империалистические государства постарались навязать им политические структуры, характерные для развитого капитализма. Причем, как правило, бывшая колония должна была копировать систему «репрезентативной демократии» своей метрополии. В бывших французских колониях вводился однопалатный парламент (который и назывался зачастую «Национальное собрание» по типу парижского) и президентская форма правления; в бывших английских колониях копировалось государственное устройство Великобритании.

Практика последующих лет показала, что демократические политические учреждения (даже ограниченно-буржуазного толка) не могут быть навязаны извне. Они являются плодом многолетней политической, классовой борьбы. В Англии, Франции, США они буквально выстраданы трудовым народом в жестоких классовых схватках с капиталом и реально широко работают лишь там, где существует сильное движение в защиту демократических прав и свобод. Опыт многочисленных политических переворотов в «третьем мире» доказывает, что не имеющие глубоких политических традиций, раздираемые трайбализмом многие освободившиеся страны и народы не могут понять и освоить навязываемые им чуждые политические формы.

Сегодня перед лицом нарастающей политической экспансии неокOLONиализма страны третьего мира решают много сложных задач, пытаются, с одной стороны, сформировать устойчивые политические структуры, близкие и понятные народу, а с другой, осуществить эффективное противостояние политическому проникновению со стороны империалистических государств. И в том и в другом случае лидеры освободившихся стран вынуждены обращаться к политическому опыту социалистических государств. В современном мире у освободившихся стран нет выбора: если они хотят существовать в качестве самостоятельных политических единиц, они должны противостоять неокOLONиалистской экспансии, должны черпать опыт такого противостояния в странах социалистического содружества.

Перед лицом изменения соотношения сил на международной арене, превращения мировой системы социализма в решающий фактор развития человеческого общества лидеры империалистических государств все чаще ставят политические цели выше экономических. В этом смещении акцен-

тов проявляется объективная закономерность развития современного высокоспециализированного народного хозяйства в условиях классового общества, когда, по выражению В. И. Ленина, «политика не может не иметь первенства над экономикой»¹.

В. И. Ленин доказал (и историческая практика это неоднократно подтвердила), что перед лицом надвигающейся революции и растущей угрозы коренным классовым интересам буржуазия готова в экстремальной ситуации пойти на значительные траты, экономические уступки с тем, чтобы удержать в своих руках главное — политическую власть в стране. Успехи революционных сил на современном этапе общего кризиса капитализма создали такое положение, когда правящие круги империалистических государств высказывают растущие опасения за политические позиции монополистического капитала. В своем последнем обращении к стране (переданном 14 января 1981 года ведущими телекомпаниями США) президент Дж. Картер прямо заявил, что главной заботой его правительства и будущей республиканской администрации было и будет «сохранение нашей политической системы».

Все чаще и чаще политика империалистических государств в отношении развивающихся стран определяется не сиюминутными прибылями, а долгосрочными перспективами эксплуатации лучше обученной и более квалифицированной рабочей силы, которая, как уже доказано экономистами, приносит большую прибыль. Эта тенденция особенно явно обозначилась, когда субъектом неокOLONиализма начали выступать транснациональные корпорации — мощные финансовые объединения, способные пойти на значительные первоначальные издержки, имея в виду будущие крупные прибыли.

Империализм пытается создать в странах «третьего мира» некую буферную зону, определенную социально-классовую прослойку, которая первая приняла бы на себя удары национально-освободительного движения. Этой цели служит и концепция «мирной регулируемой революции», навязываемая идеологами монополистической буржуазии стран Латинской Америки²; реформа системы апартеида в Южно-Африканской республике, объявленная 30 октября 1980 года министром кооперации и развития расистского правительства Пайетом Курнхофом, направленная на создание «черной буржуазии» и «черной рабочей аристократии»³; и многие другие подобные мероприятия. Кроме деятельности по созданию более или менее массовой, буферной социальной прослойки, через которую в общественное сознание внедрялись бы идеи, ориентации, выгодные неокOLONиализму, международный монополистический капитал ведет большую работу по воспитанию послушных правящих элит, способных эффективно влиять на государственную политику освободившихся стран.

Для решения этих взаимосвязанных задач сегодня резко усиливается активное политическое и культурное проникновение в страны «третьего мира». Здесь используется и неразвитость (подчас полное отсутствие) информационной инфраструктуры, и языковая близость местной интеллигенции западным странам, и политика товаро-символов, несущая определенный классово-ориентированный набор социальных идеалов, имиджей, моделей поведения. Сегодня, как и в прошлом, двумя основными методами неокOLONиализма являются метод маневрирования и метод насилия, подавления, грубого экономического или политического диктата.

Анализ деятельности империалистических кругов в «третьем мире», позиции западных государств на международной арене в отношении развивающихся стран показывает, что проблемы политического контроля выдвигаются сегодня на первый план в глобальной стратегии неокOLONиализма. Они имеют тенденцию подчинить себе и экономические мероприятия, и широкую информационно-культурную экспансию, которые осуществляются империализмом в зоне национально-освободительного движения. Поэтому раскрытие социально-классовой роли политического и культурного аспектов современного неокOLONиализма, выявление механизмов проникновения буржуазной идеологии и психологии в общественное сознание развивающихся стран является одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед исследователями-марксистами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

² Матлина А. А. Критика концепции «мирной регулируемой революции» для Латинской Америки. — М., 1971.

³ Africa Research Bulletin, 1980, vol. 17, № 10, p. 5826.

В. Д. СТАНИШЕВСКИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ ПЛАНОВЫХ ЦЕН В ЭКОНОМИКЕ СССР ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Плановая цена как экономическая категория социализма сложилась не сразу. Для ее становления понадобился не только значительный период времени, но и интенсивные меры Советского государства. Так, в экономике переходного периода до 1925/1926 года не было даже планового задания по снижению себестоимости промышленной продукции. Поэтому не могло быть и планирования отпускных цен на товары государственной промышленности, этого основного звена ценообразующего механизма.

Цена как форма производственных отношений развивается. Это закономерное явление для переходного периода в любой стране, создающей коммунистический способ производства. Предпосылкой планирования цен является их регулирование, выступающее в разных формах. Формы регулирования цен обнаруживают себя в создании и использовании экономических условий, с помощью которых социалистическое государство воздействует на цены.

В переходный период становлению экономических отношений как внутри обобществленного, так и между обобществленным и частным секторами народного хозяйства способствовали следующие формы регулирования цен: государственная монополия на средства производства и планомерное производство товаров народного потребления, товарные фонды; обеспечение устойчивости денежного обращения; монополия внешней торговли; тарифы на средства транспорта и связи; использование натуральных и денежных налогов.

Определяя формы регулирования цен, необходимо отметить, что регулируемая цена не плановая, так же как регулирование не есть еще планирование цен. Необходимость и возможность регулирования цен осуществляется и в капиталистическом хозяйстве, в то время как эффективное планирование и категория «плановая цена» являются существенным признаком только планового социалистического, или переходного к нему, хозяйства. Разумеется, плановая цена предполагает и регулирование, ибо без него планирование цен невозможно. В СССР государственное регулирование начало осуществляться с осени 1918 года, когда был образован Комитет цен при ВСНХ. Затем, в подписанном В. И. Лениным Декрете от 21 ноября 1918 года «Об организации снабжения», на этот Комитет было возложено регулирование фабричных, оптовых и розничных цен. Можно сказать, что ленинский Декрет заложил основы планового ценообразования в нашей стране. Регулирование цен продукции, изготовленной различными товаропроизводителями, секторами народного хозяйства постепенно трансформировалось в планирование не только общего уровня цен, но и уровня цен групп товаров, а также отдельных их видов на всех ступенях товаропроводящей цепи. Тем самым регулируемая цена трансформировалась в плановую.

В регулировании цен для социалистического строительства огромную роль сыграли синдикаты и потребительская кооперация. До образования синдикатов государственные предприятия выступали на рынке самостоятельно. Создание в 1922 году синдикатов внесло организованность в сбыт товаров государственной промышленности. Система синдикатов

представляла собой такой способ организации товаропроизводящего механизма, через который государство оказывало эффективное регулирующее влияние на цены, а в связи с этим и на весь рынок. Это была основа регулирующего и планового начала в товарообороте. Рассредоточивая промышленную продукцию по всей стране, синдикаты способствовали децентрализации сбыта и развитию всей товаропроизводящей сети. Через синдикаты государство диктовало частной торговле уровень цен, объем завожимых товаров в особо нуждающиеся районы.

Наряду с синдикатами важную роль в регулировании цен играла потребительская кооперация. Она выступала как массовая организация по овладению розничной торговлей. «Кооперативным организациям, — отмечалось на XIII конференции, — принадлежит преимущественная роль в организации торговли, особенно розничной». Кооперативные организации должны стать «действительным орудием вытеснения частного капитала»¹. Уже в 1924/1925 году сельскохозяйственные кооперативы продавали промышленные товары по ценам, которые были ниже рыночных на 11—14 %. Это ограничивало накопления частного капитала, тормозило его развитие. В 1927/1928 году цены государственных организаций и кооперации были уже на 33 % ниже цен частных торговцев. Такое движение цен определяло высокие темпы вытеснения частного капитала из сферы товарооборота.

Синдикаты и потребительская кооперация, являясь способом организации определенных экономических отношений в экономике переходного периода, использовали разнообразные методы регулирования цен. Один из них — **генеральные договоры**, заключаемые Центросоюзом с промышленностью, переход к которым происходил в 1924/1925 году. Практика использования генеральных договоров быстро прогрессировала. Так, если в 1925/1926 году система потребкооперации Белоруссии получила по ним 30,7 % общего поступления товаров, то в 1927/1928 году — 96,1 %². Это были прямые договоры, которыми определялись цены товаров государственной промышленности, а также сроки их поставок и другие условия получения товаров кооперацией. Такое прямое определение цен способствовало вытеснению из сельской торговли нэпманов, которые, продавая промышленные товары по высоким ценам, ослабляли экономическую связь рабочего класса и крестьянства. Система генеральных договоров являлась важным средством регулирования рынка. Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз) в докладе Госплану СССР о практике генеральных договоров отмечал, что обеспечение плано-регулирующих начал обуславливается тем, что генеральные головные договоры для промышленности дают возможность строить производственную программу на год вперед с обеспечением сбыта в полном размере производства. Плано-регулирующее воздействие Сельскосоюза на работу системы сельскохозяйственной кооперации обеспечивалось тем, что он, располагая определенными товарными фондами, учитывал размеры и особенности спроса каждого района, связь между потребностями рынка и производственными планами промышленности, пути и технику продвижения товаров, технику расчетов. Все это позволяло обоснованно воздействовать на цены. Сокращение издержек обращения, обеспечиваемое системой генеральных договоров, снижало стоимость товаров, давая известную экономию средств в народнохозяйственном масштабе, улучшало обслуживание городского и сельского рынков. Так, если в 1922/1923 году уровень торговых расходов в синдикатах составлял: в текстильном — 16,6 %, в швейном — 14, в продсилкате — 14 % к обороту, то к 1924/1925 году торговые расходы в среднем по всем синдикатам снизились до 4,16, а в 1925/1926 — до 3,55 %³. Генеральные договоры направляли торговлю по плано-регулируемому пути, сокращая возможность воздействия высоких цен частной торговли. Они ограничивали стихийное проявление закона стоимости, поскольку предусматривали условия как получения товаров кооперацией, так и их сбыт, причем количество и ассортимент товаров учитывались предварительно. Генеральные договоры являлись своеобразной формой проявления закона планомерного развития народного хозяйства в экономике страны. Использование же закона стоимости заключалось в регулировании и установлении цен товаров для кооперации и для населения. Постановлением Совета Труда и Оборона от 3 июля 1929 года система генеральных договоров была введена повсеместно, причем договоры с промышленностью заключали не только кооперация, но и государственная торговля. Тем самым в сфере

обращения еще больше ограничивалась стихийность проявления закона стоимости.

Практика предварительных заказов торгующих организаций промышленности осуществлялась в виде заявок на основании изучения потребностей рынка в товарах. Предварительные заказы способствовали установлению тесной связи промышленности с рынком. Так, текстильный синдикат отмечал в 1928 году, что своевременный переход на систему предварительных заказов должен обеспечить установление надлежащей увязки между потребностями рынка и производственными возможностями промышленности. Предварительные заказы усиливали также воздействие государства на цены частной торговли, были одним из конкретных методов регулирования цен на рынке, ограничивали сферу стихийного проявления закона стоимости.

Важным методом регулирования цен было их **нормирование**, т. е. установление твердых розничных цен на товары, продававшиеся мелким торговцам — «прасолам». Оно было введено постановлением Пленума ЦК ВКП(б) в апреле 1924 года. В частности, предельные (директивные) цены устанавливались на товары, фактически составляющие государственную монополию (керосин, соль, спички и т. д.)⁴.

К 1924 году относится внедрение своеобразного метода регулирования — **этикетные цены**. Они устанавливались на товары, перевозка которых не была связана с большими издержками, а характер упаковки позволял оклеивать их этикетками с указанием цен. Это были твердые конечные цены, их превышение каралось законом. В течение 1924 года этикетные цены были установлены на махорку, спички, чай. Сферу товаров, продававшихся по этикетным ценам, государство неоднократно расширяло.

Характерными для переходного периода были и **конвенционные цены**. Этот метод состоял в заключении соглашений (конвенций), к участию в которых привлекались розничные торговцы. В конвенции оговаривалась цена, по которой участники обязывались осуществлять реализацию товаров. Она и была конвенционной ценой.

Помимо прямых методов регулирования цен применялись и косвенные. Среди них можно назвать товарную интервенцию — маневрирование имевшимися в распоряжении государства товарными фондами. Этот метод применялся в случаях, когда частные торговцы необычайно взвинчивали цены, используя нехватку товаров в некоторых районах. В таких случаях государственные органы направляли в эти районы достаточное количество товаров, что вело к снижению цен. Метод товарной интервенции применялся с 1924 года в основном за счет внутренних государственных ресурсов и лишь частично за счет ввоза товаров из-за границы.

Косвенным методом регулирования цен являлись также планы завоза. Было организовано изучение спроса и на основании сведений о потребности отдельных районов в товарах составлялись планы завоза. Эта форма была довольно эффективной, так как лишала частную торговлю экономической основы для спекулятивного роста цен — товарного дефицита.

Регулирование цен осуществлялось и через товарные биржи, возникновение которых относится к 1922 году. В Белоруссии, например, функционировали три такие биржи — в Минске, Витебске и Гомеле. Их обороты в 1925/1926 году достигли 121 млн. руб.⁵ Организация бирж преследовала цели выявлять отношение спроса к предложению, облегчать и упорядочивать как товарообмен, так и связанные с ним товарные и торговые операции. СТО установил обязательную регистрацию на бирже всех внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений. Этим занимались особые регистрационные бюро бирж. Бюро играли роль органов государственного учета, контроля и надзора, учитывая и анализируя все внебиржевые сделки обобщественной торговли.

Через товарные биржи осуществлялось регулирование и частной торговли. Это достигалось привлечением частных торговцев в биржи в качестве их полноправных членов. На некоторых биржах были образованы секции частной торговли с целью вовлечения товаров частных торговцев в биржевой оборот под контролем государства. Тем самым подрывалась деятельность так называемых «черных бирж». Процветавшая там спекуляция затрудняла государственное регулирование рыночных цен. В самой бирже частный капитал не мог обеспечить себе ведущую роль, ибо обо-

рот частной торговли в общем биржевом товарообороте был невелик: по продаже примерно 4,5, по покупке—8,7 % (1924/1925 год)⁶.

Контроль за деятельностью частных торговцев осуществлялся также через созданные при крупных биржах статистико-экономические отделы, которые постоянно информировали госорганы о ходе дел частной торговли. Свою важнейшую задачу по регулированию товарных цен биржи решали через учрежденные при них котировальные комиссии. Эти комиссии, имея сведения о ценах на товары в различных секторах торговли, устанавливали так называемую котировальную цену. Котировальная цена и цены, по которым заключались сделки, широко рекламировались. Рыночные цены тяготели к биржевым, а биржевые—к государственным. Биржи решали и другие практические вопросы регулирования рынка: устанавливали нормальные (котировальные) цены на основе учета хода заготовок товаров и их цен; изучали состояние спроса и предложения по биржевым и межбиржевым данным; проводили в жизнь общие директивы государственных регулирующих органов.

В переходный период применялись и такие методы, как «бойкот» на известный срок отдельных торговцев. Этот метод применялся к тем, кто выступал против снижения цен, ухудшал качество товаров. Методом регулирования можно назвать публикацию Наркоматом внутренней торговли в газетах розничных цен на более важные товары; принуждение всех городских торговцев вывешивать в местах продажи как свои цены на все товары, так и таблицы цен, опубликованные в газетах; привлечение спекулянтов к уголовной ответственности⁷.

С 1928/1929 года стал также применяться метод контрактиции. Его цель—вытеснение частного капитала и овладение хлебным рынком. В контрактах кооперативов крестьян содержались обязательства по объему, качеству и ценам продаваемой государству продукции, обязательства государства по снабжению крестьян промтоварами по твердым ценам, кредитом и т. д. Метод контрактиции подрывал основы спекулятивной торговли кулаков и частных перекупщиков. Он сыграл большую роль в проведении советской политики цен на рынке сельскохозяйственных товаров.

Для осуществления возможности непосредственного установления цен на товары были созданы соответствующие системы организации экономических отношений и органы ценообразования: синдикаты, потребительская кооперация, Комитет цен при ВСНХ, ячейки по установлению твердых цен в отраслевых ВСНХ, главках и центрах, Комиссии по ценам при областных бюро ВСНХ и их уполномоченных в Советских республиках. Это позволило выработать конкретные методы регулирования цен, что дало возможность Советскому государству в дальнейшем перейти к планомерному управлению процессами ценообразования.

¹ КПСС в резолюциях.— М., 1970, ч. 1, с. 794—795.

² См.: Контрольные цифры народного хозяйства и культуры БССР на 1928/1929 г.— Минск, 1929, с. 71—77.

³ См.: Внутренняя торговля СССР за X лет.— М., 1928, с. 217.

⁴ См.: Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам.— М., 1931, с. 157.

⁵ См.: Социально-экономические преобразования в БССР за годы Советской власти.— Минск, 1970, с. 329.

⁶ См.: Шмидт А. К. Организация и практика биржевой торговли в СССР.— М., 1927, с. 138.

⁷ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1957, с. 453—454.

Н. В. КУИШ

БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК СФЕРА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОТРАСЛЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Предприятия службы быта оказывают населению материальные и нематериальные услуги. К материальным относятся такие услуги, как изготовление по заказу одежды, обуви, мебели, восстановление предметов бытовой техники и домашнего обихода, ремонт квартир, средств индивидуального транспорта, химическая чистка одежды, стирка белья и другие.

Характер и результаты оказания этих услуг на предприятиях бытового обслуживания фактически тождественны характеру и результатам производства продукции на промышленных предприятиях. Услуги, не имеющие материальной формы, имеют значительно меньший удельный вес. К ним можно отнести услуги прокатных пунктов, парикмахерских, бань и некоторые другие.

Бытовая услуга является конкретной формой проявления услуги как экономической категории и имеет двойное значение: обслуживания, эквивалентном чего является производственная деятельность как процесс; и полезного эффекта деятельности, эквивалентом чего является продукт — результат конкретного полезного действия. Указывая на это, К. Маркс писал: «Услуга — есть вообще лишь [способ] выражения для особой потребительной стоимости труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность»¹.

Услуга носит индивидуальный характер, ибо сказывается конкретно-му лицу как потребителю. Она производится в расчете на уже известный контингент потребителей (парикмахеру, портному нельзя осуществить исполнение заказа, если нет заказчика). В широком смысле слова «услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости — товара ли, труда ли»².

Главным фактором всего многообразия как материальных, так и нематериальных благ выступает живой труд, а люди как носители этого труда вступают между собой в производственные отношения. Труд в материальной и нематериальной сферах в условиях его общественного разделения объективно и неизбежно принимает форму трудовой кооперации.

В марксистской политической экономии среди концепций производительного труда выделяются две. Согласно первой концепции производительным, создающим национальный доход, является труд только в производственной сфере. Он принимает непосредственное участие в изготовлении вещей товарной массы. Труд в сфере услуг (а она считается непроизводственной) не признается источником национального дохода и рассматривается только как фактор его перераспределения. Согласно второй концепции признаются производительными все виды общественно-необходимых затрат труда в народном хозяйстве. Здесь сфера обслуживания рассматривается как органическая часть общественного хозяйства, выступающая прямым источником национального дохода наряду с материально-вещным производством.

Сторонники исключения из совокупного продукта общественного производства всей массы потребительных стоимостей, представленных услугами и нематериальными благами, ссылаются на К. Маркса, который выделял сферу материального производства, оставляя в тени сферы услуг и нематериального производства. Однако К. Маркс анализировал общество, в котором работники сферы услуг и нематериального производства обслуживали в основном класс капиталистов. Вся эта группа лиц, обслуживающих капиталистов, не создавала услуг для удовлетворения потребностей главной производительной силы — рабочего класса.

Участвуя в формировании уровня удовлетворения потребностей общества, услуги составляют важный элемент жизненных средств населения. Поэтому реально существует проблема производства и распределения услуг, их учета и планирования. Чтобы производство услуг развивалось в масштабе отрасли или отраслей народного хозяйства, необходима известная степень развития потребностей, при которой последние становятся действительно общественными, а сами услуги — общественными потребительными стоимостями. В условиях развитого социализма созревают эти условия. Для определения уровня жизни трудящихся важно в числе других показателей учитывать и объем потребляемых услуг.

Становление бытового обслуживания в нашей стране как самостоятельной отрасли народного хозяйства можно отнести к 1961 году, когда были созданы управления и главные управления бытового обслуживания населения, а спустя четыре года и республиканские министерства бытового обслуживания населения. Тем самым была создана организационная основа для концентрации производства бытовых услуг, перевода их на индустриальную базу.

Главное социальное назначение бытового обслуживания заключается в сокращении домашнего труда и увеличении свободного времени трудящихся. Помимо этого, социальные функции бытового обслуживания состоят в том, что оно создает предпосылки для ликвидации исторически сло-

жившихся различий в уровнях бытовых услуг городских и сельских жителей. Возрастающее значение службы быта обусловлено как ростом доходов советских людей, так и необходимостью более полного удовлетворения их потребностей в услугах.

Очевидно, что постепенная замена домашнего ручного труда различными видами общественного обслуживания имеет огромную социальную важность. На это в свое время указывал В. И. Ленин: «...Настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, **массовая перестройка** его в крупное социалистическое хозяйство»³. Владимир Ильич считал, что домашнее хозяйство расхищает «...труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею»⁴ и видел основной путь развития услуг в их обобществлении. Перестройка мелкого домашнего хозяйства, которую В. И. Ленин связывал с «настоящим коммунизмом», еще не завершена. Но она достигла уже той стадии, когда по мере развития общественного производства и разделения труда появились условия для создания и развития самостоятельной отрасли народного хозяйства — бытового обслуживания населения.

В настоящее время бытовые услуги населению оказывают предприятия крупной механизированной отрасли народного хозяйства, в большинстве своем хорошо оснащенные современным оборудованием. Они оказывают трудящимся свыше 700 видов услуг. В развитие службы быта вложены миллиарды рублей. В этой отрасли насчитывается свыше 265,8 тыс. предприятий, ателье, мастерских и огромная сеть приемных пунктов, в которые ежедневно за различными бытовыми услугами обращается свыше 13 млн. человек. 140 заводов машиностроительных и других министерств заняты изготовлением для службы быта оборудования, приборов и инструментов. Отдельные виды машин поставляются странами-членами СЭВ⁵.

Выделение из общей совокупности общественного производства отдельных отраслей в качестве самостоятельных определяется наличием специфических технико-экономических признаков. Основными здесь являются такие признаки: однородность экономического назначения производственной продукции, однородность потребляемых материалов и сырья, общность материально-технической базы, в т. ч. применяемых технологических процессов, специфика профессионального состава кадров и условий труда. Эти основные признаки с учетом специфических особенностей могут быть использованы и для характеристики бытового обслуживания как отрасли.

Однородность предприятий службы быта состоит в том, что они представляют собой производственно-техническую и экономическую единицу народного хозяйства. Они заняты не оказанием услуг вообще, а именно бытовых услуг по индивидуальным заказам населения. Но в то же время эти услуги по видам очень разнообразны, в этом находит свое проявление частичное и единичное различие труда. Единство экономического назначения деятельности проявляется и в формах обслуживания, выступающих как общественно организованная система предоставления бытовых услуг конкретному потребителю. Предприятия по отраслевым группам услуг (ремонт и индпошив обуви, химчистка и крашение одежды и др.) применяют в своей деятельности однородные материалы и сырье. Предприятия бытового обслуживания объединяются в отраслевые группы по применяемым машинам, приспособлениям, аппаратам, а также по технологическим процессам. В производственных объединениях и специализированных предприятиях, оснащенных, как правило, однородными современными машинами и оборудованием, применяются единые прогрессивные технологические процессы (использование конвейеров при ремонте обуви, разделение видов ремонта на крупный, средний, мелкий, применение бригадного метода при оказании услуг по индпошиву одежды и др.).

Что касается специфики профессионального состава кадров и условий труда, то этот признак выделяется в этой отрасли в связи с тем, что ее работники в своем труде ориентируются не на усредненного потребителя, как, скажем, в легкой промышленности, а на конкретного заказчика с учетом его индивидуальных запросов и требований. Это накладывает определенные особенности на характер подготовки кадров для данной отрасли. Кроме того, исполнитель бытовой услуги вступает в непосредственный контакт с заказчиком, что также определяет специфичность его труда.

В последнее время подготовка специалистов массовых профессий для бытового обслуживания значительно увеличилась. Расширяется сеть высших учебных заведений, техникумов, профессионально-технических училищ и учебно-производственных комбинатов, которые готовят специалистов и рабочих для службы быта.

Рассмотрение бытового обслуживания с позиции основных признаков, определяющих самостоятельность отрасли, позволяет утверждать, что служба быта представляет собой совокупность однородных по отраслевым группам предприятий, функционирующих на принципах хозрасчета, выступающих как общественно организованные способы и формы восстановления и изготовления потребительных стоимостей и непосредственного обслуживания человека (чистые услуги), имеющих единство экономического назначения деятельности по оказанию материальных или нематериальных бытовых услуг, однородную для этих групп предприятий производственно-техническую базу, специфичные для данной отрасли состав кадров и условия труда.

Выделение бытового обслуживания в самостоятельную отрасль вызывается не только уровнем личных потребностей и необходимостью их удовлетворения, но и тем, что в условиях развитого социализма они выступают уже как потребность всего общественного организма. Это выделение связано также с действием закона возвышения потребностей, выражающего качественную и количественную направленность общественных потребностей.

Всемерно развивать и совершенствовать службу быта — значит последовательно и настойчиво осуществлять указание В. И. Ленина «...сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»⁶.

Итак, в современных условиях бытовое обслуживание населения как самостоятельная отрасль народного хозяйства характеризуется следующими особенностями: а) услуга стала составной частью жизненных благ, что, в конечном счете, и определяет общественную полезность отрасли; б) экономическая обособленность и самостоятельность отрасли как объекта планирования и управления; в) формирование и обоснование системы собственных отраслевых показателей, нормативов, стандартов, технических условий; г) территориально-административный характер функционирования предприятий бытового обслуживания населения.

Существенно возрастает значение отрасли благодаря непосредственному участию бытового обслуживания населения в решении таких социально-экономических задач, как повышение благосостояния народа, преодоление различий между городом и деревней, высвобождение трудовых ресурсов из домашнего хозяйства и поддержание высокого уровня занятости трудоспособного населения в общественном производстве, экономия затрат общественного труда, увеличение свободного времени трудящихся и т. п.

Дальнейшее развитие службы быта, перевод ее на единую индустриальную базу — дело государственной важности, от успешного решения которого во многом зависят темпы развития и эффективность отрасли, выполнение программы КПСС по наиболее полному удовлетворению возрастающих потребностей советских людей в бытовых услугах, дальнейшее повышение жизненного уровня народа.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII), с. 143, 145.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 203—204.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

⁴ Там же.

⁵ Служба быта, 1978, № 10, с. 1.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

МАЖЕД АЛИ МОХАММЕД АЛИ (ЛИВАН) СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ АРАБСКОЙ ВАЛЮТЫ — ШАГ НА ПУТИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН АРАБСКОГО РЕГИОНА

Арабский регион состоит из группы стран, которые объединяет историческая и национальная общность судеб их народов. Сюда входят: Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Ирак, ИАР, Катар, Кувейт,

Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, НДРЙ, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Сомали, Судан и Тунис.

Эти страны, несмотря на наличие многих общих черт, отличаются друг от друга как уровнем и характером социально-экономического развития, так и структурой их политических и экономических систем. Поэтому, если процесс экономической интеграции в арабском регионе является естественным и необходимым, то решение проблем, связанных с ним, является трудным, длительным и неоднозначным. Оно осложняется давлением со стороны мирового империализма. Однако растущее влияние прогрессивных сил в арабском регионе, выступающих за экономическую и политическую консолидацию арабских стран, поддержка со стороны социалистических стран способствуют прогрессивному решению данных проблем.

Попытки осуществления экономической интеграции арабских стран начали предприниматься уже после второй мировой войны. Стремление к экономической интеграции арабских стран в наибольшей степени проявилось в кредитной и валютно-финансовой сферах. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1946 году Сирией, которая предложила проект создания единой арабской валюты. По данному проекту было предусмотрено учреждение единого валютного органа, который должен был бы иметь монопольное право эмиссии новой валюты и хранить ресурсы арабских стран в иностранной валюте. В проекте указывалось на необходимость свободного перемещения капиталов между арабскими странами¹.

В 1948 году комитет экспертов Лиги арабских государств поддержал сирийский проект и предложил арабским странам заключить между собой специальное соглашение об организации порядка обмена иностранных валют на общеарабскую, а также формировании специального совета для осуществления контроля над эмиссионной деятельностью предложенного Сирией общеарабского валютного органа. Однако в том же году Министерство финансов Египта предложило вместо создания единой общеарабской валюты ввести единый уровень паритета всех арабских валют с сохранением самостоятельности каждой из них. По мнению Египта, предложенный им вариант соответствовал бы уровню развития экономики арабских стран и их торгово-экономическим отношениям².

Хотя арабские страны были убеждены в важности валютного сотрудничества для укрепления процесса экономической интеграции, однако обсуждение сирийского проекта показало, что он может быть осуществлен только в будущем и на основе развития их торгово-экономических отношений. Кроме того, в первые послевоенные годы арабские страны были членами разных валютных зон, что затрудняло объединение валютных систем.

В 50-х и 60-х годах валютные вопросы продолжали занимать особое место среди других вопросов экономического сотрудничества арабских стран. Так, в соглашении об арабском экономическом единстве 1962 года подчеркивалось, что подписавшие его страны должны стремиться к координации своей валютно-финансовой политики и объединению валют. В решении Совета арабского экономического единства, принятом в 1964 году, было указано на необходимость разработки правил, на основе которых должны быть организованы платежи между странами-членами Совета и объединены их кредитные и валютные системы. Это в конечном итоге должно было бы привести к созданию единой арабской валюты, единого центрального банка и единой кредитной системы³.

В 70-х годах потребность в создании единой арабской валюты возросла в результате увеличения доходов арабских стран-экспортеров нефти. Арабские валютные резервы хранятся главным образом в долларах и фунтах стерлингов, которые часто подвергаются обесцениванию и колебаниям, вызванным нестабильностью экономического положения Англии и США. Кроме того, хранение валютных резервов арабских стран в валютах капиталистических стран в условиях растущей инфляции и обострения общего кризиса капитализма, особенно в валютной сфере, создает серьезную угрозу для этих резервов, их покупательная сила уменьшается быстрыми темпами.

Исходя из этого и из других причин, Совет арабского экономического единства в 1973 году разработал общую стратегию экономического сотрудничества в арабском регионе. В частности, она предусматривала создание единой арабской валюты, свободно конвертируемой в другие арабские валюты. Такая валюта должна быть использована не только в арабском регионе, но и в международной сфере⁴.

В 1974 году Алжирский национальный банк предложил создать валютный и экономический союз арабских стран. В рамках данного союза должны решаться важные валютные и торгово-экономические проблемы арабского региона и прежде всего задача по созданию арабской валютной единицы, в которой выражалась бы цена на нефть, вместо империалистических валют.

На первом этапе она может быть использована в международных расчетах стран арабского региона. Затем, по мере того как эта валюта будет находить все большее признание в экономических отношениях в арабском мире, ее можно будет использовать также и для защиты доходов арабских стран от продажи нефти, которые в настоящее время в значительной мере снижаются в результате колебаний курсов империалистических валют, на которые пока продается нефть. При этом «арабская счетная единица должна... определяться не на основе иностранных валют, а на основе национальных арабских валют...»⁵

В 1974 году Арабский фонд экономического и социального развития (АФЭСР) подготовил специальный отчет о проблемах валютного сотрудничества между арабскими странами. Было отмечено, что: валютное сотрудничество арабских стран может принять форму платежного или валютного союза; создание единой арабской валюты требует подготовительных мер, в особенности выработки единой политики между арабскими странами в валютно-финансовой и экономической сферах; необходимо создать специальное региональное учреждение для предоставления помощи арабским странам, особенно тем, которые имеют дефициты платежных балансов; создание единой арабской валюты можно начать со стран Персидского залива, платежные балансы которых имеют положительное saldo; при успешном функционировании единой арабской валюты стран Персидского залива она может быть использована в дальнейшем для всего арабского региона⁶.

Анализ отчета АФЭСР показал, что роль единой арабской валюты стран Персидского залива в защите своих валютных резервов и инвестиций от колебаний основных капиталистических валют зависит в первую очередь от развития производственной базы этих стран. Кроме того, создание подобной валюты является лишь временной мерой, «дальнейшая цель должна состоять в создании общей арабской валютной единицы», которая должна опираться на прочную экономическую базу всех стран арабского региона⁷.

В целом дискуссия показала важность и необходимость существования единой арабской валюты для решения многих финансово-экономических проблем арабского региона. По мнению многих арабских экономистов, она может выполнять следующие важные задачи: 1) заменить иностранные валюты, которые используются в качестве счетных единиц для осуществления торгово-экономических операций между арабскими странами, что будет способствовать развитию торгового обмена между ними; 2) поможет сохранить покупательную силу временно свободных средств арабских стран; 3) даст возможность определить курсы арабских валют друг к другу и к основным валютам промышленно-развитых стран; 4) может играть существенную роль в создании дополнительных условий для поощрения инвестиций и развития рынка капиталов в арабском регионе. На практике это может быть осуществлено путем эмиссии облигационных займов, выпуска акций и других ценных бумаг в единой валюте; 5) явится важным орудием укрепления и развития процесса экономической интеграции в арабском регионе; станет ядром валютной интеграции между арабскими странами; 6) может быть использована как средство платежа в международных расчетах.

Дискуссия между арабскими экономистами в первую очередь затрагивает практические стороны вопроса создания единой валюты. Так, в ней отмечается, что арабские страны могут выбрать или единую арабскую валюту рыночного оборота, или единую счетную единицу. Вполне понятно, что единая арабская валюта имеет огромное преимущество по сравнению с единой счетной единицей, так как она должна опираться не только на интегрированную производственную базу стран арабского региона, но и физически обращаться на рынках всех стран. В то же время счетная единица не имеет реального существования, ее положение определяется лишь состоянием тех валют, на которые она опирается. Она не может быть использована и как средство платежа. Для осуществления платежей

необходимо переводить сумму, определенную в счетной единице, в одну из валют, в которой реально будет осуществлен платеж⁸.

Однако, учитывая уровень экономического развития стран арабского региона, политическую обстановку в нем, многие арабские экономисты считают создание арабской счетной единицы на данном этапе более реальным. Если арабская счетная единица докажет свою жизнеспособность, то она в будущем может быть превращена в единую арабскую валюту, что будет зависеть в значительной мере от развития процесса экономической интеграции в арабском регионе.

На заседании комитета по техническим вопросам при ОАПЕК в Джидде (Саудовская Аравия) в 1974 году Алжирским национальным банком был предложен вариант подсчета арабской счетной единицы, которая могла бы быть использована для перевода капиталов и совершения операций Арабской компании нефтяных инвестиций, а также и других компаний, созданных при ОАПЕК⁹.

Для изучения практического значения предложенной Алжиром арабской счетной единицы в 1975 году в Багдаде состоялось заседание Комитета экспертов центральных банков арабских стран, на котором были приняты следующие рекомендации: а) утвердить принцип создания арабской счетной единицы для выражения в ней капитала Арабской компании нефтяных инвестиций, а также и других компаний, созданных при ОАПЕК;

б) официальным названием арабской счетной единицы считать арабский счетный динар; в) необходимо, чтобы арабский счетный динар был составлен из валют стран-членов ОАПЕК; г) необходимо в будущем стремиться к созданию арабского счетного динара на основе всех арабских валют¹⁰.

В соответствии с вышеуказанной рекомендацией Иракский центральный банк подготовил улучшенный вариант создания арабского счетного динара, который должен опираться на валюты 20 арабских стран. Важность данного варианта состоит в том, что счетная единица будет определяться состоянием экономики большего числа арабских стран. Для определения практического значения функционирования арабского динара были проведены специальные расчеты, охватывающие период 1971—1975 годов. Было доказано, что в рассматриваемом периоде колебания каждой арабской валюты по отношению к доллару оказались сильнее, чем колебания арабского динара. Поэтому арабский динар может сохранять определенную стабильность по отношению к доллару, что повышает его практическую значимость¹¹. На заседании комитета экспертов по созданию арабской счетной единицы, состоявшемся в Кувейте в феврале 1976 года, были обсуждены предложенные варианты создания Арабского динара. Окончательное решение этого вопроса было возложено на Арабский валютный фонд (АВФ).

В целом надо отметить, что внимание ко все большему использованию арабских счетных единиц в международных расчетах является реакцией прежде всего на обострение общего кризиса капитализма, особенно в валютной сфере, на валютную политику крупнейших империалистических стран, ведущую к неравноправным отношениям и значительным потерям для арабских стран. Оно связано также с процессами интеграции, расширения экономического и политического сотрудничества в арабском регионе.

¹ См.: Мутвалли Х. Нахва Тааун Накди араби.— Надват гурфат Тижарат ва Синаат Аль-Кувейт, 1974, апрель. (На араб. яз.)

² Там же.

³ См.: Аль-Вахда, Аль-Хисабия, Аль-Арабия, дирасат ва ара. Муназ-замат Аль-Актар. Аль-Арабия Аль-Мусаддира Лилль-Бетроль.— Кувейт, 1977, с. 118—119.

⁴ Там же. с. 45.

⁵ Там же. А. Даур аль-Амуаль аль-Арабия фильвада ан-Накдия аль-Аламия ват-Танмий аль-Иктисadiyah: Аль-Банк Аль-Ватани Аль-Джазаир.— Бейрут, 1974, с. 19.

⁶ См.: Специальный отчет, подготовленный Советом управления АФЭСР по поводу перемещения капиталов в арабском регионе и возможности формирования единого арабского динара, 1974, апрель.

⁷ См.: Аль-Вахда, Аль-Хисабия, Аль-Арабия. Указ. соч., с. 134.

⁸ Там же, с. 135—136.

⁹ Там же, с. 19—28.

¹⁰ Там же, с. 7—8.

¹¹ Там же, с. 43—115.

В. С. БРОНОВЕЦ

ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Правовая форма является основной в реализации функций государства. «Все мы хорошо знаем, — говорил Л. И. Брежнев, — какое огромное значение для правильного развития общественного организма имеет четко отработанное законодательство. В обобщенной, концентрированной форме советские законы выражают волю народа, обеспечивают движение общества по заданному курсу»¹.

Ведущая роль правовой формы непосредственно предопределяется управленческой ролью права, его социальной ценностью как регулятора общественных отношений. Социалистическое право, будучи социально-организующей, социально-дисциплинирующей системой, всегда связано с прогрессивными потребностями и нацелено на неуклонное совершенствование общественных отношений на основе глубокого познания и оптимального использования их объективных закономерностей². Под правовыми формами осуществления функций советского государства авторы общей теории советского права понимают «однородную» по своим внешним признакам (характеру и юридическим последствиям) деятельность органов государства по руководству обществом путем издания правовых актов»³.

Обычно под правовыми формами осуществления функций государства понимают: а) правотворческую (нормотворческую); б) правоисполнительную; в) правоохранительную деятельность, связывая их таким образом с функциями права⁴. Кроме этого, выделяют еще надзор и контроль за исполнением права. Думается, однако, что и такая интерпретация правовых форм осуществления функций государства является узкой, особенно при ограниченной трактовке правоисполнения. Вот почему следовало бы все это связывать не только с функциями права, но и со всеми формами его реализации: исполнением (использованием), применением, соблюдением, активными и пассивными формами осуществления.

Поэтому под правовыми формами деятельности социалистического государства в широком смысле следовало бы понимать такую однородную по своим признакам деятельность государственных органов, которая осуществляется путем издания правовых актов и их реализации. Под формами чисто фактической деятельности осуществления функций социалистического государства понимают однородную по своим внешним признакам деятельность органов государства, не влекущую за собой правовых последствий. В частности, многими авторами выделяются следующие организационные формы осуществления функций советского государства: организационно-регламентирующая, организационно-идеологическая и организационно-экономическая деятельность.

Вполне понятно, что организационные формы богаче правовых, поскольку в праве невозможно предусмотреть всех явлений, вызываемых потребностями жизни и рациональной творческой инициативой в этом деле государственных органов, их должностных лиц. Однако все это должно осуществляться в «духе» права. И не может быть как таковой деятельности по осуществлению функций социалистического государства, свободной от правовой регламентации настолько, чтобы она могла составлять

особую форму осуществления той или иной функции. Деятельность государства, связанная с осуществлением его функций, не может быть свободной от правового регулирования.

Таким образом, правовая форма осуществления функций советского государства имеет первостепенное значение. Вся остальная деятельность по осуществлению функций государства, т. е. все остальные формы осуществления функций приобретают свою значимость и действительность только в соответствии с правом. Значительное расширение и появление новых функций советского государства обуславливают необходимость гораздо более широкого использования права как основного регулятора общественных отношений.

В. И. Ленин всегда подчеркивал, что решение основных задач должно проводиться в законодательном порядке, закрепляться в Конституции и законах Советской власти⁵. Законодательству в осуществлении функций государства принадлежит особая роль. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывалось, что партия постоянно занималась вопросами совершенствования нашего законодательства, что разработка партийными и правительственными органами и принятие Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных республик законов по некоторым главным проблемам нашей жизни имеют крупное социально-политическое значение.

XXVI съезд КПСС констатировал важность и эффективность проводимого на основе Конституции обновления советского законодательства. «Новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений. Работа по совершенствованию законодательства будет продолжаться»⁶. Вместе с тем, съезд подчеркнул необходимость точного и неуклонного осуществления законов, ибо закон живет только тогда, когда он выполняется всеми и повсеместно.

Таким образом, правотворчество и правореализация являются основными разновидностями правовой деятельности как формы осуществления функций государства.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом.— М., 1972, т. 3, с. 48.

² См.: Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы.— Казань, 1977, с. 14, 15.

³ Общая теория советского права.— М., 1966, с. 51—52.

⁴ См.: Александров Н. Г. Теория государства и права.— М., 1974, с. 109; С. С. Алексеев вычленяет особую «правообеспечительную» деятельность наряду с правотворчеством и правоисполнительной деятельностью (Алексеев С. С. Общая теория социалистического права.— Свердловск, 1963, вып. 1, с. 72); В. М. Горшенев различает правотворческую и правоприменительную формы, подразделяя последнюю на правонаделительную и правоохранительную (Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе.— М., 1972, с. 124).

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 131, 152—162, 171; т. 38, с. 198.

⁶ Коммунист, 1981, № 4, с. 52.

М. К. КОЗЛОВ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о функциях государства — один из коренных вопросов марксистско-ленинской теории государства и права. Впервые проблема функций социалистического государства была поставлена в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина¹. Дальнейшее развитие она получила в ряде основополагающих документов КПСС и мирового коммунистического движения. В теории социалистического государства проблема его функций — самая емкая по содержанию и обилию материалов. Однако она до сих пор остается дискуссионной. Это относится и к понятию государственных функций, и к их классификации. В советской юридической литературе, в литературе социалистических стран к настоящему времени еще не сложилось единого определения самого понятия «функции государства».

Под государственными функциями понимаются: а) социальное назначение государства; б) специфические активные связи между государственным регулированием и основными сторонами и условиями социалистического процесса воспроизводства; в) стороны и направления деятельности государства; г) предметно-политическая характеристика деятельности го-

сударства; д) деятельность государства; е) вид деятельности государства.

И. С. Самощенко считает, что более правильным является понимание функций государства как его «социального назначения внутри и вне страны»². Такая точка зрения высказана и другими авторами³.

Социальное назначение и функции государства хотя и тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Социальное назначение государства в основном сводится к его классовой роли, к стоящим перед ним историческим задачам. Под социальным назначением государства понимается построение социалистического (коммунистического) общества внутри страны, создание благоприятных внешних условий для этого строительства. Социальное направление непосредственно определяет содержание деятельности государства, делает работу государственных органов целеустремленной, дает им общую направленность. А функции государства не могут быть сведены к его сущности и задачам. Задачи социалистического государства имеют непосредственно определяющее значение по отношению к его функциям. В задачах концентрируется воздействие экономики и политики на развитие функций социалистического государства. В свою очередь, функции государства представляют собой средство реализации, выполнения его задач. Задачи социалистического государства решаются посредством осуществления его функций. Функции государства носят объективный характер, порожденные объективными социальными законами социализма. Они выражают содержание работы государственного организма, характер его жизнедеятельности, функционирования. В условиях исторически определенного социального назначения функции раскрывают сущность государства, направления его деятельности по осуществлению стоящих перед ним задач. Поэтому функции государства нельзя лишить самостоятельного значения и растворять их в понятии его социального назначения. Социальная функция не тождественна классовой сущности, а всякая классовая функция в то же время — и социальная. То же самое можно сказать и о социальном назначении государства.

Ученые ГДР Е. Поппе, Р. Шюсселер, Г. Шюсселер определяют функции социалистического государства как «специфические активные связи между государственным регулированием и основными сторонами и условиями социалистического процесса воспроизводства»⁴. Давая такое определение, авторы ставят под сомнение признаки функций государства, которыми уже наделила это понятие правовая наука. Анализируя данное определение, М. И. Байтин подчеркивает, что «дело здесь не в усложнении подхода к проблеме функции, а в том, что сама эта категория рассматривается как связь между двумя явлениями»⁵. В данном определении функции государства «специфические активные связи» проложены не между сущностью социалистического государства и его деятельностью, а между государственной деятельностью и социалистическим процессом воспроизводства.

Функции социалистического государства на практике находятся в тесных и сложных связях между собой и общественными отношениями, на которые активно и целеустремленно воздействует государство. Вне осуществления функций социалистического государства не может быть и речи о государственном регулировании социалистических общественных отношений. Функции государства постоянно изменяются, могут выступать в самых различных сочетаниях, определяют направления деятельности социалистического государства, которые реализуются в разносторонних отношениях между государством и регулируемыми их общественными отношениями. При этом многообразии сфер приложения функции социалистического государства не могут быть ограничены «основными сторонами и условиями социалистического воспроизводства». В данном определении не отражена в достаточной мере связь между функциями, сущностью и деятельностью, задачами и целями социалистического государства. По нашему мнению, в концепции Е. Поппе, Р. Шюсселер, Г. Шюсселер допущено некоторое смешение понятий «функции государства» и его «функционирование», тогда как их следует различать.

Некоторые ученые считают, что функции — не только направления, но и стороны деятельности государства. Такой точки зрения придерживается Л. И. Каск. По его мнению, «под функциями государства и необходимо понимать такие стороны содержания его деятельности, которые характеризуют его классовое и общесоциальное назначение»⁶. Другие ученые-юристы определяют функции государства как его деятельность⁷. Сущест-

ует и такое мнение, что функции государства следует определять как вид его деятельности⁸.

Однако при всем различии точек зрения относительно понятия функций социалистического государства следует отметить, что наиболее распространенным является представление о функциях как «направлениях в деятельности социалистического государства». «Под функциями социалистического государства, — пишет Н. В. Черноголовкин, — мы понимаем выражающие классовую сущность основные направления (и стороны) в его деятельности по решению исторических задач, стоящих перед государством на главных этапах его развития»⁹. Такое определение функций государства, на наш взгляд, является приемлемым, ибо, когда говорим, что функции социалистического государства есть основные направления его деятельности по строительству коммунистического общества, мы подчеркиваем основные свойства его деятельности, связь с задачами коммунистического строительства.

Разумеется, отдельные определения функций государства имеют особенности и различия в частностях. Однако они совпадают в главном — в понимании функций государства как основных направлений в содержании деятельности, определяемых задачами государства. Функции государства рассматриваются как проявление его классовой сущности. Такая трактовка исходит из указаний основоположников марксизма-ленинизма о сущности, исторической роли, задачах и функциях социалистического государства на главных этапах его развития.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 342—344; т. 19, с. 27; т. 20, с. 152, 188—189, 291—295; т. 21, с. 303—304; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 43, 49—51, 60—63, 94—95, 101—102; т. 36, с. 172—176, 186—188; т. 39, с. 13—14, 17—18.

² Советское государство и право, 1956, № 3, с. 81.

³ См.: Общая теория советского права. — М., 1966.

⁴ Советское государство и право, 1968, № 4.

⁵ Байтин М. И. Понятие и классификация функций социалистического государства. — Уч. зап. Саратовского ун-та, 1970, вып. 19, ч. 1, с. 6.

⁶ См.: Каск Л. И. Функции и структура государства. — Л., 1969, с. 9.

⁷ См.: Кудзинаў Н. А. Паняцце і класіфікацыя функцый Савецкай дзяржавы. — Весті Акадэміі навук БССР, серыя грамадскіх навук. Мінск, 1962. № 2, с. 20; Стальгевич А. К. К вопросам развития социалистической государственности и общественно-коммунистического самоуправления. — М., 1962, с. 8.

⁸ См.: Погорилко В. Ф. Классификация функций советского государства: Торжество ленинского учения о государстве и праве. (Республиканская научная конференция 26—28 апреля 1971 г. Тезисы докладов и научных сообщений). — Львов, 1971, с. 28.

⁹ См.: Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. — М., 1970, с. 7.

Г. А. ДВОРАК

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИИ В РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Вопросы совершенствования методики расследования преступлений в последнее время привлекают внимание многих ученых-криминалистов. Эти проблемы исследуются в диссертациях, обсуждаются на научных конференциях, в печати. Все это способствует пополнению методики новыми принципиально важными положениями. Однако частные методики расследования имеют ряд нерешенных вопросов. До настоящего времени нет единых научно-обоснованных разработок о построении частных структур расследования, о содержании частных методик, о системах взаимодействия при расследовании и др. Между тем знание теории формирования частных методик необходимо следственным работникам для успешного решения практических задач по борьбе с преступлениями.

В криминалистической литературе перечисляются отдельные объективные закономерные связи как элементы теоретических основ разработки и построения частных методик. В целом же теория формирования частных методик расследования, в том числе по категории хищений, еще не разработана. Отдельные ее положения нуждаются в обобщении, объяснении и систематизации.

По нашему мнению, наиболее удачно сущность методики расследования отдельных видов преступлений раскрывается А. Н. Васильевым и

Н. П. Яблоковым, считающими, что методика расследования отдельных видов преступлений есть система тактических приемов и использования средств криминалистической техники, разработанная применительно к специфике расследования отдельных видов преступлений на основе изучения их механизма и процесса формирования доказательств¹.

При расследовании любого преступления, в том числе и хищений социалистического имущества, следователь производит ряд предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий. Эти действия должны быть целеустремленными, рациональными и иметь строгую последовательность, образуя определенную систему для установления объективной истины по каждому уголовному делу. Эти признаки методики расследования отдельных видов преступлений являются общими и обязательными для конкретных методик. Но применительно к каждой конкретной методике они могут иметь некоторые особенности. Это вполне понятно, так как понятие методики расследования отдельных видов преступлений по отношению к методике расследования хищений выступает как общее к отдельному, а «всякое общее, — подчеркивал В. И. Ленин, — лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»².

Действительно, научно-технические и тактические приемы в расследовании хищений, в том числе и в исследуемой отрасли промышленности, имеют специфические, присущие только им черты. Соответственно некоторые частные и тактические приемы свойственны только методике расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности. Это объясняется определенными особенностями данной отрасли, в частности, тем, что в ней существуют специфические системы учета, контроля и хранения рыбопродукции. Большинство лиц, имеющих доступ к этим ценностям, являются материально-ответственными. Эта отрасль имеет своеобразный производственный и технологический процесс изготовления рыбопродукции. Сбыт продукции тоже имеет много специфического.

При уголовно-правовой характеристике хищений, совершаемых на предприятиях рыбной промышленности, следует анализировать прежде всего объект и предмет посягательства. В этом отношении представляется целесообразным выяснить: что именно похищено и какие именно общественные отношения при этом пострадали; кому причинен ущерб; каков характер и размер ущерба. При характеристике объективной стороны этого состава преступлений важно выяснить: где, когда и каким способом совершено хищение рыбопродукции, в какой обстановке. Кроме того, необходимо выяснить последствия, а также причины, способствовавшие хищению.

Субъективную сторону характеризуют такие моменты, как личность расхитителя, его умысел, мотив и цель совершения хищения. При характеристике субъекта посягательства главное внимание обращается на то, кто является непосредственным исполнителем хищения, имеются ли соучастники и какова роль каждого из них, не выступало ли организатором хищения должностное лицо предприятия рыбной промышленности, например, рыбмастер, начальник цеха и другие.

Следует заметить, что перечень указанных вопросов не является исчерпывающим. Задача следователя заключается в том, чтобы не ограничиваться выяснением только этих вопросов. Следователь должен выяснить характерные для каждого конкретного уголовного дела обстоятельства. На него возложена обязанность предпринять активные действия, направленные на полное возмещение материального ущерба, причиненного хищением, и на предупреждение подобных преступлений.

Кроме того, для методики расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности особое значение имеет способ совершения преступления. Способы совершения хищений служат основой для выдвижения версий, планирования расследования и выработки рекомендаций для наиболее эффективных следственных действий и тактики их производства. Эти способы складываются из ряда факторов, которые имеют объективный и субъективный характер. Составной частью содержания методики расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности являются также методы обнаружения и рассмотрения первичных материалов.

Особенности построения версий и планирования расследования занимают важное место в содержании методики расследования хищений на

предприятиях рыбной промышленности. После проведения первоначальных следственных действий следователь выдвигает возможные версии по всем обстоятельствам дела и составляет развернутый план расследования. «В общем плане расследования дела, — указывают Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, — предусматриваются: а) все возможные по делу следственные версии; б) все те факты и обстоятельства, которые должны тщательно проверяться по каждой из намеченных следственных версий; в) пути и средства исследования каждого из этих фактов и обстоятельств, включая сюда как непосредственно процессуальные действия, так и проверочные и оперативно-розыскные»³.

В содержание методики расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности входят и особенности производства последующих следственных и оперативно-розыскных действий. В процессе дальнейшего расследования следователь назначает различные экспертизы, документальную ревизию (особенно по делам, возбужденным на основе материалов оперативно-розыскной деятельности органов дознания), проводит следственный эксперимент, допрос обвиняемого и осуществляет другие процессуальные и непроцессуальные действия.

Особенности привлечения общественности к расследованию хищений по данной категории дел также входят в содержание методики расследования. Участие общественности в расследовании и предупреждении преступлений проявляется в различных формах. Это — участие в выявлении хищений, проверке оснований к возбуждению уголовного дела, производстве отдельных следственных действий, розыске похищенного и в профилактике хищений.

Было бы неверно не включать в содержание методики расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности и особенности выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления и меры по их устранению. Причины и условия, способствующие хищениям, должны выявляться по двум направлениям: а) обстоятельства, связанные с личностью виновного; б) обстоятельства, связанные с обстановкой совершения преступления. Все это выявляется на протяжении всего расследования, причем следователь использует все процессуальные средства, указанные в законе. В зависимости от конкретных причин и условий, способствовавших хищению, он разрабатывает меры для их устранения. В содержание методики расследования хищений исследуемой отрасли рыбной промышленности необходимо обязательно включить меры по возмещению причиненного хищением ущерба.

Таким образом, необходимо заранее определять и разрабатывать совокупность средств, которые будут применяться для реализации конкретного расследования. Они планируются и осуществляются для достижения определенной цели (успешного расследования) только в комплексе, что является характерным признаком элемента взаимодействия вообще. Методика расследования хищений на предприятиях рыбной промышленности есть система взаимодействующих специфических тактических приемов и средств криминалистической техники, разработанная для данной категории уголовных дел на основе изучения теории и обобщения практики раскрытия и предупреждения этих преступлений.

¹ См.: Криминалистика. — М., 1971, с. 423.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

³ Жогин Н. В. и Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. — М., 1965, с. 81.

Наши юбиляры

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ИГНАТЕНКО

(к 50-летию со дня рождения)

Исполнилось 50 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории БССР Александру Петровичу Игнатенко.

А. П. Игнатенко родился 10 февраля 1932 года в д. Студенец Климовичского района Могилевской области в крестьянской семье. В 1955 году он окончил исторический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, а в 1958 году — аспирантуру. С этого времени вся его научная, педагогическая и общественная деятельность связана с историческим факультетом БГУ. В 1963 году А. П. Игнатенко защитил кандидатскую диссертацию, а в 1976 году — докторскую, с июня 1980 — профессор; член КПСС с 1964 года.

С 1965 по 1975 год он работал заместителем декана вначале заочного, а затем исторического факультета. С 1975 по 1978 год А. П. Игнатенко исполнял обязанности заведующего кафедрой истории БССР. Ныне работает на этой же кафедре. Он успешно руководит аспирантами и соискателями, под его руководством защитили кандидатские диссертации 5 человек. Его лекции отличаются глубоким содержанием. Он пло-

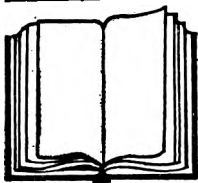
дотворно занимается научно-исследовательской работой. Его научное внимание и увлеченность сосредоточены на проблемах экономического развития городов Белоруссии и русско-белорусских связей XVII—XVIII веков, борьбы белорусского народа за воссоединение с Россией.

За время работы на кафедре истории БССР им опубликовано свыше 40 работ общим объемом около 200 печатных листов. Большую педагогическую и научную работу профессор А. П. Игнатенко сочетает с активной общественной деятельностью. В настоящее время он является председателем секции организации учебного процесса по вечерней форме обучения научно-методического Совета университета, членом секции по заочной и вечерней формам обучения научно-методической комиссии исторического факультета, партгором кафедры.

За многолетнюю активную научно-педагогическую деятельность А. П. Игнатенко неоднократно награждался почетными грамотами университета, Грамотой и Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР, Грамотой ЦК ЛКСМБ за активное и успешное руководство студенческой научной работой, знаком «Победитель социалистического соревнования 1974 г.».

Сердечно поздравляем Александра Петровича Игнатенко с 50-летием, желаем ему доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

М. Ф. ЧУДАЕВ

Рэцэнзіі

В. И. Новицкий, Е. К. Новик.
Участие ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 — июнь 1941 гг.).—Минск: Наука и техника, 1979.—272 с.

Подъем народного образования — одна из важнейших страниц в истории нашей страны. Ликвидация неграмотности и малограмотности населения, осуществление всеобщего обязательного начального образования и постепенный переход к семилетнему, подготовка и воспитание квалифицированных рабочих для народного хозяйства — таковы некоторые из главных достижений культурной революции в СССР. Большую помощь КПСС в решении этой сложной и многоплановой задачи оказал Ленинский комсомол и его боевые отряды в республиках и областях. В этом плане несомненный интерес представляет книга В. И. Новицкого и Е. К. Новика, посвященная обобщению опыта работы комсомола Белоруссии по развитию народного образования в предвоенные годы.

На основе анализа большого фактического материала авторы раскрывают разностороннюю деятельность ЛКСМБ по развитию и укреплению общеобразовательной школы, просвещению трудящихся. Много внимания уделено работе комсомольских организаций по ликвидации неграмотности, приводятся данные, характеризующие их участие в открытии ликпунктов, школ грамоты и малограмотных.

Как известно, в борьбе за грамотность и просвещение народа важную роль сыграл всеобуч. Авторы монографии подробно освещают участие комсомола республики в осуществлении всеобщего обязательного начального образования, а с 1932 года — всеобщего семилетнего (в городах — среднего). Это создало надежную основу для повышения культурно-технического уровня трудящихся, способствовало

успешному решению задач строительства социализма.

Значительное место в монографии отведено анализу совместной работы комсомольских организаций и органов Наркомпроса БССР по повышению общественно-политической активности и педагогического мастерства учительских кадров. В этих целях широко использовались марксистско-ленинское образование учителей, методические кружки, семинары, заочное обучение.

С интересом читаются страницы книги, посвященные участию ЛКСМБ в коммунистическом воспитании учащейся молодежи, деятельности вечерних школ рабочей и крестьянской молодежи. Обстоятельно освещена разносторонняя деятельность ЛКСМБ по повышению качества подготовки и улучшению социального состава студентов в вузах и техникумах. В заключительной главе книги обобщен вклад ЛКСМБ в развитие системы и совершенствование деятельности профессионально-технических учебных заведений республики. Большая организаторская работа, проведенная комсомолом Белоруссии под руководством КП(б)Б, содействовала удовлетворению потребностей республики в квалифицированной рабочей силе, что имело важное значение для воплощения в жизнь ленинской политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Некоторые разделы монографии излишне перегружены фактическим материалом, им недостает четких, глубоких выводов и обобщений (особенно это касается второй и третьей глав), что несколько снижает теоретический уровень исследования.

В целом же, монография В. И. Новицкого и Е. К. Новика является полезным вкладом в разработку одной из важных проблем истории комсомола Белоруссии.

Ю. Л. Казаков,
В. И. Медяник

Д. Б. Мельцер. **Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая, 681—1981.**—Минск: Изд-во БГУ, 1981.—320 с.

Книга Д. Б. Мельцера отличается обстоятельностью изложения. Белорусско-болгарские отношения раскрываются как составная часть многосторонних связей русского и болгарского народов, ибо белорусский народ тесно связан с русским народом общностью происхождения и исторических судеб. Поэтому и белорусско-болгарское сотрудничество развивалось в русле русско-болгарских отношений. Его цементировало кровное родство русских, белорусов и болгар. Со ссылками на многочисленные источники это хорошо показано в книге.

История многих народов нашей страны также с давних времен связана с судьбой России и ее внешнеполитической деятельностью. В условиях мировой системы социализма они объективно вовлекаются в процесс советско-болгарских взаимоотношений. Однако на уровне отдельных народов советско-болгарское сотрудничество пока еще недостаточно исследовано. Книга Д. Б. Мельцера до некоторой степени восполняет этот пробел.

Совместное участие в строительстве нового общества обогатило взаимосвязи советского и болгарского народов новым содержанием. Анализируя новый тип международных отношений, автор прослеживает создание предпосылок для перехода к международной социалистической экономической интеграции, для которой характерно тесное взаимодействие национальных экономик братских стран, раскрывает основные направления интеграционных процессов. В связи с этим нельзя не отметить еще одну оригинальную черту исследования. В отличие от многих работ, посвященных крупномасштабным проблемам интеграции, Д. Б. Мельцер рассматривает интеграционные процессы в историческом плане как бы «приземленно», применительно к одной союзной республике, конкретным предприятиям.

При таком подходе тем рельефнее предстает их всеобъемлющий, «сквозной» характер. Это выражается в том, что в русле международного социалистического разделения труда вовлекаются все союзные республики и экономические районы Советского Союза и других братских стран.

В книге приводятся яркие примеры и фактические данные об участии Белорусской ССР в международном социалистическом разделении труда и экономическом сотрудничестве с НРБ. В частности, велика ее доля в общесоюзном экспорте в Болгарию электронно-вычислительной техники, самоходных скреперов, металлорежущих станков, сверхтяжелых самосвалов и большегрузных автомобилей, тракторов. В свою очередь, республика полу-

чает из Болгарии большое количество промышленной продукции и товаров народного потребления. Укрепляются непосредственные производственные и научно-производственные связи между родственными трудовыми коллективами. Это хорошо показано на примерах сотрудничества минских и болгарских тракторостроителей, создателей электронно-вычислительной техники, труженников колхозов и совхозов. Международная социалистическая экономическая интеграция активизировала всю сферу духовной жизни социалистических стран. В книге анализируются многие действенные формы научного и культурного сотрудничества Белоруссии и Болгарии.

Книга Д. Б. Мельцера—итог многолетней кропотливой работы автора над поиском и изучением научных источников, его встреч с сотнями советских людей, побывавших в Болгарии. Она написана на основе многочисленных архивных, в том числе и впервые вводимых в научный оборот материалов, с привлечением обширной советской и болгарской научной литературы, периодической печати разных лет. Она будет с интересом прочитана всеми, кто интересуется историей и состоянием белорусско-болгарских связей.

М. П. Квочкин,
В. Ф. Шалькевич

В. А. Марков. **Проблема сохранения и современная наука. Философско-методологический анализ.**—Рига: Зинатне, 1980.—301 с.

Прогресс современной науки неразрывно связан с анализом методологических принципов. Одним из них является принцип сохранения, имеющий мировоззренческие, методологические и теоретико-познавательные аспекты. Анализу роли данного принципа в научном познании уделялось недостаточное внимание. В частности, далеко не во всех областях науки исследован его методологический статус, не прослежено становление и развитие идеи сохранения, не раскрыта его структура и гносеологическая природа, не показана его взаимосвязь с философскими и общенаучными категориями. Особое значение имеет исследование вопроса о роли и месте принципов сохранения в структуре современного научного знания. Определенный вклад в решение этих вопросов вносит монография В. А. Маркова «Проблема сохранения и современная наука».

Исследование проблемы автор начинает с анализа истоков зарождения идеи сохранения, ее генезиса и современного состояния разработки (глава 1). Такой подход весьма продуктивен, поскольку позволяет актуализировать круг идей, неразрывно связанных с проблемой сохранения. Фиксируя противоречивое единство устойчи-

ности и изменчивости, своеобразно проявляющееся на уровне различных форм движения материи, принцип сохранения выступает как важнейший объект современной науки, а само сохранение выступает как «устойчивость качественно специфических форм движения, различных состояний и траекторий, стационарность процессов и т. п.» (с. 28).

Во второй главе монографии исследуются философские аспекты принципа путем анализа сохранения как атрибутивного свойства материи, выявления места принципа сохранения в категориальном аппарате материалистической диалектики, его логического статуса. Эти аспекты восполняют пробел, имеющийся в отечественной философской литературе.

В последующих главах проводится обстоятельное обоснование применимости идеи сохранения к процессу познания, анализируется конкретное проявление принципов сохранения в структуре научного знания. Особый интерес представляет пятая глава монографии «Симметро-инвариантность как принцип познания и язык современной науки», в которой обращается внимание на возрастающую роль принципа сохранения в структуре теоретического мышления, его проникновение в область гуманитарных наук. Автор предлагает рекомендации по использованию принципа сохранения для решения важных научно-практических задач, в частности, проблем экологии.

В заключительной главе намечаются пути использования принципов сохранения в структуре развивающегося знания, раскрывается их значение для дальнейшей разработки марксистско-ленинской философии и современной науки. В монографии затронут значительный круг проблем современного научного познания. Не все они получили достаточно полное освещение. Тем не менее их исследование проводится автором с единых позиций выявления значения принципа сохранения в марксистско-ленинской философии и современной науке. В этом плане монография В. А. Маркова вносит весомый вклад в исследование важной для философии проблемы. Она акцентирует внимание исследователей на необходимости поиска методологических оснований синтеза научного знания.

**И. И. Жбанкова,
П. С. Карако,
П. А. Водопьянов**

Вопросы научного атеизма. / Вып. 24: Эволюция христианского сектантства в СССР. — М.: Мысль, 1979. — 287 с.

В борьбе с религией, которая до сих пор мешает части советских граждан быть активными и сознательными строителями коммунизма и широко используется нашими идейными

противниками в идеологических диверсиях, огромную помощь оказывают выпуски «Вопросов научного атеизма», регулярно издаваемые Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, которые давно завоевали признание у всех, кто занимается атеистическим воспитанием трудящихся. Ряд выпусков стал тематическим, что можно только приветствовать. Среди них «Модернизация религии в современных условиях» (Вып. 2, 1966), «Победа научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет» (Вып. 4, 1967), «II Ватиканский собор (Замыслы и итоги)» (Вып. 6, 1968), «Ленинское атеистическое наследие и современность (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина)» (Вып. 8, 1969), «Система атеистического воспитания» (Вып. 9, 1970), «Психология и религия» (Вып. 11, 1971), «Научный атеизм в высшей школе» (Вып. 15, 1973), «Актуальные проблемы истории атеизма и религии» (Вып. 20, 1976), «Атеизм и религия в условиях социалистического общества» (Вып. 21, 1977), «Философские проблемы атеизма и критики религии» (Вып. 23, 1978). Многие из них становятся настольными книгами для атеистов.

И, наконец, очередной, 24-й выпуск «Вопросов научного атеизма», тоже тематический, посвящен весьма актуальной проблеме — эволюции христианского сектантства в СССР, которое в отдельных областях и даже республиках, например, в БССР, по количеству верующих занимает третье место после приверженцев православия и католицизма. Авторами данного выпуска являются, кроме сотрудников Института научного атеизма, преподаватели вузов, партийные работники, пропагандисты Москвы, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Латвии, Азербайджана и ряда областей РСФСР.

Очень важно, что уже во введении авторы не только обосновывают актуальность темы и задачи выпуска, но и знакомят читателей с особенностями эволюции христианского сектантства в дореволюционной России. В первом из его разделов раскрывается содержание понятия «религиозное сектантство», особенности проявления кризиса христианского сектантства в различных регионах нашей страны, а также дифференцированно анализируется этот процесс в условиях социалистического города и деревни, что имеет исключительно важное значение для совершенствования системы атеистического воспитания. Второй раздел книги посвящен анализу современного состояния и особенностям эволюции конкретных течений христианского сектантства, а также новым тенденциям в их идеологии, деятельности и сознании. В третьем разделе обобщен опыт работы с приверженцами различных христианских сект. Заслуживают внимания рекомендации по атеистическому воспитанию трудящихся,

а также анализ наиболее характерных ошибок, допускаемых нашей печатью и пропагандистами в критике религиозного сектантства.

Представляет интерес предложенная авторами классификация религиозных сект, действующих в условиях советского общества (с. 39—41), которая позволяет подходить к изучению сектантства более дифференцированно, с учетом его эволюций.

Вскрывая объективные и субъективные факторы кризиса христианских сект в СССР, авторы правильно подчеркивают, что он отражает прежде всего «кризис религиозной идеологии и сознания в эпоху социального, культурного и научно-технического прогресса» (с. 52). Подчеркивается также и влияние социального образа жизни советских людей, в результате чего для многих сектантов Библия перестает быть регулятором и путеводителем нравственной жизни, идея бога отодвигается на периферию сознания, а «мирские» проблемы начинают интересовать их не меньше, чем религиозные. Авторы обращают внимание и на изменение социально-демографического состава сектантов, на омоложение их приверженцев, на повышение образовательного уровня, правильно объясняя причины такого изменения.

В книге критикуется и деятельность многочисленных зарубежных центров, которые прикрываясь религиозной вывеской, ведут антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду. Авторы вскрывают новые формы и методы деятельности христианского сектантства в условиях социалистической действительности, рассчитанные на противодействие процессу секуляризации и на более активное вовлечение в секты молодежи.

В идеологии и деятельности современного христианского сектантства авторы выпуска обоснованно выделяют две тенденции, без учета которых резко уменьшается эффективность атеистического воспитания. Одна из тенденций выражается в попытке максимально приспособить религиозную жизнь к условиям социализма, согласовать учение христианских сект с социально-нравственными принципами коммунизма, а вторая тенденция состоит в стремлении ее приверженцев «отделить» верующих от мира, активизировать миссионерскую деятельность и религиозную пропаганду, усилить борьбу с атеизмом. Вместе с тем в книге убедительно показывается, что обе эти тенденции, как и любое приспособление христианского сектантства к современным условиям, не меняют его реакционной сущности.

Основные положения и выводы авторов данного выпуска глубоко обоснованы не только теоретическими рассуждениями, но и богатым материалом конкретно-социологических исследований, проводимых проблемной группой Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС, его опорными

пунктами во многих союзных республиках, в том числе и в Белоруссии.

Вместе с тем, поскольку авторитет подобных выпусков «Вопросов научного атеизма» очень высок, постольку хотелось бы, чтобы авторы были более строги как в отборе фактического, в том числе и цифрового материала, так и в определениях и выводах. В частности, непонятно, почему в данном выпуске не анализируется современное состояние и особенности эволюции одной из наиболее крупных христианских сект — пятидесятников. Вряд ли можно согласиться и с определением религиозной секты (с. 24). Оно слишком общо, сложно и не выражает специфики религиозной секты по сравнению с любой другой религиозной общиной, включая и церкви. Требуется, на наш взгляд, уточнения и определение религиозного сектантства в целом в социалистическом обществе (с. 36—37). Недостаточно полно отражена проблема модернизации в различных христианских сектах, в частности, в религиозном сознании и богослужебной практике.

В целом же книга заслуживает высокой положительной оценки. Она поможет пропагандистам научного атеизма глубже познать вероучение и культ основных современных христианских сект, особенности их приспособления и деятельности в современных условиях, а также специфику воспитательной работы с приверженцами различных сектантских течений. Опыт нашей страны, обобщенный в рецензируемой книге, будет полезен и пропагандистам научного атеизма социалистических стран.

А. А. Круглов

Э. В. Клесова. Природа и человек (Философский очерк). — Минск: Изд-во БГУ, 1979. — 176 с.

Осознание природы как ценности и обращение с ней как с величайшим благом приобретает в условиях современной научно-технической революции исключительное значение. В наши дни все более очевидным является то, что проблема «человек — природа» включает в себя мировоззренческие и нравственно-воспитательные аспекты. Определенный вклад в анализ этих аспектов вносит монография Э. В. Клесовой.

Автор поступает совершенно правильно, начиная исследование проблемы с выяснения сущности понятия «природа» (глава 1) и обоснования необходимости единства онтологического, логико-гносеологического и аксиологического подходов понимания природы. С учетом этих подходов в монографии дается всестороннее обоснованное определение категории «природа», раскрывается ее содержание. Определенной новизной отличается вскрытый Э. В. Клесовой аксиологический аспект исследуемой категории.

В последнем природа понимается как «величайшая ценность, цель, норма, идеал». Природа характеризуется такими качествами, как «жизненная активность, многообразие жизненных форм, объективная красота и гармония». Природе как ценности присущи и такие качества, как «безграничная мощь, творческая сила» (с. 37). Все эти стороны природы должны, по мнению автора, раскрываться в результате этической и эстетической творческой деятельности человека.

Во второй главе автор освещает связь человека с окружающей его природой, обращая при этом внимание читателей и на существенное отличие человека, общества от природы. Между природой и обществом существуют отношения единства, взаимодействия и в то же время качественного отличия. Это положение получает всестороннее обоснование через анализ сущности социальной формы движения материи, исследование диалектики биологического и социального в человеке.

В третьей главе вскрываются основные компоненты окружающей природной среды, с которыми взаимодействует человек. Особое внимание уделяется анализу сущности потребительского отношения человека к некоторым факторам природной среды, особенно характерного для капиталистического природопользования.

В четвертой главе обосновывается историческое преимущество социализма перед капитализмом в создании гармоничного взаимодействия общества и природы. Эти положения подтверждаются конкретными примерами бережного и рационального отношения к природе в СССР. Обращается внимание на формирование принципиально новых отношений между человеком и природой, которые проводятся КПСС и советским государством. Автором раскрывается роль В. И. Ленина как основоположника научного природопользования в нашей стране, сущность ленинского отношения к природе. Такое отношение является одной из черт социалистического образа жизни. Рациональное и бережное отношение к природе — важный фактор воспитания нового человека.

Обоснованию данного положения посвящена пятая глава. Эта глава является одной из важнейших в монографии. Здесь более конкретно раскрывается ценностная сторона категории «природа», ее значение для воспитания. Именно понимание природы как ценности необходимо использовать для формирования научного мировоззрения, воспитания коммунистической нравственности, высоких эстетических потребностей, сохранения и улучшения здоровья человека.

Не все затронутые автором вопросы получили должное освещение, но их постановка и решение заслуживают одобрения. Монография Э. В. Клевсовой — серьезное научное исследова-

ние проблемы, важной для философии и практики коммунистического воспитания.

**П. С. Карако,
П. А. Водопьянов**

А. П. Мельников, П. П. Силиванчик. Духовная культура зрелого социализма: новые рубежи. — Минск: Наука и техника, 1980. — 88 с.

Процесс формирования и развития духовной культуры зрелого социалистического общества привлекает пристальное внимание как советских, так и зарубежных исследователей. Культура вообще, а социалистическая в особенности, является мощным двигателем социального прогресса. От культурного роста населения в огромной мере зависят наши последующие достижения в экономической и социально-политической сферах общественной жизни, в переустройстве быта на коммунистических началах. Поэтому научное и глубоко партийное обобщение достижений советской социалистической культуры, разработка актуальных вопросов ее развития и совершенствования имеют важное теоретическое и практически-политическое значение. С этих позиций и следует подойти к оценке рецензируемой брошюры.

В брошюре раскрываются отличительные черты культуры социалистического общества — ее коммунистическая идейность и партийность, непримиримость к буржуазной идеологии и морали, народность, гуманизм и оптимизм, коллективизм, патриотизм и интернационализм, наконец, единство социалистической культуры для всех классов и социальных слоев, наций и народностей.

Для культуры развитого социализма характерны: значительный подъем образованности народа, выравнивание культурных уровней городского и сельского населения, постепенное стирание существенных различий между умственным и физическим трудом, ускоренный процесс расцвета и сближения национальных культур на основе социалистической интернационализации. Этот прогрессивный общественный процесс выражается в следующем. Во-первых, в условиях зрелого социализма в национальных культурах полностью исчезают элементы ограниченности и односторонности, их развитие становится особенно полным, взаимным и всесторонним, чего не могло быть на начальной стадии строительства социализма. Во-вторых, в культурное общение вовлекаются не только деятели литературы и искусства, но и широкие массы трудящихся, прежде всего как читатели, зрители, слушатели, участники различных самодеятельных творческих организаций. В-третьих, этап зрелого социализма совпадает с развертыванием научно-технической революции,

которая способствует проникновению научно-технических достижений во все области культуры, усиливает динамику культурного общения, изменяет саму структуру культуры.

В целом брошюра производит хорошее впечатление. Изложение вопросов в ней ведется с позиций партийной идейности, на уровне современных научных знаний, вместе с тем ла-

конично, живо и доступно, с обстоятельным использованием данных БССР. Брошюра принесет большую пользу пропагандистам, преподавателям-общественникам, студентам и учащимся, всем тем, кто интересуется проблемами духовной культуры развитого социализма.

И. С. Семыкин

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ СИКОРСКИЙ

22 декабря 1981 года после тяжелой болезни скончался крупный ученый, заведующий кафедрой истории КПСС гуманитарных факультетов БГУ имени В. И. Ленина, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР, доктор философских наук, профессор Всеволод Михайлович Сикорский.

В. М. Сикорский родился 10 октября 1923 года в д. Хутор Червенского района. В 1940 году поступил в Московский полиграфический институт. Оказавшись в начале Великой Отечественной войны на временно оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии, студент-комсомолец В. Сикорский стал членом Червенской подпольной партийно-комсомольской группы, затем одним из организаторов партизанского отряда имени Ворошилова, его политруком, а в дальнейшем заместителем комиссара партизанской бригады «Красное знамя». После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков В. М. Сикорский некоторое время работал научным сотрудником Музея истории Великой Отечественной войны, с марта 1946 по август 1948 года — слушатель ВПШ при ЦК КПБ и одновременно заочник Белгосуниверситета. Получив специальность журналиста, работал в газетах «Правда», «Звязда». С 1953 года, после окончания аспирантуры, вся жизнь В. М. Сикорского неразрывно связана с научно-педагогической деятельностью в БГУ имени В. И. Ленина. Он был преподавателем, доцентом, профессором кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов и бессменным ее заведующим в течение 20 лет. С 1972 по 1978 год — ректор университета.

Сикорский В. М. известен как видный ученый в области марксистско-ленинской философии и истории КПСС. Он автор более 200 печатных работ, в том числе 20 монографий, книг, брошюр, руководитель и главный редактор ряда коллективных изданий и сборников.

Широкую известность не только в Белоруссии, но и в других республиках получил «Курс лекций по истории КПСС» под редакцией В. М. Сикорского. В последний год жизни, выполняя поручение Бюро ЦК КПБ, Всеволод Михайлович вел большую научную работу по истории партизанского движения в БССР, был заместителем главного редактора трехтомного издания «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны».

Всеволод Михайлович являлся участником многих республиканских, всесоюзных и международных философских и исторических конгрессов, симпозиумов, конференций ГДР, Польши, Швеции, Финляндии, Италии, Чехословакии, Болгарии. С большим успехом выступал профессор В. М. Сикорский с лекциями перед студенческой аудиторией, рабочими, учителями, пропагандистами, учеными. Импровизация, постоянный контакт со слушателями, яркое слово и живая мысль, искренность — вот стиль его выступлений. Ученого и лектора В. М. Сикорского хорошо знали по трудам и выступлениям в Москве, в братских союзных республиках.

Много внимания уделял В. М. Сикорский организации учебной, методиче-

ской работы, подготовке научных кадров. Он подготовил 30 кандидатов наук, пять его учеников защитили докторские диссертации.

Всеволод Михайлович вел большую общественную работу. Избирался членом ЦК КПБ, депутатом Верховного Совета БССР, членом Минского горкома партии. Он был членом Президиума и Пленума ВАК при Совете Министров СССР, членом Правления общества «Знание» Белорусской ССР, членом бюро Отделения общественных наук АН БССР, внештатным лектором ЦК КПБ, членом Белорусского республиканского Совета по научной разработке истории КПСС и КПБ при Институте истории партии при ЦК КПБ, членом республиканского Комитета по государственным премиям БССР, председателем специализированного Совета по защите докторских диссертаций, членом редколлегий «Вестник БГУ», главным редактором межведомственных сборников по истории КПСС.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Всеволода Михайловича Сикорского. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, Почетными грамотами Верховного Совета БССР, Серебряной медалью ВДНХ СССР. В 1971 году ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки БССР.

Ученый и организатор науки, воспитатель студенческой молодежи и общественный деятель, человек большой души, простой и скромный, чуткий и отзывчивый товарищ, пламенный патриот социалистической Родины, верный сын партии—таким навсегда останется В. М. Сикорский в сердцах тех, кто знал его и работал вместе с ним.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Цецерукоў Н. К.</i> Дзейнасць Кампартыі Беларусі па павышэнню ролі лекцыйнай прапаганды ў ідэйна-палітычным выхаванні рабочых прамысловасці (1966—1970)	3
<i>Ермакович Л. И.</i> Повышение культурно-технического уровня сельских тружеников — важнейшее условие укрепления союза рабочего класса и крестьянства (1971—1975)	6
<i>Фролова И. В.</i> Деятельность партийных организаций КПБ по привлечению интеллигенции села к идейно-воспитательной работе среди населения в годы девятой пятилетки	8
<i>Чесновский М. Э.</i> Восстановление профсоюзов и рост общественно-политической активности рабочих западных областей БССР (1944—1945)	11
<i>Карасюк И. Ф.</i> Борьба немецкой творческой интеллигенции против фашизма в антифашистских организациях и группах Сопротивления (1933—1945)	13
<i>Шнеерсон Л. М.</i> Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году	16

ФІЛАСОФІЯ

<i>Донских Л. Г.</i> Классики марксизма-ленинизма о пролетарском классовом подходе к явлениям и процессам общественной жизни	20
<i>Терлюкевич И. И.</i> Методологический анализ научно-исследовательской программы	22
<i>Янковская Л. В.</i> О содержании научного управления коммунистическим воспитанием	25
<i>Петухов В. М.</i> Эстетическая категория «возвышенное» и специфика ее проявления в искусстве	27
<i>Мельников А. П.</i> О сущности культуры	32
<i>Языкович В. Р.</i> Природа пятидесятнической глоссолатии и эволюция методов ее достижения	35

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Миронов Г. И.</i> Социально-творческая сила ленинизма и крах идеологии мелкобуржуазного радикализма в США	39
<i>Каракко П. С.</i> «Зеленая революция» в земледелии развивающихся стран	41
<i>Миксюк Б. С.</i> Роль идеологической надстройки в процессе формирования общества социалистической ориентации (на примере Народной Республики Конго)	44
<i>Байчоров А. М.</i> К вопросу о социально-политическом и культурном аспектах современного неокOLONиализма	46

ЭКАНОМІКА

<i>Станишевский В. Д.</i> Становление плановых цен в экономике СССР переходного периода	50
<i>Куши Н. В.</i> Бытовое обслуживание населения как сфера материального производства и отрасль народного хозяйства	53
<i>Мажед Али Мохаммед Али.</i> Создание единой арабской валюты — шаг на пути к экономической интеграции стран арабского региона	56

ПРАВА

<i>Броновец В. С.</i> Правовая деятельность как форма осуществления функций советского международного государства	60
<i>Козлов М. К.</i> К вопросу о функциях социалистического государства	61
<i>Дворак Г. А.</i> Элементы методики расследования хищений в рыбной промышленности	63

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Александр Петрович Игнатенко (К 50-летию со дня рождения)	66
---	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Казаков Ю. Л., Медяник В. И.</i> В. И. Новицкий, Е. К. Новик. Участие ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920—июнь 1941 гг.)	67
<i>Квочкин М. П., Шалькевич В. Ф.</i> Д. Б. Мельцер. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая, 681—1981	68
<i>Жбанкова И. И., Карако П. С., Водопьянов П. А.</i> В. А. Марков. Проблема сохранения и современная наука. Философско-методологический анализ	68
<i>Круглов А. А.</i> Вопросы научного атеизма	69
<i>Карако П. С., Водопьянов П. А.</i> Э. В. Клесова. Природа и человек	70
<i>Семькин И. С.</i> А. П. Мельников, П. П. Силиванчик. Духовная культура зрелого социализма: новые рубежи	71

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Всеволод Михайлович Сикорский	73
---	----

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 1. 1982

Издательство Белорусского государственного
университета имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск. Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Редактор *А. А. Сымоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Л. Г. Мядзведзева*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 27.01.82. Падпісана да друку 12.03.82. АТ 11221. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0. Ул.-выд. арк. 8,25. Ты-
раж 1220 экз. Заказ 738.

Адрас рэдакцыі: 220080. Мінск. Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

**УКАЗАЛЬНИК
АРТЫКУЛАЎ, АПУБЛІКАВАНЫХ
У «ВЕСНІКУ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА УНІВЕРСІТЭТА
ІМЯ У. І. ЛЕНІНА».
СЕРЫЯ ІІІ (гісторыя, філасофія, навуковы камунізм, эканоміка, права)
У 1981 ГОДЗЕ**

ДА 60-ГОДДЗЯ БДУ імя У. І. ЛЕНІНА

<i>Базылев Н. И.</i> Развитие исследований по политической экономии	3	31
<i>Богданов В. С., Можейко Н. С.</i> Без отрыва от производства	3	36
<i>Дронь П. П.</i> Разработка актуальных проблем и совершенствование преподавания научного коммунизма	3	16
<i>Клевченя А. С.</i> Развитие философской мысли	3	12
<i>Кожушков А. И.</i> Университет в довоенные годы	3	3
<i>Кожушков А. И., Чудаев М. Ф.</i> Начало истории. Начало пути	1	3
<i>Круглов А. А.</i> Развитие и пропаганда научного атеизма	3	19
<i>Лимаренко А. П., Шульга К. В.</i> Социологические исследования	3	26
<i>Притыцкая Т. И., Сикорский В. М.</i> Научные исследования по истории КПСС	3	10
<i>Салеев В. А., Савостенко П. Н.</i> Основные направления развития марксистско-ленинской эстетики и этики	3	23
<i>Слука О. Г., Чудаев М. Ф.</i> Подготовка молодежи к обучению в университете	3	37
<i>Стрельченко В. Н.</i> Интернационализм в действии	3	40
<i>Царук И. О.</i> Развитие исторической науки	3	6
<i>Чигир В. Ф., Тихия В. Г.</i> Развитие юридической науки	3	33

ГІСТОРЫЯ

<i>Арбузов А. Т.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по укреплению колхозно-совхозного производства специалистами сельского хозяйства (1965—1970)	3	42
<i>Веремеенко М. Д.</i> Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по правовому воспитанию трудящихся (1971—1975)	1	16
<i>Вечер Л. С.</i> Создание и деятельность постоянно действующих курсов по переподготовке партийных и советских кадров в годы восьмой пятилетки	1	13
<i>Гойдь Т. А.</i> Руководство КПЗБ деятельностью МОПРа Западной Белоруссии по оказанию материальной помощи политзаключенным и их семьям	2	13
<i>Казаков Ю. Л.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по подготовке рабочих кадров и повышению их производственной квалификации (1951—1955)	1	8
<i>Ковалева Е. А.</i> НТР и обострение социально-политических противоречий в США	2	23
<i>Лейкин Э. А.</i> Белорусская ССР в борьбе за разоружение	2	7
<i>Литвиновский И. А.</i> У истоков электрификации страны	3	48
<i>Малюкович Р. А.</i> Из опыта работы партийных организаций и коллективов вузов республики по формированию контингента студентов в условиях развитого социализма (1959—1970)	2	15
<i>Маслюков В. Ф.</i> Пролетарский интернационализм — основополагающий принцип в деятельности Коммунистической партии Кубы	1	20
<i>Нестерович Я. Ю.</i> Роль В. И. Ленина в мобилизации трудящихся Белоруссии на борьбу против внутренней и внешней контрреволюции в годы гражданской войны	3	45
<i>Ревако К. А.</i> Ф. Энгельс о военном искусстве древних римлян эпохи Республики	1	23
<i>Романовский И. Ф.</i> XXVI съезд КПСС о возрастании руководящей роли партии	2	3
<i>Саилас С. Ф.</i> Проблемы охраны окружающей среды в ГДР (1971—1975)	2	21
<i>Сергеенкова В. В.</i> Численный и социальный состав учащихся начальных народных училищ в России (вторая половина 60-х — 70-е годы XIX века)	2	18
<i>Суховей З. А.</i> Деятельность партийных организаций Белоруссии по обеспечению промышленности инженерными кадрами в годы восьмой пятилетки	1	10

Чигринов П. Г. Роль Компартии Белоруссии в интернациональном воспитании трудящихся (1926—1932)	2	10
Чурмаков Ю. В. Из опыта СЕПГ по совершенствованию партийно-политического образования коммунистов и беспартийных трудящихся (1971—1975)	1	18
Шуров Г. С. Из опыта партийной организации Белоруссии по эстетическому воспитанию трудящихся	2	6

ФІЛАСОФІЯ

Брюхов В. С. К вопросу о специфических особенностях современных буржуазно-ревизионистских концепций равновесия	2	40
Гусаковская Л. А. Чувственное и рациональное в механизме эстетического вкуса	3	51
Давидюк Г. П. О проблемах подготовки кадров социологов	2	32
Жуков Н. И. Структура и функции марксистско-ленинской философии	2	27
Зимак З. О. Методологические аспекты проблем обучения в свете ленинской теории отражения	2	30
Клевченя А. С. Философские идеи Канта в Белоруссии. К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»	1	25
Корольков Н. А. Музыкально-эстетическое воспитание и научно-техническая революция	2	38
Кумачев А. И. Отношение как единство противоположностей	3	54
Манаев О. Т. Включенность личности в коммуникационное поле средств массовой информации	1	31
Мухарская Л. П. «Потребность в общении» как философская категория	1	34
Петухов В. М. О структуре музыкального образа в аспекте эстетической категории «возвышенное»	2	43
Троицкий В. В. Специфика и сущность нравственно-психологического климата	2	35
Ульбин И. А. К вопросу о сущности в структуре понятия «научное мировоззрение»	1	28

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Змитрович И. О. Критика буржуазных определений понятия «интеллигенция»	1	41
Литвинович А. Ф. Взаимообогащение национальных культур в условиях развитого социализма	2	48
Лиходиевская Л. Н. Социалистическая экономическая интеграция — материальная основа сближения духовных культур стран-членов СЭВ	2	50
Мазурчик Л. В. Совершенствование подготовки рабочей смены на современном этапе развития системы профтехобразования	1	38
Марчинская Н. И. Функции социалистического образа жизни как категории научного коммунизма	2	46
Старовойтова Л. В. Местные Советы и перевод сельского хозяйства на индустриальную основу	3	59

ЭКАНОМІКА

Бурдынова Л. П. Роль социальных факторов в совершенствовании организационных принципов социалистического соревнования	1	45
Гриц В. А. Проблема инфляции в работах Дж. Гэлбрейта	1	47
Давыденко Л. Н. Преобразование сельскохозяйственного труда в условиях агропромышленной интеграции	2	52
Мартынов С. Н. Транснациональные корпорации США и рециклирование доходов развивающихся стран на примере нефтедобывающих государств	3	66
Сальков А. П. Территориальная структура рабочих машиностроения и металлообработки БССР в 1959—1970 годах	3	63

ПРАВА

Воробей Г. А., Лейзеров А. Т. Вопросы конституционного контроля в СССР	2	55
Дворак Г. А. Основные задачи профилактики хищений	2	56
Довнар Т. И. II съезд Советов БССР и его значение в социалистическом строительстве республики	3	70
Кудинов А. Н. О понятии «народ» в теории советского государственного права	1	51
Серебренников В. П. К вопросу о совмещении электоральных политических мандатов в Пятой французской республике	3	74

Арапов А. Т. Гражданский процесс БССР, ч. I	1	5
Бахрах Д. Н., Свинцов В. Д. Советское строительство	3	8
Гневко Н. Г., Титок В. А. Историческое краеведение Белоруссии	3	7
Дронь П. П., Коршук В. К. В. М. Сикорский. Партия класса, партия народа	2	5
Дулов А. В., Синяк А. В., Кирилук И. П. В. Н. Семенов. Комплексный характер воспитания: проблемы методологии и практики	1	5
Зайцев И. М. Гражданский процесс БССР с. II	2	6
Захаренко В. Е., Калинин Ю. В., Саркисова Э. А. М. А. Ефимов, В. А. Шкурко. Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с преступностью	1	5
Калинин Э. М. Н. И. Базылев. Экономическая теория социализма	3	7
Кепеть А. В. В. Ф. Бондарев. Дифференциальный фиксированный доход и выравнивание экономических условий хозяйствования	2	6
Клесова Э. В. Ю. М. Манин. НТР и экологизация производства	1	5
Лившиц Г. М. В. И. Кузищин, А. И. Немировский, Э. Д. Фролов и др. Историкография античной истории	2	5
Мельцер Д. Б., Синица В. И. Цонко Генов. Освободительная война (1877—1878)	1	5
Миницкий Н. И., Ханкевич О. И. E. Ferenczy. From the patrician state to the patricio-plebeian state	2	5
Прохоренко И. Д. М. В. Научитель, В. Т. Смирнов. Категория «полезность» в экономических теориях	2	6
Рукавишников В. О., Дунаев В. А., Кочергин В. Я. В. Ф. Черноволенко, В. Л. Оссовский, В. И. Паниотто. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи	2	6
Савчук Е. Ф. Н. С. Сташкевич. На защите идей Октября	3	7
Симоненко А. С., Тихонов Ю. Р. В. А. Алешкевич. Экономические проблемы социалистического соревнования	2	6
Уколов А. Ф., Шалькевич В. Ф. А. М. Павлюченко. Ленинская концепция социализма	1	5
Хилькевич А. П. А. Ф. Берков. Противоречия в науке	2	6
Чепко В. В., Мельцер Д. Б., Оржеховский И. В. Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты	1	5
Янченко С. Е. Государственно-монополистические комплексы	1	5